Издание для сильных и жестких мужчин



СОЛДАТ УДАЧИ

№ 11 (170)
ноябрь 2008



Смертники

Атака «людскими волнами»...

«АНГОЛЬСКИЕ РЭМБО»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ИНДЕКС 26319
ISSN 0201-7121
11
9 770201 712002
ИНДЕКС 71223



Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 01.10.08

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ,
свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 2691
Тираж – 21.500

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в форматах Word.

Михаил ЕФИМОВ

«В смиренном образе бьет челом...»

Напомню: 8 августа Грузия наносит удар по югоосетинской столице. Цхинвал массированно обстреливается из установок «Град», с аэродромов поднимаются грузинские ВВС, в город входят танки и пехота. Агрессоры расстреливают мирных жителей и российских миротворцев. Количество жертв исчисляется сотнями. Беженцы устремляются в Северную Осетию.

В Южную Осетию для отражения агрессии входят части 58-й армии. Вскоре в район боевых действий перебрасываются подразделения 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии. В Цхинвале идут упорные бои.

Не стану дальше утруждать читателя. Все эти события известны достаточно хорошо, последствия тоже. Скажу только одно. В августе 2008 года Россия в очередной раз в своей истории спасла от истребления очередные народы, теперь – южных осетин и абхазов.

Правильно ли она поступила? Уверен, правильно. Впрочем, у нее не было выбора. Надо с горечью признать, мир в большинстве своем не понял Россию. Ну да что ж, не впервой.

Но я не об этом, вернее, не совсем об этом. Сегодня хотелось бы оглянуться назад, ибо, как известно, без прошлого нет будущего. История – хороший учитель. Она то и дело преподает нам уроки. Только вот не всегда мы обращаем внимание на них, задумываемся над ними.

Да, в XXI веке Россия спасла южных осетин и абхазов, но поразительно, истребить их – а удары установок «Град» по мирному городу не дают возможности усомниться в этом – хотели грузины. Повторяю еще раз – гру-зи-ны! А ведь ровно 370 лет назад в 1638 году мингрельский царь Леон Дадиани падал в ноги русскому царю Михаилу Федоровичу и просил его спасти грузинский народ от истребления. Как просил, о том свидетельствует грамота, хранящаяся в архивах.

Хотелось бы обратиться к современным грузинам. Послушайте, как молил русского царя «дидянский государь именем Лев».

«...В смиренном образе бьет челом и поклоняется... всеми пребывающими здесь в Иверской стороне православными... И было де в Иверской земле пять государей, из них де Перской шах побил двух государей, а до остальных де трех государей царством владеет он, Леонтей, и желал де он, от многаго времени, чтобы... служил его Великому царствию, да не изыскал такова времени, чтобы ему государю побить челом...»

Слова эти вроде бы не требуют комментариев, но то ли их не знают в Тбилиси, то ли забыли. Поэтому разъясню: в переводе на современный язык грузинский царь Лев (он же Леон, Леонтей) кланяется царю Михаилу Федоровичу и сообщает, что двоих государей из пяти персидский шах прикончил и, собственно говоря, если Россия не вступится за них, то же произойдет с тремя оставшимися царями, а значит, и со всем грузинским народом. И Лев просит у Михаила Федоровича, чтобы он нашел время принять грузинского главу.

Однако продолжим цитировать документ, ибо он очень поучителен и актуален и сегодня, более чем через три с половиной сотни лет.

«А ныне де он (царь Лев. – **М. Е.***) и со главою своею и со всем держанством своим подается служити его великому царствию и бьет челом, чтоб он, великий государь, пожаловал его и прислал к нему посла... и принял бы их под свою царскую высокую руку, чтоб им всегда быти под его... высокою рукою и служить бы им царствию его... и иметь бы им себе помощь и заступление».*

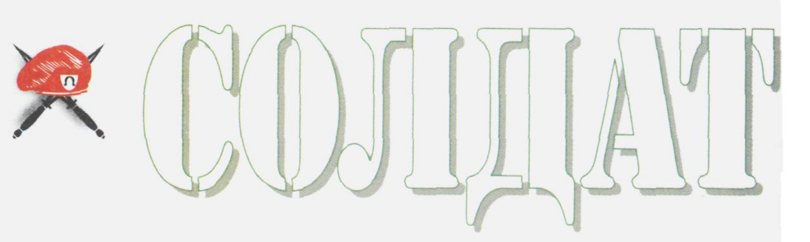
А вот еще один документ, написанный позже, в 1657 году.

«Шах захватил Грузию... Наш государь побежден шахом, и у него нет ниоткуда помощи», – молили Россию представители тушинского, хевсурского и пшавского народов.

А в августе 2008 года у югоосетинского и абхазского народов ниоткуда не было помощи. И так же как сотни лет назад для грузин, сегодня для осетин и абхазов помощь пришла с севера. Но грузины забыли об этом. Верится, что осетины и абхазы – не забудут.

А завершить свои размышления хочу еще одной цитатой, на сей раз из Георгиевского трактата (1783 г.). Уж очень здорово сказали наши предки – русский Потемкин и грузины Иван Багратион и Герсеван Чавчавадзе:

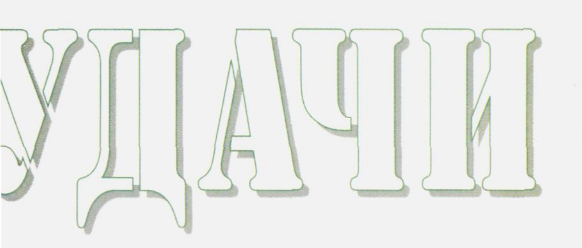
«От давнего времени Всероссийская империя по единоверию с грузинскими народами служила защитой, помощью и убежищем тем народам... против угнетений, коим они от соседей своих подвержены были...»



Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.



№ 11 (170)
ноябрь 2008

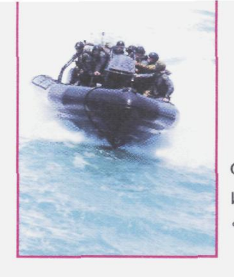


Фото
из архива
«Солдата удачи»

ЛАБИРИНТЫ СУДЕБ

стр. 30



Смертники

– А ты везунчик! – с улыбкой заметил офицер, вытащивший его из-под ног обезумевших бородачей. – У тебя только одно ребро сломано и легкое пулевое ранение. Плечо зацепило... Ты не бойся, ты уже в безопасности, в руках национальной безопасности, – шутя, продолжил он.

Дмитрий ПИСАРЕНКО

ИСТОРИЯ ВЕЛИКАЯ И СЛАВНАЯ

стр. 36

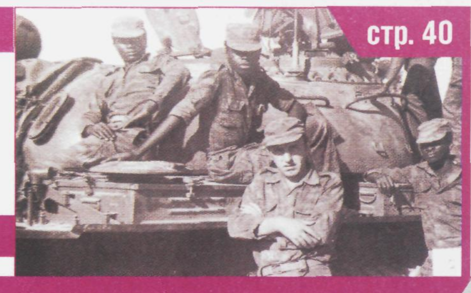
И один в море воин...

Капитан-лейтенант Н. Белый принял неравный бой. Позиция эритрейских катеров по отношению к советскому кораблю напоминала расположение турецких линейных кораблей и русского брига «Меркурий». Так же как и турки, эритрейцы заняли позиции слева и справа от корабля, который хотели взять в плен. На первый взгляд, положение наших моряков было безвыходным. Однако, искусно маневрируя, капитан-лейтенант Н. Белый, как и его знаменитый предшественник А. Казарский, поставил в невыгодное положение обоих своих противников.

Кирилл БАРКАЕВ

СЫНЫ ОТЧИЗНЫ НА ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

стр. 40



«Ангольские рэмбо»: мифы и реальность

Далее гость (по строгому секрету) поведал, что «в целях проверки агентурных сведений нашей разведки, полученных из Африки» в Анголу в 1977 году была-де направлена «разведывательно-диверсионная группа в составе нескольких мичманов и старшин срочной службы».

Сергей КОЛОМНИН

ОРУЖИЕ РОССИИ

стр. 48



ЯкБ и ГШГ – наследники ШКАСа

Создание многоствольных пулеметов, или, как их тогда называли, «пулеметов шквального огня», в нашей стране началось в середине 1930-х годов. Первоначально к работе над ними приступило проектно-конструкторское бюро ПКБ (позднее ОКБ-2) ковровского пулеметного завода, созданное в 1921 году специально для разработки автоматического оружия. В период с 1936 по 1954 год конструктором И. Слостиным было создано несколько опытных образцов многоствольных пулеметов и пушек калибром от 7,62 до 23 мм.

Илья ШАЙДУРОВ

ВООРУЖЕНИЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

стр. 52



Испытания под грифом «секретно»

Излучатель оказался в наших руках после боев на Синае. Он находился в обломках хвостовой части ТОУ, который промазал по египетскому танку. Получал эти «бренные останки» лично я. Среди членов одного из экипажей находился «компетентный товарищ», обративший внимание, что их обстреливают ранее неведомым оружием, он и подобрал пару таких обломков.

Дмитрий ШИРЯЕВ

В номере использованы фотографии Сергея Сидорова, Сергея Исакова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, Юрия Тутова, Юрия Козырева, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.



Если развитие гражданского общества философы объясняют формулировкой «бытие определяет сознание», то вся эволюция военного искусства напрямую зависит от степени развития средств поражения. Появление шестьдесят лет назад ядерного оружия перевернуло классическое понятие войны как столкновение значительных масс войск двух противоборствующих сторон. Сосредоточение на поле боя, к которому в течение нескольких тысячелетий стремились воюющие армии, стало не только не нужным, а даже смертельно опасным. Но оружие массового поражения оказалось весьма неудобным в своем применении, и за последние десятилетия было создано новое эффективное средство поражения под названием – «высокоточное оружие». Название этого комплекса вооружений говорит само за себя. На смену огромному расходу боеприпасов при ведении боевых действий в прошлом пришли «умные» бомбы и ракеты, способные решать точечные задачи, действующие избирательно и не оставляющие за собой больших экологических последствий.

Исходя из возможностей современных средств поражения, можно сделать вывод, что боевые действия с их применением будут отличаться:

1. Высокой динамикой и скоротечностью и как следствие будут носить трудно прогнозируемый для противника характер.

2. Комплексным применением сложнейших технических устройств: вооружений, средств доставки, наблюдения, связи.

3. До тех пор, пока одна из сторон не завоюет полное господство в воздухе (околоземном пространстве), определяющим фактором на поле боя будут являться авиация и ракетные войска.

4. При любом военном конфликте (локальном или глобальном) «последняя точка» будет поставлена пехотными подразделениями в виде «зачистки» территории противника.

Сергей ИСАКОВ

ЦЕНА ИНИЦИАТИВЫ



НОВЫЕ РЕАЛИИ БОЯ

Новое вооружение диктует и новые способы ведения боевых действий. На смену сосредоточению войск пришло рассредоточение. В будущих войнах любая крупная цель, будь то войсковое соединение противника или его военный объект, будет уничтожена путем нанесения точечного ракетно-бомбового удара.

Вот как определяет новые способы ведения войны американский военный историк и теоретик Бевин Александер: «Боевые действия в современных условиях не будут проходить на полях сражений с точно обозначенной линией фронта, так как применение смертоносного высокоточного оружия исключает всякую возможность уцелеть на поле боя. Это значит, что в современной войне войска должны действовать небольшими группировками, широко рассредоточенными на больших территориях с максимальным соблюдением мер скрытности и маскировки».

Что же это за «небольшая группировка» и какими качествами должны обладать ее солдаты, участвующие в современных боевых действиях?

Речь идет о пехотном подразделении, выполняющем свою боевую задачу на местности. Численность данного подразделения должна быть такой, чтобы, с одной стороны, имелась возможность решать различные боевые задачи, а с другой – не оказаться привлекательной целью для применения противником высокоточного или ядерного оружия. Логическим путем можно прийти к выводу, что основной боевой единицей будущих войн будет являться взвод, а при некоторых условиях, особенно в локальных конфликтах, даже пехотное отделение. Заметим, что во Второй мировой войне основной оперативной единицей была дивизия, а для решения отдельных задач – бригада. И трижды был прав У. Черчилль, когда говорил: «Генералы всегда готовятся к прошлой войне», так как данный взгляд длительное время преобладал во многих армиях мира и после Второй мировой.

Теперь что касается необходимых качеств. Остановимся на одном и самом важном – способности вести автономные и мобильные боевые действия в составе взвода или отделения. Для этого нужны как минимум три условия:

1) соответствующее вооружение и технические средства (доставки, связи и разведки);

2) личный состав, имеющий навыки применения сложных технических средств и вооружений;

3) наличие командного состава на уровне взвод–отделение, способного принимать самостоятельные решения и действовать автономно.

Невыполнение хотя бы одного из вышеперечисленных условий делает любое по численности подразделение небоеспособным при ведении мобильных боевых действий.

ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА...

Попробуем разобраться, как обстоят дела в сегодняшней Российской армии с готовностью соответствовать требованиям, которые диктуют новые средства поражения?

С первыми двумя из вышеперечисленных условий ситуация можно сказать понятная. Наша армия находится на стадии реформирования. По мере финансовых возможностей государства в войска поступает новая боевая техника, которая по своим характеристикам не уступает зарубежным аналогам, что и подтверждается ее конкурентоспособностью на международном рынке вооружений. За последние годы заметен значительный прогресс в обучении и подготовке войск. Проводятся стрельбы, тактические учения, на которых подготовка войск проходит с учетом боевого опыта, приобретенного Российской армией в борьбе с сепаратистскими движениями на Кавказе, в том числе и в составе малых подразделений. Получают распространение различные имитаторы и тренажеры, дающие возможность личному составу отрабатывать элементы вождения, стрельбы и взаимодействия без использования ресурса дорогостоящей боевой техники и излишней траты боеприпасов.

Что касается третьего условия, то здесь дела обстоят довольно интересным образом. Под способностью принимать самостоятельные решения понимается такое качество, как инициативность. Так вот, если опросить представителей младшего командного состава наших Вооруженных Сил, как, на их взгляд, обстоит дело в Российской армии с проявлением личной инициативы, то практически все ответы будут иметь примерно следующее содержание: «В нашей армии инициатива НАКАЗУЕМА!» При таком состоянии дел напрашивается вывод: «Раз необходимое условие к успешному ведению мобильных боевых действий отсутствует, следовательно пехотные части Российской армии не готовы к войне в новых условиях?» Такая постановка вопроса была бы весьма некорректной. В Российской армии были, есть и будут решительные и инициативные командиры. Но вот сама наша военная система с ее традициями и принципами обучения, большинство из которых досталось в наследство еще от Советской армии, практически ничего не делает для развития у своих командиров, особенно младшего звена, таких необходимых в современных условиях качеств, как инициативность и способность к принятию самостоятельных решений.

Нет, на официальном уровне у нас все в порядке. Если заглянуть в Боевой устав Сухопутных войск, то в нем требования к инициативности и самостоятельности личного состава как раз очень высокие, в том числе и на взводном уровне. *«...Решительность, активность и непрерывность ведения тактических действий заключается в... навязывании противнику своей воли дерзкими, смелыми и энергичными действиями... Самого сурового осуждения заслуживает тот, кто, боясь ответственности, проявил бездействие и не использовал всех сил, средств и возможностей для выполнения поставленной задачи».*

Но дерзость и энергичность по отношению к своему противнику это не разновидность вооружения, которое можно получить на складе. Это морально-психологические качества, воспитывать их нужно длительное время, и прежде всего в мирный период. Современные войны скоротечны, для армии времени на «раскачку» не будет, с



каким «багажом» подойдем к очередной войне, с таким и воевать придется.

А актуально ли вообще на сегодняшний день наличие у младших командиров способности принимать самостоятельные решения? Может быть, разумнее было бы совершенствовать средства связи и развивать оперативность штабного управления? Любой участвовавший в боевых действиях офицер скажет, что, какими бы совершенными системами связи вы ни обладали, на войне будет достаточно ситуаций, когда связь с вышестоящим командованием отсутствует и приходится или бездействовать или на свой риск принимать самостоятельное решение. К тому же параллельно с развитием средств управления и связи происходит развитие средств, призванных с ними бороться.

Отсутствие способного к самостоятельным действиям младшего командного состава может еще сойти на небольшой локальной войне с технически более отсталым противником. Да и то только на начальном этапе. Как только война перейдет в контрпартизанские действия, крупные воинские подразделения сразу же окажутся, в сравнении со своим противником, медлительными и неповоротливыми. Американцы это поняли еще сорок лет назад, когда во Вьетнаме вынуждены были перейти к рейдовым действиям в составе взвода или роты. На сегодня в американской армии вопросы о роли и подготовке своего младшего командного состава к ведению мобильных боевых действий в составе небольших подразделений уже давно решены. К тому же следует отметить, что в американской армии уже длительное время существует и прекрасно действует профессиональный сержантский корпус. Ведь, говоря о младших командирах, нужно иметь в виду прежде всего сержантский состав. Потому как в случае выхода из строя единственного взводного офицера, именно один из командиров отделений будет осуществлять командование взводом, по крайней мере до конца боя или рейдовой операции.

В нашей армии роль малых подразделений стали осознавать только в чеченскую кампанию. В вопросе подготовки личного состава к возможности ведения самостоятельных боевых действий мы отстаем как минимум на «два шага». Американцы уже на практическом уровне работают над программами по подготовке своего рядового состава к ведению автономных боевых действий, в том числе и без непосредственного присутствия офицера. Научный прогресс в военной сфере, создав ПЗРК, ПТУРС и гранатометы, предоставил возможность одиночному солдату при определенных условиях на равных бороться с бронетехникой и авиацией противника. И все современные тенденции в развитии военного дела указывают на то, что параллельно с развитием дорогостоящих средств поражения, как, например, высокоточного оружия, на поле боя все больше будет возрастать и роль одиночного пехотинца.

Почему же в нашей армии существует такое положение дел, когда на официальном уровне с вопросами развития самостоятельности и инициативности все относительно хорошо — в уставах записано и принимается к сведению, а на практике — настоящая борьба и преследование этой самой инициативы?

Это происходит, во-первых, из-за недопонимания значения и роли младшего командного состава в современных условиях ведения боевых действий, а во-вторых, из-за того, что инициатива подчиненных зачастую воспринимается в глазах большинства армейских начальников как антагонизм *(спор, противоречие)* такому понятию, как армейская дисциплина.

ИНИЦИАТИВА И ДИСЦИПЛИНА – КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Любая армия держится на строгой дисциплине и основой армейской дисциплины является принцип единоначалия, заключающийся в *«..праве командира единолично принимать решения, отдавать приказы и обеспечивать их выполнение...»* И согласно Военному энциклопедическому словарю 2007 года, *«оно (единоначалие) представляет собой наиболее оперативный и эффективный метод управления войсками, обеспечивающий в условиях войны наилучшее использование возможностей воинов...»* Спорить не будем, принцип единоначалия действительно наиболее эффективный метод управления войсками, и это подтверждено всей историей развития военного дела. Но есть одно но. Что делать командиру подразделения, когда пришедший из штаба приказ явно устарел и противоречит изменившейся боевой обстановке? Или когда связь с вышестоящим командованием вообще отсутствует? Принцип единоначалия обязывает обеспечить выполнение последнего из полученных ранее приказов, а здравый смысл и постоянно меняющаяся обстановка требуют порой совершенно противоположного — самостоятельных действий, которые могут даже противоречить полученным ранее указаниям. Вот здесь, как и предписывают уставы, у подчиненных должна проявляться способность к личной инициативе. Но весь вопрос в том, как оценит начальство проявленную их подчиненными самостоятельность?

В военном лексиконе слово «инициатива» часто употребляется со словом «разумная». То есть вышестоящие начальники ждут от своих подчиненных инициативных действий, приносящих только ожидаемые и запланированные результаты. Но ведь, для того чтобы произошла качественная оценка события, нужно сначала, чтобы это событие произошло. Получается: угодишь начальству — значит, инициатива разумная и за нее, может быть, отметят; не угодишь — самовольство, а то и невыполнение приказа. За это даже в мирное время можно хорошо по шее получить, а на войне так вообще голова с плеч. При таких условиях проявлять инициативу — себе дороже. Проще дождаться очередного указания из штаба, то есть переложить ответственность на вышестоящего командира. Так можно было воевать при ведении позиционных войн, современные средства поражения времени на согласование не оставляют. Действовать нужно быстро и в большинстве случаев самостоятельно.

Толковый словарь русского языка понятие *«инициатива»* дает как *«почин, внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость...»* Дисциплина и предприимчивость,

согласитесь, для военного человека, на первый взгляд, совсем несовместимые понятия. Однако это не так. В мировой военной истории существует масса примеров успешного соединения этих двух противоречивых понятий как у отдельных исторических личностей, так и в традициях армий целых государств.

В статье «Чудо-оружие» третьего рейха, или Что искали американцы в боевом опыте вермахта» («СУ» № 4–6 за 2008 г.) уже была предпринята попытка на примере вермахта показать значение командирской инициативы в ведении маневренной войны. Но для раскрытия темы сегодняшнего разговора придется еще раз обратиться к истории развития германской армии, а именно к периоду, предшествовавшему Первой мировой войне.

НЕМЕЦКИЙ ВОЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Немецкая нация к началу XIX века была раздроблена на множество отдельных государств, правители которых часто враждовали друг с другом и вели войны, участвуя в противоборствующих европейских союзах. Но на общенациональном уровне в сознании большинства немцев царила идея объединения, и «локомотивом» такого объединения все видели именно Пруссию. До начала XIX века прусская армия считалась самой образцовой в мире, а ее «архитектор» король Фридрих Великий являлся кумиром и авторитетом для многих военных деятелей того времени. Прусская военная теория XVIII века представляла собой «игру в солдатики», то есть чистое искусство, определяемое только талантом полководца в виде хитроумных маневров на поле боя. Боевой дух и моральное состояние солдат, по мнению прусской военной школы того времени, задавались палочной дисциплиной и постоянной муштрой.

Переломный момент произошел в самом начале XIX века, когда «образцово-показательная» прусская армия столкнулась с армией нового типа – армией революционной Франции. После сокрушительного разгрома пруссаков под Йеной в 1806 г. казалось, что на идее объединения всех немцев в единое мощное государство можно поставить крест. Единственный выход для немцев был в создании новой прусской армии, которая из-за ограниченных ресурсов государства должна была стать лучшей в Европе именно по качественным показателям. Итак:

1801 г. Прусский офицер крестьянского происхождения по фамилии Шарнгорст, случайно получивший хорошее военное образование, организовал в Берлине значительную аудиторию в виде военно-научного общества, так называемый «кружок реформы». С 1804 г. он руководит Берлинской военной академией, в которой было всего 20 слушателей и которая успела к 1806 г., когда она исчезла, дать всего один выпуск, но включавший в свой состав таких людей, как Клаузевиц, Бойен и Грольман.

1807 г. После йенской катастрофы и капитуляции Пруссии перед Наполеоном Шарнгорста назначают главой Военной реорганизационной комиссии. Можно представить, что это был за выбор для королевства Пруссия начала XIX века. В прусские штабы, которые до этого комплектовались исключительно из верхов дворянского класса, открывается доступ лицам не дворянского происхождения. Вместо социального принципа комплектования штабных должностей было выдвинуто требование специального научного и служебного ценза.

1812 г. После заключения Пруссией и Австрией союза с Наполеоном большая часть офицеров из «кружка реформы» демонстративно уходит в отставку и, надев русскую форму, сражается против прусских полков под русскими знаменами. Один из этих офицеров – Клаузевиц – при отступлении остатков армии Наполеона из России добивается того, что прусский феодал Йорк во имя германского отечества совершает измену своему королю и принимает со своим корпусом русскую сторону.

1814 г. Вместо погибшего на войне Шарнгорста, начальником Департамента генерального штаба назначается его ученик Грольман, который при союзе Пруссии с Наполеоном сражался с французами в рядах испанских партизан. На новой должности Грольман определяет основные черты будущего развития прусского генерального штаба, из которого реформаторы решили сделать новый «кружок реформы», но уже на официальном уровне:

1. Генеральный штаб (ГШ) *в мирное время* – это всего лишь школа, сквозь которую пропускают значительное число отборных офицеров.

2. ГШ не должен мыслить отдельно от армии. Он дает последней офицеров с широким образованием, со знанием тактики всех родов войск, *с решительным умом и характером*.

3. Никто не должен оставаться в ГШ больше четырех лет подряд. Одна четверть офицеров ГШ каждый год должна возвращаться в строй. Обратно в ГШ, на более высокую должность, могут вернуться только выдающиеся офицеры.

4. Подготовка офицера ГШ растягивалась на девять лет: 3 года академии и 6 лет причисления. За время причисления к ГШ отбывается топографический ценз, стаж в штабе корпуса и 2 года строевой службы в родах войск, в которых причисленный еще не служил. В течение всех девяти лет проводился жесткий отбор:

– прием в академию по строгому конкурсу, оканчивают академию *меньше половины* принятых;

– из причисленных переводится на службу в ГШ *не больше одной трети*, что в итоге составляло *не более 3-5%* от общего числа экзаменуемых абитуриентов в лице лучших офицеров прусской армии;

– после четырех лет службы в ГШ следует перевод на строевую должность и новый отбор для высших должностей ГШ.

5. Офицеры прусского ГШ освобождаются от любой канцелярской работы и мобилизационных мелочей, вся канцелярия и техника мобилизации ложилась на адъютантуру – специалистов бумажного дела. Благодаря этому прусский генштаб мог всецело посвятить себя развитию военного искусства и по численности был втрое меньше, чем русский или французский генеральный штаб того времени.

1831 г. От холеры умирает Клаузевиц. После смерти публикуется его неоконченный философский труд «О войне», который



в корне пересматривает многие взгляды того времени на развитие военного искусства и отношение армии и государства. По Клаузевицу, каждая большая война представляет собой отдельную эпоху в истории военного дела. Попытки распространять нормы, господствующие в одной войне, на последующие войны приводят к созданию односторонней системы, к догматическому окаменению и разрыву с требованиями реальной жизни.

1857 г. На пост начальника ГШ назначается Мольтке (старший) – бедный датский офицер немецкой национальности, из карьерных соображений перешедший в прусскую армию. Новый начальник генштаба – настоящий ученый: знание семи языков, в том числе турецкого, русского, французского, английского и итальянского, труды по географии и истории, практический боевой опыт.

Вся работа ГШ в предыдущий до Мольтке период заключалась в качественной подготовке офицеров и развитии новых идей в военном деле путем тщательного анализа всех на то время прошедших войн. Огромное значение придавалось публикации военных исследований и преподавательской деятельности. До военной кампании 1866 г. задача начальника ГШ в мирное время заключалась лишь в том, чтобы следить за военным положением Европы и в любое время быть готовым представить королю доклад о шансах войны с тем или иным противником и о плане войны, на котором выгоднее всего остановиться. Непосредственной подготовкой к войне тогда занимался военный министр, который порой не особенно считался с мнением генерального штаба. Но успешная война с Австрией настолько укрепила авторитет генштаба, что позволила ему завоевать ключевое положение в принятии решений и стратегических, и тактических задач. Результаты не заставили себя долго ждать. Всего через пять лет последовал полный разгром Франции в войне 1870–1871 годов, а к концу XIX века Германия стала сильнейшей мировой державой.

Все это оказалось возможным только при качественном изменении командного состава прусской армии, которое стало происходить с момента реорганизации генерального штаба в 1814 году. Медленно и кропотливо, в течение более пятидесяти лет, генштаб «разворачивал умы» прусских офицеров от плацпарадности и муштры времен Фридриха Великого к способности гибкого восприятия постоянно меняющихся военных тенденций.

СОВМЕСТИТЬ НЕСОВМЕСТИМОЕ...

Как удалось немцам совместить в своей армии дисциплину и инициативу?

Приведенное выше определение инициативы как способности к предприимчивости отражает общее, можно сказать, гражданское понимание этого слова. Посмотрим, что говорит по поводу инициативы Военный словарь.

«Инициатива в операции (бою) – стремление активными действиями самостоятельно под личную ответственность найти и осуществить лучший способ выполнения задач в соответствии со складывающейся обстановкой и замыслом действий старшего начальника...» Данная формулировка очень точно отражает особенности военного понимания инициативы. Из нее видно, что инициативу подчиненных в армии принято ограничивать рамками соответствия замыслам старшего начальника.

Как известно, замыслы старшего начальника передаются подчиненным в виде четко сформулированных приказов. Немцы исходили из принципа, что командир на месте имеет гораздо более точное представление о постоянно меняющейся на поле боя обстановке и какими бы оперативными возможностями ни обладали штабы, их приказы всегда будут опаздывать к моменту исполнения. Еще в начале XIX века, когда все крупные сражения происходили при личном присутствии командующего на поле боя, Клаузевиц в своих трудах приводит такое понятие, как «туман войны». Согласно ему – на все ваши запланированные заранее действия будет влиять ряд различных факторов, которые никогда нельзя полностью предусмотреть и которые могут совершенно изменить весь ход дальнейших событий. Поэтому вместо подробного приказа при постановке боевой задачи в германской армии старались давать только общие указания, а за командирами на местах оставалась возможность самостоятельного выбора сил и средств для их решения.



Естественно, подобная свобода в действиях подчиненных требовала специальной подготовки и выдвигала на первый план такое качество, как способность командира к принятию самостоятельных решений и проявлению личной инициативы. Этот вопрос немцы решали путем создания специальной системы отбора и аттестации командного состава. В этом отношении очень показателен подход начальника отдела личного состава рейхсвера в 20-х годах прошлого века генерала фон Хаммерштейна. Он отмечал, что кадровый отбор должен осуществляться по следующему признаку. Офицеров делили условно на четыре категории:

– умные и решительные годились на высокие командные должности;

– кто умен и ленив, подходил для самого высокого командования, ибо считалось, что у него хорошие нервы, способные справиться с любой ситуацией;

– на определенных должностях можно было также использовать глупого и ленивого офицера;

– но глупый и старательный офицер, по мнению немцев, должен быть немедленно смещен.

Обратим внимание на последний пункт этого, казалось бы, не вполне серьезного подхода.

В германской армии в офицере ценились не исполнительность и многознание, а, прежде всего, способность творчески мыслить, анализировать и подходить к решению любой задачи не по шаблону, а наиболее подходящим способом. Такой подход к системе отбора и подготовки прусского офицерского корпуса привел к тому, что уже к Первой мировой войне, когда на поле боя появились первые танки и самолеты, германские офицеры были готовы к ведению будущих мобильных войн. Это довольно редкий случай, когда нарождающиеся новые средства поражения и ведения войны были опережены подготовкой личного состава к их оптимальному применению.

Конечно же и в германской армии существовали значительные проблемы

с качественной оценкой результатов проявленной на поле боя инициативы. Приведу несколько примеров «разумной инициативы» и «самовольства» немецких высших офицеров, причем в условиях тоталитарного гитлеровского режима.

Декабрь 1941 г. Советские войска высаживают морские десанты в районе г. Керчь. Командир 42-го корпуса граф Шпонек, чтобы не оказаться отрезанным от основных сил 11-й немецкой армии, осаждавшей Севастополь, игнорируя приказы штаба армии на немедленную атаку советских десантов, отдает своим частям приказ на отступление. Его войска, по мемуарам Манштейна, «...при совершении форсированного марша...» бросают все свое тяжелое вооружение и выходят в небоеспособном состоянии. Военный трибунал под председательством Геринга выносит Шпонеку смертный приговор. Командующий 11-й армией Манштейн и главнокомандующий группой армий фон Бок, узнав о приговоре, протестуют и пишут апелляцию Гитлеру. По мнению Манштейна, «...военно-полевой суд, состоящий из опытных фронтовых командиров, не вынес бы такого приговора, какой вынес суд под председательством Геринга...»

Март 1942 г. Группа армий «Центр» пытается остановить советское контрнаступление под Москвой. Командир полка 7-й танковой дивизии полковник фон Мантейфель был временно отстранен командованием дивизии от выполнения своих обязанностей и переведен на другую должность. Перевод был предпринят, чтобы избавить фон Мантейфеля от преследований со стороны командующего армией, который требовал над полковником военного суда. Основанием для этого послужило то, что Мантейфель, оценив складывающееся положение, по собственной инициативе прекратил осуществляемое им по приказу свыше наступление, чтобы избежать, по его словам, ненужных и бессмысленных потерь. Вскоре потрепанная под Москвой дивизия была отправлена на отдых во Францию. Казалось бы, самое время наказать своевольного полковника, но уже в мае фон Мантейфель был восстановлен в должности, в июле назначен командиром бригады, а в январе 1943-го назначен командиром новой дивизии.

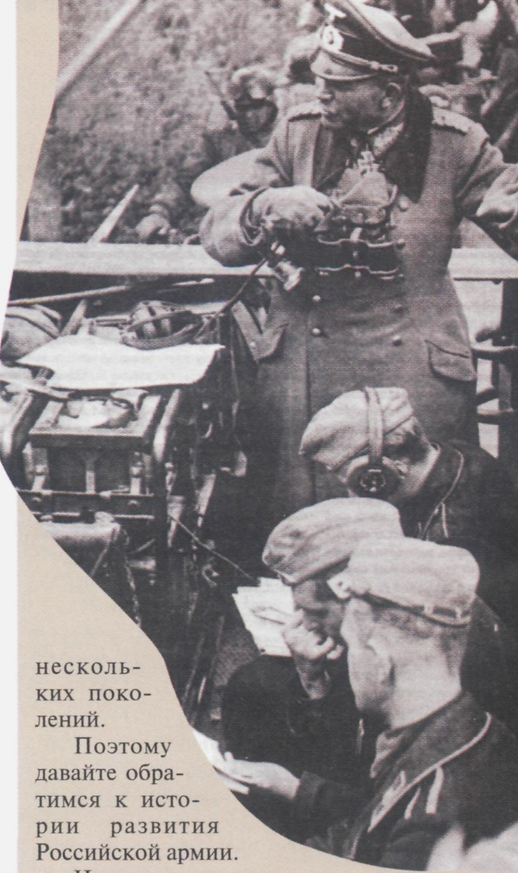
Февраль 1943 г. В ходе советского наступления в районе Харькова были окружены пять немецких дивизий, в том числе дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Рейх» и «Великая Германия». Можно представить какое блюдо получилось бы в этом «котле», но командир 2-го танкового корпуса СС Хауссер, игнорируя полученный приказ Гитлера защищать Харьков до последнего солдата и не ставя в известность вышестоящее командование, готовится к прорыву. Потеряв в течение двухдневных боев большую часть своих танков, он выводит немецкие войска из окружения. Вскоре его инициатива была признана правильной, и Хауссер не понес никакого наказания.

Как видим из примеров, немецкие офицеры, проявившие личную инициативу и нарушившие приказы вышестоящего начальства, даже при судебном разбирательстве могли рассчитывать на сложившиеся в германской армии традиции и на понимание и поддержку своих действий офицерским корпусом. Правда, следует отметить, что уже с осени 1943 г., после провала операции «Цитадель» и советского контрнаступления, Гитлер в категорической форме требует от своих командиров применения тактики «крепостей» — жесткого удержания участков фронта, лишая их возможности ведения маневренных действий и гибкой обороны. Проигрывая начатую войну, нацисты явно занервничали, и на первый план в действиях немецкого командования стала выходить не рациональная эффективность, а идеологическая импульсивность, которая только способствовала разгрому гитлеровской армии.

Впрочем, цель данной статьи — вовсе не популяризация достижений германской армии. Нам бы в своих проблемах разобраться.

ОПЫТ РОССИИ

При рассмотрении условий, необходимых для ведения современных боевых действий, можно заметить, что выполнение первых двух — наличие соответствующего вооружения и подготовленного личного состава — носит больше технический и финансовый характер. Современную боевую технику, если отстает отечественная промышленность, можно приобрести за рубежом. Можно выделить дополнительные средства на обучение личного состава практическому применению этой техники, приобрести различные дорогостоящие тренажеры, чаще выезжать на стрельбище. Все это решается за какие-нибудь несколько лет, как говорится, «были бы желание и деньги». Но третье главное условие победы — командирскую инициативу — на рынке вооружений не купишь. Традиции не продаются, они формируются в течение



нескольких поколений.

Поэтому давайте обратимся к истории развития Российской армии.

Не многие государства имеют такую богатую военную историю как наше, и, говоря о современной Российской армии, решение многих сегодняшних проблем нужно искать именно в нашем историческом прошлом. В нем было много славных страниц. Были и неудачи, но лучшая благодарность потомков — это внимательное изучение предыдущего боевого опыта и учет уже допущенных ошибок при дальнейшем развитии.

Давайте посмотрим, что досталось нам из отечественной военной истории в вопросе гармоничного сочетания в армии таких качеств, как дисциплина и инициатива.

Итак, **век восемнадцатый.**

Задумав выдвинуть свою державу на уровень первостепенных европейских государств, что возможно было сделать, лишь опираясь на могучую военную силу, молодой царь Петр со свойственной ему энергией приступил к созданию в России постоянной регулярной армии и флота. Долог и труден был этот путь. Основные соперники России: Швеция с севера и Турция с юга — имели сильные армии, и развитие Российского государства не отвечало их интересам. Армию и флот Петру пришлось формировать практически с нуля. Взяв за основу европейский «иноземный строй», Петр все же не пошел путем слепого подражания, учтя в военном строительстве и

своеобразные российские особенности. Именно учет этих особенностей и послужит в дальнейшем столь стремительному обретению грозной славы русским оружием.

1. Подавляющим большинством населения России было крепостное крестьянство, поэтому русская армия не могла формироваться по европейскому наемному типу из свободных людей в виде городского люмпен-пролетариата и обнищавшего дворянства. Уже с 1699 г. царским указом был введен рекрутский набор. Так называемые «даточные» люди должны были быть поставлены для военной службы с определенного числа дворов (100 сох – один ратник). Более ста лет русская армия будет единолично владеть монополией на такой прекрасный элемент комплектования, как крестьянство.

2. Придя к власти, Петр I затеял настолько грандиозное и кардинальное переустройство всего Российского государства, что подбирать государственные и военные кадры для проведения своих реформ он был вынужден не по сословному признаку, то есть из знатных бояр, а руководствуясь исключительно личностными качествами того или иного кандидата. Подобный кадровый отбор в других европейских государствах будет происходить только после Французской революции и окончания наполеоновских войн, то есть спустя сто лет.

3. Имея сильных и воинственных соседей, Российское государство вынуждено было в течение целого века вести непрерывные войны, благодаря чему отечественная военная наука на протяжении всего XVIII века будет постоянно апробироваться на практике и динамично развиваться, отметая все лишнее и не нужное на войне. Все изменения, вносимые в русские уставы, первый из которых был составлен в 1698 г. по немецкому образцу, будут основываться только на боевом опыте, а не на измышлениях мирного времени и слепом подражании европейской военной моде.

4. По меркам любой из европейских стран Россия была просто гигантской страной. Подобные просторы требовали от войск необычайной для того времени мобильности, выносливости и отлично налаженной системы снабжения, а при ее отсутствии – неприхотливости и способности к самообеспечению. Обширность пространства открывала широкие возможности для действий подвижных отрядов. От монголов русская армия заимствовала стратегическую конницу, способную сражаться в конном и пешем строю. Петр I распространил начала регулярной армии и на конницу, создав драгун. Также придавалось огромное значение действиям на сообщениях неприятеля, для чего в русской армии формировались «корволанты» – летучие отряды, в состав которых кроме конницы входило несколько отборных пехотных полков, зачастую для большей мобильности сажаемых на коней. Требование широты и автономности в ведении боевых действий выдвинет на руководящие посты инициативных и решительных военачальников, заслуги которых будут оцениваться не по придворным ужимкам и политической лояльности, а по реальным боевым успехам.

Двумя ярчайшими представителями русской военной школы XVIII века являются Петр Алексеевич Румянцев (1725–1796 гг.) и Александр Васильевич Суворов (1729–1800 гг.)

Граф П.А. Румянцев получил свой первый боевой опыт, участвуя в Семилетней войне против прусской армии, руководимой Фридрихом Великим. При вступлении русской армии в Восточную Пруссию Румянцев принял под свое командование пехотную бригаду, во главе которой и решил исход Грос-Егерсдорфского сражения (август 1757 г.). В наиболее критическую минуту он по собственной инициативе, не дожидаясь приказа, двинул свою бригаду, которая находилась в резерве, через густой лес, считавшийся по диспозиции непроходимым. Неожиданно атаковав прусские войска во фланг, его солдаты обратили противника в бегство и решили исход всего сражения. Зимой того же года Румянцева назначают командовать особым отрядом для совершения самостоятельных рейдов по Восточной Пруссии. Несмотря на требования главнокомандующего «возможно поспешать», он две недели не приступает к выполнению поставленной ему боевой задачи, все это время энергично придавая своему отряду возможно лучшую организацию и обеспечивая его всем необходимым для похода. Впоследствии вверенные ему войска блестяще выполняют все поставленные задачи и занимают стратегически важный город Тильзит.

В период войны с Пруссией Румянцев проявляет и незаурядный организаторский талант. За несколько месяцев он осуществляет порученную ему реорганизацию, переформирование и обучение конных частей русской армии, которые уже в летнем походе 1758 г. прекрасно выполняют поставленные им задачи, особенно в организации флангового прикрытия и ведения дальней (рейдовой) разведки. В ходе этой работы проявляется особенность Румянцева как военачальника – он предоставляет своим подчиненным полную инициативу действий, поощряет отличившихся и наказывает провинившихся за нерешительность и невыполнение боевых задач, если это явилось следствием недостаточной настойчивости в достижении намеченных целей.

При Екатерине II 39-летний Румянцев получил пост малороссийского генерал-губернатора. Отрицательно относясь к кордонной системе по охране границ, он считал нецелесообразным оборонять украинскую линию войсками, растянутыми «в нитку», то есть в линейном построении. Разделив границу на участки, Румянцев на каждом из них держал сосредоточенно, под прикрытием крепостей, определенную группу войск, сзади же участков он располагал общий резерв, готовый прийти на выручку любому из атакованных противником участку. Заметим, что подобную тактику через 180 лет будет успешно применять вермахт при ведении гибкой обороны.

В турецкую кампанию 1774 г. Румянцев, командуя русской армией, в основу своих операций положил идею ведения маневренной войны. Не теряя людей и времени на взятие крепостей, а оставив против них лишь небольшие отряды для изоляции, он одновременно и концентрически направил главные силы против армии великого визиря, что послужило вместе с еще несколькими победами русских войск скорейшему заключению с Турцией весьма выгодного для России мирного договора.

(Продолжение следует)



Англичанин – мудрец, ну а русский мужик?



К статье Алексея Потапова и Михаила Литвиненко «Горы. Дорога. Засада. Бой» добавить ничего не могу. К тому же их рекомендации относятся, как я понял, к действиям подразделений МВД, тяжелой техникой по определению не отягощенных.

Меня *«порадовали»* иллюстрации, которыми вы украсили эту статью.

Помнится, несколько лет назад ваш журнал довольно регулярно публиковал рекомендации народных умельцев о том, как *при помощи лома и какой-то матери* превратить «Урал» в БТР. Но после публикации самой одиозной статьи на эту тему про незабвенный «блокпост на колесах» (кто не помнит – предлагалось тягач с полуприцепом превратить в этакое wunderwaffe) на вас обрушились целые «пулеметные очереди ответных выстрелов». Писали все: теоретики, практики, любители устава. На основании боевого опыта, здравого смысла и буквы устава они напоминали о том, что перевозка войск в прифронтовой зоне должна осуществляться на бронетехнике. И вот пожалуйста, фотографии показывают, что не перевелись еще богатыри на Руси, для которых даже мнение вождя народов *«не делать из танка универсальный магазин»* не указ.

Товарищи, позвольте в очередной раз напомнить вам, что даже «Урал-4320Б» всего лишь *грузовой* автомобиль, то есть транспортное средство, предназначенное для перевозки грузов. Для перевозки пехоты англичане еще в годы Первой мировой придумали броне*транспортер*!

Нет, я понимаю, что заставляет наших солдат заниматься *самодеятельным техническим творчеством.* Дело в том, что в нашей армии просто **нет** бронетранспортеров. Мне скажут, а как же БТР-60, -70, -80, -90, чуть не сказал БТР-100? Я открою вам страшный секрет – это не бронетранспортеры, а колесные боевые машины пехоты.

Многие забывают, что отличие БТР от БМП заключается не в вооружении и типе движителя. БМП – порождение атомного века и предназначена для обеспечения действий пехоты непосредственно *на поле боя.* Сейчас принято обвинять создателей этого класса боевых машин в том, что они недостаточно защищены. Однако инженеры создали именно то, о чем их просили. Главное внимание тогда уделяли оружию массового поражения. Потери от подрывов на минах или от воздействия противотанковых средств заранее признавались приемлемыми по сравнению с воздействием поражающих факторов ядерного оружия. Бронетранспортер же предназначен для *транспортировки* пехоты (те же англичане называют эти машины *«такси до поля боя»*).

Так что горьковские «многоножки», несмотря на колеса и пулемет, – БМП. А английский «Уорриор» – БТР, хоть у него и гусеницы, и 30-мм автомат. Просто англичан колониальное прошлое приучило вести в основном локальные войны. И в 1960-е–1970-е годы они предоставляли создавать «армии Армагеддона» нам с американцами, а сами пребывали в уверенности в том, что *пехота сражается пешком.* И история показала, что именно они оказались правы. Подтверждение тому – череда локальных конфликтов. И мы, если кто не заметил, ее проиграли.

Но, по-моему, наши генералы и конструкторы так это и не поняли. Нашей армии предлагают новый шедевр на старый лад – БТР-90. Нет, это действительно достижение – довести колесную БМП до уровня гусеничной БМП-2. Ну а дальше что? Было бы замечательно заменить в войсках старые бээмпэшки и бэтээры на новые БТР-90. Но сколько их в год получают наши славные Вооруженные Силы? Один полковой комплект...

Может быть, разумней направить эти невеликие средства на доведение БМП-2 хотя бы до уровня грузинских? А то стыдно, право слово, наблюдать тот восторг, с которым наши солдаты осматривали недавние трофеи. А на сэкономленные деньги вооружить части постоянной готовности БМП-3. Ядерное оружие никто пока не отменял, а эта машина – лучшее, что может дать отечественный ВПК.

Но самое главное, предлагаю – давайте отправим на электронные адреса Минобороны, арзамасских, брянских, волгоградских, горьковских, курганских, камских, омских, рубцовских, челябинских КБ фотографии этих шедевров народного творчества. Ну, традиция в нашей стране такая – просить генералов *«передать государю, что англичане ружья кирпичом не чистют».* Сколько Левшей должны головы сложить, чтобы докричаться? Или мы очередной Крымской войны ждем?

Уж сколько раз твердили миру, что ***нашей армии нужен современный классический бронетранспортер!!!*** Массовый, дешевый, многоцелевой, хорошо защищенный от мин (как юаровские машины) и гранатометных выстрелов (как «Страйкер»). А следовательно (несмотря на все достоинства БТР-Т), колесный с широким применением автомобильных комплектующих. Первый шаг в этом направлении сделан – камазовский «Выстрел».

Товарищи ученые, доценты с кандидатами, ну развивайте успех, сделайте БТР только трехосным, а лучше четырехосным. Или, в крайнем случае, давайте собирать по черметам БТР-40, -152 и -60П. Хоть пересадим пехоту **с** брони (как в 1941-м) **под** броню. Все лучше, чем превращать армию в филиал журнала «Зроб сам». Как там в песне поется:

«Англичанин – мудрец,
чтоб работе помочь,
Громоздит за машиной машину.
Ну а русский мужик,
коль работать невмочь,
Так затянет родную «дубину».

Алексей Севостьянов.

АТАКА «ЛЮДСКИМИ ВОЛНАМИ»: ТАКТИКА ПЬЯНЫХ ИДИОТОВ ИЛИ ОБОСНОВАННЫЙ ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ?

Андрей МАРКИН

(Окончание. Начало в № 10)



Перед дальнейшим изложением необходимо сделать небольшое пояснение. Нормативные документы, как правило, требуют от обороняющихся открывать огонь по противнику с приближением его на дальность действенного огня своего оружия (например, п. 112 Боевого устава по подготовке и ведению общевойскового боя, часть 3, 2005). В технических описаниях конкретных образцов вооружения можно встретить, например, следующие цифры: прицельная дальность для пулемета ПК – 1.500 метров, дальность его наиболее действенного огня – до 1.000 метров. Из этого делается ошибочный вывод, что пулеметчик, вооруженный ПК, при подходе противника на расстояние 1.000 метров, если не раньше, должен открыть по нему огонь. Однако реальная дальность эффективной стрельбы из стрелкового оружия меньше, чем указываемые в наставлениях прицельные дальности

и дальности наиболее действенного огня. Последние можно принимать во внимание лишь в наиболее удобных для стрельбы ситуациях, что не так уж часто встречается. На реальную эффективную дальность стрельбы влияют не только и не столько технические показатели конкретного образца вооружения, но и условия наблюдения, размеры целей, занимаемое положение для стрельбы, физическое и психологическое состояние стреляющего, уровень его подготовки и т.п. Понятно, что на дальностях 1.000 и 1.500 метров средний пулеметчик если и будет попадать, то только случайно. Дальность эффективного огня для того же пулемета ПК в определенных условиях может составить и 200 метров, огонь по всему, что находится дальше, будет, как правило, мимо цели. Открытие огня сразу после обнаружения противника до его подхода на эти 200 метров повлечет малополезный расход боеприпасов. Причем атакующий может искусственным образом сокращать дальность эффективного огня обороняющихся. Например, в Корее атаки «волнами», как правило, проводились ночью. Разумеется, американским войскам было относительно несложно осветить район обороняемых позиций во время атаки. Но в любом случае меткость огня ночью снижается. Причем это справедливо и по сей день, в том числе при использовании приборов ночного видения. В некоторых случаях для создания прикрытия для атак использовались поджоги лесов или кустарника перед фронтом и в тылу (последнее – чтобы быть застрахованным от перемены направления ветра) атакуемой позиции, создававшие плотную пелену дыма. Снижается эффективность огня при атаках, когда солнце бьет прямо в глаза обороняющимся, или проводимых в проливной дождь, в тумане, во время снегопада.

Открытие огня задолго до захода противника в зону эффективного поражения своего оружия – широко распространенная практика. Ей способствует не только неправильное понимание нормативных документов, но и психологическая особенность – человек стремится не допустить приближения источника опасности к себе. Поэтому обороняющиеся зачастую ведут огонь не на уничтожение противника, а с той целью, чтобы он держался как можно дальше от обороняемых позиций.

Такой огонь допустим, когда нет проблем с пополнением боекомплекта. В условиях, когда обороняемая позиция отрезана от своих, такой огонь, приводящий к быстрой трате боеприпасов, вести нельзя.



■ Китайская пехота забирается на одну из гор в Корее. Очевидно, что бежать вверх по таким склонам практически невозможно

Использование указанной ошибки – один из элементов, на котором может строиться атака «волнами».

Первые «волны» могут сознательно прекратить атаку до захода в зону эффективного огня обороняющихся. Не добежав, например, 250–300 метров до атакуемых позиций, цепь либо начинает откатываться назад, что субъективно воспринимается обороняющимися как срыв атаки и отступление, либо залегает, что воспринимается как гибель атакующей цепи под огнем.

В зависимости от ситуации залегшие солдаты либо отползают назад, с тем чтобы вновь атаковать, создавая иллюзию бесконечных людских резервов у атакующих, либо накапливаются на достигнутом рубеже. Возможен вариант, когда атакующие пытаются продолжать атаку уже ползком (целиком всем подразделением, либо выделив отдельные штурмовые группы).

«Волна за волной» «изымают» боекомплект у обороняющихся, не заходя в зону его эффективного огня. Разумеется, атакующие несут потери, однако весьма далекие от заваливания местности трупами. При этом за счет действий выделенных снайперов или стрелков и штурмовых групп обороняющимся также причиняется существенный вред.

Другим способом «изъятия боеприпасов» был следующий тактический прием. Как только по атакующей «волне» открывался огонь, она залегала. Противник, как правило, не сразу прекращал огонь, продолжая стрелять в пустоту. Когда же все-таки огонь прекращался, «волна» делала очередной рывок вперед.

Следует признать, что эффект «изъятия боекомплекта» применительно к войне в Корее возникал зачастую сам собой по очень прозаической причине, не связанной ни с какими тактическими изысками. Местность в Корее гористая, а оборонительные позиции американцы часто располагали близко к топографическому гребню, чтобы увеличить обзор, а также затруднить артиллерии противника пристрелку и снизить вероятность попаданий снарядов по позициям. (Любопытно, но такое размещение, похоже, прямо запрещено п. 13 абз. 8 нового российского Боевого устава.) Атаки нередко осуществлялись вверх по склону, что физически очень изматывало наступавших. Поэтому вместо стремительных атак бегом получался медленный изматывающий подъем в гору.

Это, как ни странно, работало на руку китайцам и северным корейцам. Атакующая «волна» долго преодолевала расстояние с момента обнаружения противником до захода в зону эффективного огня обороняющихся. Обороняющиеся «успевали» в значительной степени израсходовать свой боекомплект еще до того, как атакующие входили в зону их эффективного огня.

И когда огонь обороны существенно ослабевает из-за потерь и исчерпания боекомплекта, только тогда перед очередной, наиболее мощной «волной» ставится задача достичь атакуемой позиции и захватить ее. Американцы во время войны в Корее отмечали, что массированная фронтальная



■ **Ночной бой. В любом случае меткость огня снижается, что на руку атакующим**

атака обычно следовала за несколькими отбитыми атаками, которые производились не в полную силу.

Кстати, для снижения потерь первые «волны» могут атаковать в достаточно разреженных построениях.

К моменту массированной фронтальной атаки отдельным штурмовым группам атакующих удается проникнуть за передний край обороны, и они вместе с группами просачивания создают у обороняющихся видимость полного окружения. Опыт использования в Корее атак «волнами» показал, что в такой ситуации обороняющиеся нередко отступали, теряя управление.

Необходимо отметить, что фронтальная атака «волнами», которая приковывала основное внимание обороняющихся, практически всегда сопровождалась попытками удара в стыки между подразделениями по обоим флангам и в тыл обороняющейся позиции.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ И ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА

Во время войны во Вьетнаме «людские волны» использовались для атак на американские артиллерийские базы (fire support base), которые размещались в глубине контролируемых противником районов для огневой поддержки операций по их «зачистке». Атаки осуществлялись с использованием тех же принципов, что и в Корее (в частности, перед атакой «волнами» небольшие группы солдат подползали к окопам американцев, снимая мины, натаскивая заряды разминирования, разрезая проволоку, а сама атака «волнами» начиналась с внезапного удара этими малыми группами по основным огневым точкам противника). Особенностью было то, что базы были оборудованы для ведения круговой обороны. Поэтому просачивание внутрь базы для удара изнутри зачастую было возможно только под видом местного обслуживающего персонала или солдат южновьетнамских войск – союзников американцев. Однако здесь атакующим пришлось столкнуться с использованием обороняющимися датчиков движения, которыми прикрывались подступы к базам, радаров для наземного слежения, а также установленных на вертолетах приборов ночного видения. Туда, где обнаруживали движение, наносились огневые удары артиллерией или авиацией, либо там подрывались управляемые мины. Раннее обнаружение американцами не позволяло подводить большие пехотные подразделения к рубежу, с которого «волны» могли атаковать базы. Эффективность новых технических средств была такова, что американцы стали создавать временные базы не для огневой поддержки, а специально для того, чтобы их атаковали, выманивания тем самым противника из джунглей под уничтожающий огонь американской артиллерии и авиации.

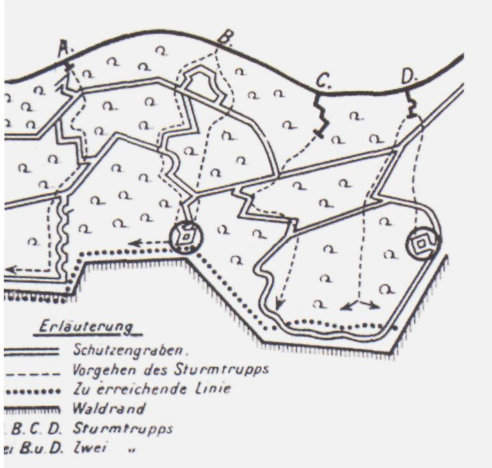
Скрытно просачиваться стало необходимым не только в тыл, но и в места сбора перед фронтом обороны противника. Для того чтобы собрать необходимое количество солдат для формирования «волн», сближение с базами нужно осуществлять небольшими группами или даже по одному с последующим накапливанием вблизи от объекта атаки (разумеется, если не рассматривать такой экзотический способ сближения, как прокладку подземных ходов к позициям противника). Поскольку скрыться от датчиков движения и радаров крайне сложно, на подступах к объекту атаки приходилось поддерживать постоянное движение, чтобы устройства раннего обнаружения все время показывали наличие людей и обороняющиеся не могли определить, когда началось реальное накапливание солдат для атаки.

Там же, во Вьетнаме, атакующими использовался весьма необычный способ взаимодействия между атакующей пехотой и теми немногочисленными безоткатными орудиями и минометами, которые были у нее в наличии для атаки. Во время атаки их огонь, раз начавшись, никуда не переносился, невзирая на расстояние, на которое подошли атакующие к позициям противника.

Расчет, видимо, был на то, что за время сближения с объектом атаки атакующие определят зону, куда попадают снаряды (мины), и обойдут ее. Это вполне реально, поскольку обстреливался не весь атакуемый участок, а одна-две точки – по количеству артстволов, имеющихся у нападающих. При этом противнику, загнанному в укрытия, непросто сразу определить, на каком участке позиции он может выйти для ведения огня по атакующей пехоте, а на каком ему следует оставаться в укрытиях. Получается, что атакуемая позиция остается подавленной на большем протяжении, чем реально могут обеспечить орудия атакующих.

В тех же случаях, когда атакующие могут собрать большое количество артиллерии для атаки (в основном безоткатных орудий и минометов небольших калибров), наиболее целесообразно было проведение интенсивной, но очень короткой (5–10 минут) артподготовки. Это объясняется тем, что из-за артподготовки вполне возможно потерять эффект внезапности, а это даст обороняющимся возможность вызвать помощь – огонь артиллерии и/или авиацию. В каждой конкретной ситуации нужно решать, что более целесообразно – начинать атаку с внезапного нападения штурмовых групп или с артподготовки.

Завершая обзор развития тактики «людских волн», следует привести вывод, сделанный по результатам анализа опыта использования Ираном «людских волн» против гораздо лучше вооруженной иракской армии в ходе ирано-иракской войны: «Как китайцы продемонстрировали в Корее, вьетконговцы во Вьетнаме, не существует ничего заведомо неправильного в тактике «людских волн» при атаках на оборонительные позиции, если потери на начальном этапе атаки минимизи-



■ Схема атаки немецких штурмовых групп Первой мировой войны. Достигнув первой линии окопов противника, штурмовая группа не «зачищает» их, а продолжает движение в глубь обороны, оставляя эту задачу следующему эшелону атакующих

руются надлежащим планированием и использованием внезапности. ...Такая тактика может повлечь меньше потерь, чем другие формы атаки на хорошо окопавшегося противника, если осуществляется надлежащим образом. Использование добровольцев, бросающихся на пулеметы или своими телами разминирующих минные поля, может звучать чудовищно. Тем не менее эта тактика вполне разумна с военной точки зрения как средство противодействия противнику, меньшему по численности, но лучше вооруженному, если:

– используются преимущества ночной атаки или иной формы военной хитрости;

– атака останавливается, если она неудачна, она не продолжается (не повторяется) во что бы то ни стало;

– перед атакующими ставятся реально достижимые цели;

– прорыв на позиции обороняющихся может быть развит и использован».

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Противодействовать тактике «людских волн», на первый взгляд, просто. Все, что требуется, – это поддерживать высокую дисциплину при ведении огня. Не стрелять, когда вероятность поражения невелика, открывать огонь с дистанции, на который возможен эффективный огонь по атакующим, а не тогда, когда он стал виден. Не прекращать наблюдения за полем боя, отслеживая не только атакующие цепи, но и возможное «подкрадывание» противника. Но это проще сказать, чем сделать, когда на тебя несется орущая и стреляющая людская лавина с четким намерением тебя убить.

Другое требование для противодействия атакам «людскими волнами» – в случаях проникновения противника в тыл не бросать позиции. Кстати, во время войны в Корее, если обороняющимся удавалось в ночном бою занять круговую оборону и удержаться от соблазна «выйти из окружения, разбившись на мелкие группы», окружившие их китайские подразделения в течение светлого времени суток уничтожались артиллерией и авиацией.

Однако и это сделать непросто, когда ожидаешь атаки массы противников, имея практически полностью исчерпанный боекомплект.

ВЫВОДЫ НА БУДУЩЕЕ

Разумеется, ни в коем случае не нужно понимать изложенное выше как рекомендацию использовать атаки «волнами» взамен атак под прикрытием огня своего оружия. Это удел армий, вынужденных воевать пехотой, не имея тяжелого оружия. К счастью, для нашей армии такого не предвидится. Атаки «волнами» связаны с существенными потерями для тех солдат, которые составляют «волну», и для успеха требуют очень хорошего взаимодействия между выделенными целевыми группами солдат и стрелковыми цепями. Но к этому тактическому приему, который может быть использован нашими противниками, нужно относиться взвешенно, не записывая его огульно в раздел тактики для умственно неполноценных. Да, зачастую суть этой тактики – победа за счет численного перевеса в ближнем пехотном бою, когда обороняющийся не может воспользоваться превосходством в тяжелом вооружении. Однако, чтобы вывести «толпу» на дистанцию ближнего пехотного боя, сохранив численное превосходство, атакующим приходится разыгрывать сложные тактические комбинации, принимая зачастую неординарные решения.

При правильной организации атаки наступающие несут потери, позволяющие им побеждать в бою. Хорошо спланированная атака «людскими волнами» может быть даже безопасней, чем атака под прикрытием огня своего оружия, если последняя происходит при отвратительной организации взаимодействия между атакующей пехотой и поддерживающими подразделениями, когда огневая поддержка осуществляется со значительными «паузами» либо сводится только к предварительной огневой обработке позиций противника.

За неимением лучшего те воинские формирования, которые не в состоянии обеспечить действия собственной пехоты огнем тяжелого оружия, вынуждены прибегать к атаке «людскими волнами» и, наверное, будут к ней прибегать. Важно то, что противники нашей армии по малым войнам могут использовать такую тактику, а значит, к ее применению нужно быть готовым.



■ Фрагмент картины Джеймса Диеца «Сражение у Чипионг-ни» (Корея, 1951). Ночь не обеспечивала невидимости атакующим «волнам», но снижала меткость огня обороняющихся



ЭТА ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛ МНЕ СНАЧАЛА ПИСАТЕЛЬ ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ АРКАДИЙ ПИНЧУК, А ПОТОМ И САМ ПОЛКОВНИК ВЛАДИМИР БАБУШКИН, ОКАЗЫВАЕТСЯ ТАКОЙ ЗАПУТАННОЙ, ЧТО ДАЖЕ ПО ПРОШЕСТВИИ МНОГИХ ЛЕТ НИКТО НЕ МОЖЕТ ДАТЬ ВРАЗУМИТЕЛЬНОГО ОТВЕТА НА ВОПРОСЫ: «ПОЧЕМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ПРИСВОЕНИЕ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ РОССИИ ИСЧЕЗЛО? КТО И ПОЧЕМУ ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВИДА НАГРАДЫ НА ОРДЕН МУЖЕСТВА?»
В ЦЕЛОМ ЖЕ ЭТО БУДЕТ РАССКАЗ О ЛЕТЧИКЕ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ, КОТОРЫЙ СПАСАЛ ИЗ-ПОД ОГНЯ НАШИХ ВОИНОВ В САМЫХ НЕМЫСЛИМЫХ СИТУАЦИЯХ, ЛЕТАЯ НА ПРЕДЕЛЕ, А ПОРОЙ И ЗА…

Юрий Малёкин

ПРЕДЕЛЫ ЗНАЕТ ТОЛЬКО НЕБО…



– Меня назначили заместителем командира эскадрильи, – продолжает свой рассказ полковник Бабушкин. – Обосновались поначалу в Кизляре. Оттуда месяц летали на задания.

14 октября 1999 года офицеру была поставлена задача – эвакуировать ночью раненого. Район пустынный, западнее населенного пункта Старогладковская, площадка освещалась светом автомобильных фар. От таких полетов в армейской авиации открещивались: уж очень велик риск быть сбитым. Но Бабушкин полетел, спас человека.

– После нас перебросили в станицу Калиновскую, что в двадцати километрах севернее Грозного, – вспоминает Владимир. – Прибыли туда вечером, всю ночь обустраивали стоянки, разбивали палатки, готовили дрова для походных печек, строили пункт питания. А на рассвете группа Ми-24 уже вылетела на штурмовку. Ми-8 высаживали десантников и подбирали раненых.

Ночью в бою на Терском хребте получили тяжелые ранения несколько офицеров. Люди истекали кровью и ждали помощи. Бабушкин понимал, что сесть на гребень горного хребта рискованно даже днем. А в темноте, ночью, опасность вообще непредсказуемая. Владимир в то время замещал комэска. И, руководствуясь своими этическими принципами, не мог приказать подчиненным рисковать жизнью. В итоге полетел сам. Посадка в горах была на грани возможностей человека и техники. Но раненые были спасены, доставлены в Моздокский госпиталь.

И в таком режиме – постоянно в течение полугода, то днем, то ночью. Почти половина часов «чеченского» налета – ночные...

РОДОМ ИЗ ДОСААФ

Владимир пришел в армейскую авиацию, минуя военное училище. Был студентом техникума и занимался в летной школе Саратовского ДОСААФ. Там изучал и осваивал винтокрылую машину. Затем были завод, призыв в армию, трехмесячные курсы в высшем военном авиационном училище летчиков. С 1985 по 1989 год заочно учился в Сызранском ВВАУЛ – осваивал боевой вертолет.

– Вообще, считаю себя «досаафовским» летчиком, – признается Бабушкин, – школу там прошел серьезную, потому что учителя были достойные. Один из них даже Юрия Гагарина когда-то на крыло ставил.

Обычная офицерская судьба: полеты, переводы, переезды. Дальний Восток, ГСВГ, Заполярье, авиагарнизон Прибылово в Ленинградском военном округе... Сын Антон пошел по отцовским стопам, окончил Краснодарский военный авиационный институт летчиков. Сейчас служит на Севере, в военно-транспортной авиации, летает на Ан-26. Дочь Катя окончила университет, получила престижную профессию...

Война вошла в судьбу летчика в конце девяностых годов, когда в ЛВО была сформирована отдельная особая вертолетная эскадрилья. Ее оперативно направили в Чечню.

УДАЧУ ОБЪЯСНИТЬ НЕВОЗМОЖНО

Владимир достает из своего домашнего архива карту Чечни, разворачивает ее. Места сгибов аккуратно скреплены скотчем:

– Это моя рабочая карта, на войне с ней не расставался.

Глядя на нее, по обозначениям, стрелкам, условным знакам, пометкам он восстанавливает в памяти все те события, о которых мы вели речь.

«Вот Грозный, Ханкала, позиции наших войск, а здесь были сосредоточены боевики. – Летчик показывает на обозначенный на карте участок местности. – В один из прекрасных дней звонит мне из Ханкалы наш летчик лейтенант Юрий Покатило и говорит, что его хотят отправить на задание. «Но у меня нижний край сто метров!» – возмущался он в трубку. Это расстояние облачности от земли. О полете в таких условиях, да еще ночью, в горах, даже думать нельзя. Горы закрыты облаками, ничего не видно. А они здесь, смотрим по карте, – 300, 480, 700 метров. «Приказывают лететь к вам в Калиновскую, на ваш аэродром», – докладывает лейтенант.

Я руководил полетами. Вскоре Покатило прилетел, зашел на посадку. Смотрю, из вертолета выходит генерал Малафеев. Я с ним был ранее знаком, спрашиваю:

– Товарищ генерал, а вы чего прилетели?

– Мне сказали, что сейчас какой-то другой летчик доставит меня на площадку на Сунженском хребте.

– Но нижний край – сто метров, видимость меньше километра, все закрыто облаками, вообще нельзя лететь, – пытаюсь убедить сухопутного начальника. – Полеты в таких условиях запрещены не только руководящими летными документами, но здравым смыслом.

Он говорит:

– Завтра штурм Грозного, подполковник, я должен быть там.

– Хоть завтра, хоть послезавтра, но я не могу лететь. Послать экипаж – погубить всех...

Пытаюсь читать ему лекцию по аэродинамике. Он мне тогда заявляет:

– Что ты мне мозги паришь, звони своему командиру!

Связываюсь со своим начальником Василием Степановичем Кулиничем, объясняю обстановку, он мне в ответ:

– Володя, на меня просто насели. Ничего с ними поделать не могу, сам решай!

Экипаж ушел уже отдыхать. Я вызываю лейтенанта. Открываю ему вот эту карту и объясняю, куда мы должны в ближайшее время попасть.

Взлетаем, выходим на привод – точку точной привязки – и двигаемся дальше, где никаких ориентиров уже нет.

Через некоторое время терпение на пределе. Надо лететь назад, иначе столкнемся с горой или какой-нибудь вышкой. Немного снизились. Я вывожу вертолет из крена и вижу прямо



перед собой внизу два зажженных огня. Неужели площадка?! Сел наугад. Оказалось, именно туда, куда и надо было.

Это был редчайший случай удачи! Даже летавший со мной лейтенант до сих пор не знает, что мы попали в заданный район не потому, что я был мастером пилотирования в тумане, а просто так получилось. Нам повезло, но летать в таких условиях нельзя!

Генерал Малафеев тогда вышел из вертолета и, улыбаясь, упрекнул:

– А говорили, не долетим!

Через несколько дней после нашего полета я узнал, что Михаил Юрьевич погиб в Грозном. Он возглавил штурмовой отряд, которому удалось отбить у боевиков несколько зданий. В тот момент, когда в одном из этих домов генерал заслушивал доклад командира штурмовой группы, он был убит автоматной очередью...»

Во время возвращения экипажа Бабушкина на свой аэродром, в облаках, на высоте 700 метров, отказал один двигатель. Но паники не было. В официальном документе потом записали: «Экипаж подполковника В.Н. Бабушкина, проявив хладнокровие и высокий профессионализм, выполнил посадку на своем аэродроме при минимуме погоды». Остается добавить, что такие отказы техники за всю историю армейской авиации были единичными.

В ЛОВУШКЕ

9 января 2000 года из Ханкалы вышла на спецоперацию боевая колонна спецназа МВД. Погода способствовала бойцам: наступала темнота, была низкая облачность, ложился густой туман. Подразделение соблюдало режим радиомолчания.

К сожалению, информация о движении колонны просочилась противной стороне. Бандиты организовали засаду. И хотя спецназовцы были готовы к любым сюрпризам, колонна солдат оказалась в ловушке между двумя мостами.

Завязался бой, появились убитые, раненые. Спецназу потребовалась срочная помощь.

Генерал армии Квашнин звонит начальнику авиации группировки подполковнику Василию Кулиничу и говорит, что в лесном массиве в районе населенного пункта Джалка истекают кровью два десятка человек, четверо уже умерли. Спрашивает, есть ли летчик, который смог бы при абсолютном минимуме вылететь на место боя. Кулинич отвечает, что есть, подполковник Бабушкин. Тогда Квашнин просит объяснить ему ситуацию – решение пусть примет сам.

Кулинич знал, что Бабушкин уже вылетал сегодня с грузом боеприпасов и вернулся на базу: видимость – ноль. Но авианачальник связался с 85-й вертолетной эскадрильей, то есть с Бабушкиным, исполнявшим тогда обязанности командира, и передал ему слова начальника Генштаба.

– Не знаю, что ответить, Василий Степанович, – признался Бабушкин.

– Больше некому, решай! – услышал в ответ.

ТРОЙНАЯ ПЕРЕГРУЗКА

Ми-8 взлетел в «молоке». Пробили облачность на высоте 1.200 метров. Курс на Ханкалу взяли по приборам. Руководитель полета должен был скорректировать, где спецназ ведет бой. Летели молча. Над Ханкалой сменили курс и начали пробивать облачность. Скорость – 100 километров в час, сигнализатор опасной высоты командир установил на отметке 40 метров. Примерно на такой высоте – нижняя кромка облаков. По расчетам Бабушкина, вертолет должен «вынырнуть» из висящей над землей смеси воды и снега непосредственно рядом с дорогой, где шел бой.

Но, пробив облака, вертолет увяз в тумане. Со всех сторон – пулеметные трассы. Не понять, где свои, где бандиты...

Руководитель полетов подсказал, чтобы ориентировался на огни авианаводчика. А где они?! Разбери тут.

И вдруг Бабушкин увидел эти огни! Почти под брюхом. Мгновение – и проскочили бы. Посадку решено делать с ходу, без повторных заходов. Вертолет плавно садится на землю. Площадка представляла собой участок дороги с высокими деревьями по обочинам и обозначалась с двух сторон кострами. Расстояние от лопастей несущего винта до крон было минимальным. К машине уже несли раненых спецназовцев. Молча рассаживали, укладывали их в салоне вокруг резервного бака с керосином.

15 человек. Летчик руками показал из кабины – больше нельзя! Но людей несли. Вот уже затащили 24-го... Тут подошел командир отряда:

– Еще у нас четверо погибших. Забери.





– Мы не взлетим, почти тройная перегрузка! – объяснял летчик.

И в этот момент в заполненный ранеными солдатами салон полез незнакомый полковник. Сказал, что он из штаба Северо-Кавказского военного округа, и строго добавил, чтобы его высадили в Ханкале.

Летчик решительно заявил:

– Сядем в Моздоке, если Бог даст.

– Я вам приказываю – в Ханкале!

– Да пошел ты!.. – взорвался Бабушкин. – Здесь я приказываю!

В ответ услышал:

– Об этом горько пожалеете...

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Бандиты лупили по вертолету из всех средств. Нужно скорее уходить на высоту. Но Бабушкин не мог этого сделать. Он отлично понимал, как поведет себя перегруженная машина, если без достаточного разгона идти на набор высоты.

Загружено без малого три десятка убитых и раненых при топливной заправке 2.900 литров. Вес вертолета превышен на тонну. Владимир лихорадочно соображал: сливать топливо для облегчения опасно, к тому же оно могло пригодиться, если придется уходить на запасной аэродром. Времени на раздумье – ноль!

Подполковник принимает решение: поднимает перегруженный вертолет и с высоты 3–4 метра, с висения, производит в сторону бандитов ракетный залп. Вертолет сразу сбросил почти 300 кг, и летчик начал разгон. Машина тяжело оторвалась от земли...

Противник, опомнившись после удара неуправляемых авиационных ракет, вновь открыл огонь по вертолету. Но винтокрылая машина уже вошла в облака, в этом случае низкая облачность была уже спасительной. Однако из стрелкового оружия был поврежден автоматический радиокомпас АРК-15. Без него полет на аэродром, и особенно заход на посадку, в сложных метеоусловиях многократно затруднен.

В облаках попали в условия сильного обледенения. Сказать, что управлять перегруженным вертолетом в таких условиях сложно, значит, ничего не сказать. Вдобавок ко всему противообледенительная система не справлялась с нарастающей коркой льда на обшивке вертолета. Началась сильная вибрация.

– Лишь когда вывел вертолет за облака на высоту 1.800 м, – вспоминает Владимир, – обледенение прекратилось. Потом получил информацию со всех ближайших аэродромов о полном отсутствии погоды, пригодной для посадки. Решил все же лететь на Моздок. В принципе и там было то же самое.

Используя минимальные в связи с повреждением АРК-15 навигационные возможности вертолета, по командам руководителя полетов подполковник стал выполнять заход на посадку в тумане. На высоте 30 метров с аэродрома стали выдавать в эфир команду для ухода на второй круг. Тем не менее еще снизились, и с высоты 8 метров правый летчик доложил, что видит огни взлетно-посадочной полосы только под собой. Командир экипажа произвел посадку вертолета на правый край ВПП, а в эфире настойчивый голос руководителя полетов все требовал ухода на второй круг...

После доклада Владимира Бабушкина о том, что вертолет находится на земле, руководитель полетов дал команду на выключение двигателей на месте, так как руление в таких условиях также небезопасно. Посадка на аэродроме Моздок была выполнена в 23.50.

В исторической справке участия авиационного полка в боевых действиях в Чечне написано, что этот полет «с точки зрения летного мастерства относится к запредельному».

ПРЕДСТАВЛЕН К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ РОССИИ

Генерал армии Квашнин получил доклад, что Бабушкин выполнил задачу по спасению людей, вывез раненых бойцов спецназа МВД с поля боя. Назвав этот поступок подвигом, достойным самой высокой награды, генерал дал указание готовить на подполковника В. Бабушкина представление к званию Героя Российской Федерации.

– Мы по телевизору услышали сообщение об этом, – вспоминает Наталья, жена Владимира. – Конечно, обрадовались, но вместе с тем находились в состоянии напряжения. Мы понимали, что такие награды так просто не раздают, что он там постоянно рискует жизнью... Соседи поздравляли меня и детей. Нам звонили родственники, друзья и знакомые из разных уголков страны, которые также узнали об этом.

Представление было подготовлено. Бабушкина уже поздравляли друзья, в том числе и из Ленинградского военного округа.

Полет был тяжелым, опасным. Но разве только в нем рисковал жизнью летчик? За период участия в боевых действиях офицер выполнил 720 боевых вылетов, из них 205 – в ночных условиях. Лично уничтожил пять машин с боевиками. 115 раз сажал машину на площадки в районе боевых действий, вывез с поля боя 526 раненых. Это все было отражено в наградных документах.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Но звания Героя России летчик не получил. *Почему-то было принято* решение об изменении вида награды на орден Мужества. Одна из версий – проделка того полковника из штаба, которого Бабушкин, не желая рисковать жизнями раненых, не высадил в Ханкале.

В настоящее время летчик-снайпер полковник Бабушкин служит в отделе инспекторов 6-й армии ВВС и ПВО, в Санкт-Петербурге. Служит так же достойно, как достойно сумел выйти из «наградного штопора».

ВОЕННАЯ МИССИЯ МАЙОРА СКРИПКИ



Михаил БОЛТУНОВ

(Окончание. Начало в № 9, 10)

КАЗНЕНЫ ПО ПРИКАЗУ ГИММЛЕРА

Однако не все выжили на той страшной войне. Погибли коллеги Ивана Скрипки, офицеры английской и американской военных миссий. И капитан Джеймс Хольт Грин, руководитель миссии США, и майор Джон Сегмер из Великобритании являлись, как и он, разведчиками.

...Грин, которому в ту пору было лет тридцать пять, служил в разведотделе при 15-м авиационном корпусе. В сентябре 1944 года прибыл в Банска-Бистрицу из итальянской базы в Пизе. Поддерживал радиосвязь с американским командованием в городе Бари (Италия).

Миссия состояла из двух групп. Первая носила название «Дэвис», вторая – «Хоузебоат». В каждую входили три человека – руководитель, переводчик и радист.

Сегмер, майор британской армии, был на десять лет старше своего американского коллеги. На аэродром «Три дуба» прибыл в октябре 1944 года. Англичане работали в основном на территории Венгрии.

Грин находился при штабе 1-й чехословацкой армии в Словакии. 28 октября миссия вместе с воинами 2-й десантной бригады и партизанами ушла в боевой рейд.

Сегмер с выходом в горы находился в партизанской бригаде «Яношик».

Кроме сугубо разведывательных заданий, миссии собирали в Банска-Бистрице американских и английских летчиков, которые были сбиты в ходе воздушных боев над территорией Словакии, а также военнослужащих США и Британии, бежавших из концлагерей. Дальнейшая цель – эвакуация их на родину.

28 октября сотрудники миссий вместе с армейскими подразделениями словаков двинулись в горы. После первого нападения немцев некоторые, чтобы облегчить переход, выбросили наиболее тяжелые предметы. Среди этих «предметов» было и продовольствие. Пройдет несколько дней – и офицеры миссии горько пожалеют о своем поступке.

После тяжелого перехода американцы и англичане выйдут на партизанскую базу близ горы Прашивая. Хотя землянки были до отказа забиты людьми, сотрудников миссий приютили, разместили.

Через три дня – снова в поход. Грин решил не оставаться с бригадой, а пойти дальше, чтобы пробиться на соединение с наступающими советскими войсками.

Пятнадцать часов они находились в пути. Непрерывно шел снег, все вымокли, замерзли. Поднявшись на гору, бойцы бригады и сотрудники миссии стали спускаться вниз, достигли леса.

Практически все продукты оказались полностью израсходованными. Лошади забиты на мясо и съедены. Некоторые американские летчики простудились и заболели.

Посоветовавшись между собой, летчики решили идти в близлежащую деревню за продуктами. Группа, воз-

главляемая военным пилотом Шефером, была захвачена фашистами в плен. После этого сотрудники миссий разместились в лагере словацкой бригады.

Однако вскоре и этот лагерь пришлось покинуть. На него неожиданно напали немцы.

После войны с помощью военно-воздушного атташе США в Чехословакии Ивану Ивановичу Скрипке удастся отыскать архивные материалы, рассказывающие о действиях англо-американской миссии в период словацкого восстания. О том эпизоде в архиве сохранился интересный документ. Неизвестный участник событий так рассказывает об уходе бригады из-под ударов немцев.

«Мы пошли в направлении одного из главных хребтов Низких Татр – высоты Дюмбиер. Шли пригибаясь, так как пули свистели над нашими головами. Бригада уходила из-под обстрела в разных направлениях. Иногда нам казалось, что командование теряло управление.

Около полудня мы вышли на гору, где царила снежная буря, усиливавшаяся с каждой минутой. В этот день наш обед состоял из сырого мяса убитого зверя. Затем погода превратилась в настоящий ад. Не было видно спины впереди идущего человека, хотя мы держались друг от друга на очень близком расстоянии, чтобы не потеряться. Через пару часов часть наших летчиков утратила способность двигаться и не могла идти дальше».

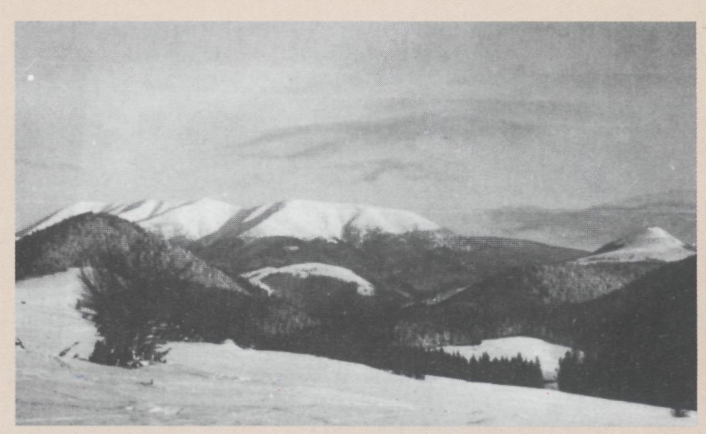
Людей мучил голод. Джеймс Хольт Грин, начальник американской миссии, попросил командира бригады продать им за золото продукты. Комбриг вместе с офицерами бригады только рассмеялись в ответ. Полковник отдал команду поручику и двум солдатам неотступно находиться вместе с сотрудниками миссий и всячески помогать им.

Вскоре, во время очередного перехода, они встретили партизан. Те как могли обогрели их, накормили фасолевым супом с кониной.

Теперь в деревни, которые попадались по дороге миссий, ходили поручик и его бойцы. Они возвращались с тяжелым рюкзаком, где были продукты.

Однажды они сказали, что нашли заброшенный шахтерский поселок и там можно укрыться. Миссии поселились в поселке.

26 ноября Грину сообщили, что руководитель английской миссии Сегмер, который ушел после захвата немцами Банска-Бистрицы, возвратился в Словакию. Они встретились. Сегмер сообщил, что поддерживает связь с Бари из села Поломки, где сейчас находится его группа. Грин тут же вызвался проводить Сегмера до села и попытаться связаться со своим руководством на базе. Они ушли, а через два дня немцы напали на шахтерский поселок. Погибли несколько десятков бойцов бригады, а остальные с боями отошли в направлении горы Дюмбиер. Вместе с ними отступили и сотрудники миссий. Потом ночью пришлось вернуться, а утром двинуться в сторону села Поломка, куда недавно ушли Грин и Сегмер.



Неприветливые в войну и самые замечательные в мирное время словацкие горы Низкие Татры

Сотрудники англо-американской миссии воссоединились в горной местности севернее села Поломка. Они поселились в горном отеле «Велький бок». Местные жители помогали американцам и англичанам выкладывать, а ночью поджигать сигнальные костры. Офицеры миссии ждали прилета самолетов с продовольствием, оружием, боеприпасами.

24 декабря все вместе отпраздновали сочельник. Они еще не подозревали, что их уже выследили фашисты. Рано утром раздалась стрельба. Немцы, власовцы окружили отель.

Майор Станек был ранен. Американцев и англичан взяли в плен. Среди них оказались и руководители миссий капитан Джеймс Хольт Грин и майор Джон Сегмер.

Их сначала доставили в Братиславу, а потом в лагерь Маутхаузен. Здесь на допросах били, пытали, издевались. Потом по указанию Гиммлера арестованные были повешены.

Так погибли от рук фашистов руководители и сотрудники английской и американской военных миссий в Словакии.

НАЧШТАБА – МАЙОР СТУДЕНСКИЙ

Партизанская доля – тяжкая доля. Бои, переходы, вновь бои. В ноябре, уходя от превосходящих сил фашистов, партизаны карабкались к вершинам горы Хабенец. Немцы преследовали их по пятам. Надо было спасти главный штаб партизанского движения, бойцов для будущих боев.

Отход прикрывали десантники полковника Пршикрыла. Скрипку волновало одно – еще не вернулась разведка и они не знали, что ждет их впереди. К счастью, убитых и раненых среди партизан не было. Спасал густой лес. Немецкие минометчики и артиллеристы не видели целей и поэтому били по площадям. А от такого огня толк небольшой.

Внизу, откуда уходили партизаны, каратели поджигали дома, сторожки, строения. Скрипка шел рядом с руководителем партизанского движения Словакии полковником Алексеем Асмоловым. Полковник поднимался в гору тяжело, мучила одышка. В свои тридцать восемь лет он надорвал сердце и теперь держался только на силе воли.

Гора Хабенец встретила партизан сильным ветром и снегом. Это было какое-то царство метели и холода. Днем потемнело, словно сгустились сумерки. Выяснилось, что никто не знает этой местности, даже словаки. Сюда в мирное время редко кто забредал. А теперь вот жизнь заставила.

По приказу Асмолова Скрипка вместе с капитаном Кухтой ушли вперед, в голову колонны, чтобы выбирать дорогу.

В такую пургу ни компас, ни карта не помощники. Путь нащупывали длинной палкой. Откровенно говоря, никто не знал, правильно ли они идут. Но главное было идти, двигаться, бороться с пургой. Как-то в проблеске снегопада увидели группу немцев. Сбросили с плеча оружие, но выстрелов ни с той, ни с другой стороны не прозвучало. Автоматы и винтовки замерзли, затворы не открывались. Разумеется, у фашистов было то же самое.

Вновь налетел вихрь, стало темно. Партизаны вытащили ножи, примкнули штыки. Казалось, сейчас каратели нападут, но те словно исчезли.

Шли более десяти часов. Чувствовалось, скоро начнет смеркаться. Стали спускаться вниз и вскоре увидели очертания долины. Партизаны находились на южных скатах горы Хабенец.

Спуск оказался не легче, чем подъем. Но вот все страдания позади. Уставшие, мокрые, ослабевшие люди вступили в долину. Где-то там впереди должен начаться лес. Однако уже стемнело, и где он, этот лес, можно было только догадываться. Но вот через полчаса пути, у ручья, появились первые деревья. Все остановились. Руководство собралось вместе – Асмолов, Сланский, Пршикрыл, Скрипка с Кухтой.



■ **Партизаны-«дипломаты» принимают венгерскую делегацию, провожая ее в Москву на переговоры. Сидят: первый справа – министр иностранных дел Телеки, второй – командир бригады Виктор Карасев, третий – генерал-полковник Фараго, четвертый – комиссар партизанской бригады майор Федор Макаров. Стоят: второй слева – граф Сент-Ивани Домокош**

Асмолов, оглядев всех, спросил своего начштаба:

– Иван, ты не видел Шверму?

Все тревожно посмотрели друг на друга. Шверма шел где-то в центре колонны. Он был очень болен, а тут такой переход. Устали все, но полковнику Пршикрылу пришлось найти несколько человек покрепче и послать их на поиски Швермы.

Скрипка вместе с Марцелли занялись выставлением постов. Лес ожил, запылали костры. Начштаба знал: опасно зажигать костры, но и без них нельзя. Спасало то, что на лес опускался густой туман.

Сам Иван Иванович, сделав свою первоочередную штабную работу, присел у костра, где сушил одежду порученец Сланского – немец – антифашист Мартин Вайкерт. Присел и тут же провалился в сон.

На рассвете все узнали: погиб, замерз при переходе Ян Шверма – один из руководителей компартии Чехословакии, добрый, жизнерадостный человек. Его окоченевший труп отыскали в снегах десантники Пршикрыла.

Партизаны похоронили Шверму в верховьях Ломнистой долины со всеми воинскими почестями. А дальше стали подсчитывать потери. 90 партизан погибли во время этого ледового перехода.

Было принято решение установить место расположения главного штаба, наладить связь с партизанскими отрядами и бригадами, консолидировать действия.

Не откладывая надолго, организовали группу под командованием Ивана Ивановича, и она отправилась на рекогносцировку. По дороге встретились незнакомые люди. Оказался среди них командир партизанского отряда Константин Данилов. Несколько дней назад они вышли в Ломнистую долину и уже приступили к оборудованию своего расположения.

Данилов ушел к Асмолову, Скрипку с товарищами проводили к домикам, в которых расположились партизаны-даниловцы. Здесь он познакомился с помощником командира отряда Франтишеком Шадеком. Тот на время стал экскурсоводом по партизанскому расположению. Словом, вскоре определились, где будет квартировать штаб, где разместятся радисты. Некоторых бойцов отряда Данилова решили поселить в нижнем домике. Десантникам Пршикрыла придется передислоцироваться в соседнюю долину Вайсковскую.

Спланировали размещение боевого охранения – где поставить секреты, где – огневые точки. Хотелось обеспечить крепкую оборону всей долины. Надоело бегать от фашистов. Сделать это казалось вполне возможным: Ломнистая долина тянулась на десяток километров с севера на юг. От северных ветров ее прикрывал высокий хребет Хабенец, на юге, словно сторожевая застава, подход охраняло село Ясене. Важно, что сельчане всей душой восприняли словацкое восстание и были готовы помогать партизанам.

Главный штаб партизанского движения жил своей обычной напряженной жизнью: специально посланные группы искали связь с соседними отрядами, разрабатывались операции по диверсионной деятельности в горных условиях, зимой шел поиск способов передвижения партизан по заснеженной местности, подхода их незамеченными к вражеским гарнизонам.

Надо сказать, что партизаны рвались в бой. Неоднократно в рейды выходили словаки Й. Льетавец, Б. Лаушман, Ц. Кухта.

Работа по установлению контактов с партизанскими отрядами тоже давала свои результаты. Штаб партизанского движения посетил командир отдельной диверсионной партизанской бригады Герой Советского Союза Вячеслав Квитинский. Бойцы этой бригады прошли Украину, Польшу и вот теперь воевали в Словакии. Был издан приказ главного штаба партизанского движения о преобразовании соединения в особую партизанскую бригаду имени Климента Готвальда.

Побывали в штабе и командир бригады имени Сталина Герой Советского Союза Алексей Егоров, а также комбриги Николай Волков и Семен Морозов.

Все они хотели получить оружие и боеприпасы. К сожалению, штаб не мог им в этом помочь. Но майор Иван Скрипка и его офицеры снабжали партизанских командиров ценной информацией, а также деньгами.

Разумеется, главному штабу партизанского движения Словакии во главе с майором Иваном Скрипкой приходилось заниматься разными проблемами. Например, создавать партизанские части. Так, из разрозненных небольших отрядов Суркова, Белова, Киреева был сформирован 1-й партизанский полк, чуть позже – 2-й и 3-й. Назначены командиры.

В то же время среди приказов можно найти документы следующего содержания: о злоупотреблениях командира 3-й роты 2-го партизанского полка имени Яна Швермы и рас-

стреле перед строем за мародерство, или о том, что немцы заминировали ясенскую электростанцию и надо приложить все усилия для ее спасения.

Первоочередное внимание главный штаб уделял разведке. Информация стекалась из бригад, отрядов, от разведчиков, засланных в далекий тыл врага. Но эти сведения надо было обобщить, проанализировать, составить по ним донесения о состоянии гитлеровских войск, их передвижениях к фронту и обратно в тыл, о военной продукции чехословацкой промышленности, работающей на фашистов, о площадках для ФАУ-1 и ФАУ-2, о германских и венгерских соединениях, ведущих бои с наступающими советскими войсками.

«СОЗДАТЬ РЕЗИДЕНТУРУ В ПРАГЕ...»

Война по-страшному испытывает человека. Гнет его, ломает, ставит порой перед ним, казалось бы, невыполнимые задачи. И разница в сравнении с мирным периодом лишь в том, что задачи эти нельзя не выполнить. Ибо от их воплощения во фронтовую действительность зависит не только твоя жизнь, но и жизни сотен, а возможно, и тысяч людей.

Так, или примерно так, размышлял начштаба партизанского движения Словакии майор Иван Скрипка – Студенский. Получив радиограмму из штаба 1-го Украинского фронта, он долго не мог прийти в себя. Перечитывал ее текст еще и еще раз. Первая реакция была вполне естественная: «Да они что там, с ума посходили?» Партизаны загнаны в горы, их обложили со всех сторон, идут тяжелые бои с карателями. Помощи практически ждать неоткуда, не хватает боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Вокруг – снега, стужа, ледяные горы. И как раз в этот момент партизанская радиостанция принимает радиограмму, в которой штаб фронта требует в кратчайшие сроки создать в Праге надежную резидентуру. Задачи ее понятны – фронт наступает, нужны разведданные.

Поначалу Скрипке казалось, что человек подготовивший радиограмму, совершенно не знает, в какой крайне сложной обстановке находится штаб партизанского движения. А сроки для создания резидентуры были вообще немыслимые. Ну как он, сидя в заледенелых Татрах, в плотном кольце фашистов, сможет развернуть резидентуру в Праге? Где они, а где Прага?.. Тем более что на сегодняшний день у Скрипки в столице ни одной зацепки. Да и откуда этим зацепкам взяться, если со дня своего прибытия он не вылезает с гор...

Однако выполнять приказ надо. Немного успокоившись, все взвесив, Иван Иванович пришел к выводу: те, кто прислал ему эту радиограмму, прекрасно осведомлены об обстановке на территории Словакии. Но, возможно, другого выхода у них нет.

Что ж, вздыхать и злиться – дело малопродуктивное. Надо действовать. В голове засела мысль: как преодолеть расстояние от их лагеря в Низких Татрах до столицы? Попытаться добраться напрямую – безумство. Следовало искать какой-то окружной путь. Но какой? Прежде всего нужны люди, у которых есть родственники, знакомые в Праге. Но где найти таких людей?

Разведчики-связные штаба партизанского движения бывали с заданиями в Будапеште, Кошице, Пардубице, Братиславе и даже в Вене, но до Праги не доходили. Далековато, да и опасно. Как-то он направил связного через словацкую границу. Казалось бы, и документы у него были в порядке, и партизан опытный, но преодолеть пограничную охрану не смог. Везде были немецкие пограничники, а в близлежащих населенных пунктах расклеены листовки: нарушителей границы расстреливают на месте.

Значит, надо было искать другой маршрут и более смелого и умелого партизана. Первым делом Скрипка обратился к Сланскому. Просьбу свою залегендировал: мол, надо в Прагу послать партизанских разведчиков, нет ли там надежных людей. Сланский долго думал, но потом лишь развел руками – у него таких людей не было.

Не смог помочь и Юлиус Шефранек, редактор словацкой газеты.

Решил обратиться к Лаушману, члену партизанского военного совета, руководителю партии чехословацких социал-демократов. Перед войной он работал в Праге, возможно, там остались старые знакомые.

Лаушман прибыл к восставшим из Лондона через Москву. Прошел вместе со всеми тяжелыми горными дорогами, так же мерз, голодал, сражался против фашистов. Всегда по-доброму относился к майору Скрипке. Лаушман попросил немного времени, чтобы подумать. Уже через час он сказал начштаба:

– В отряде Данилова есть молодой боец. Фамилия его Корчиш. Отец был руководителем рабочих социал-демократов в столице, мать и сейчас живет в Праге. Парень достойный.

Что ж, теперь следовало познакомиться с этим достойным парнем. Дело-то сложное, опасное и очень ответственное.

Скрипка отправился в отряд Данилова. Поговорил с командиром. Тот тоже хорошо отзывался о Корчише. И вот, наконец, беседа Ивана Ивановича наедине с Корчишем. Действительно, молодой человек жил и учился в Праге, отец умер накануне войны, а мама и до сих пор там. «Хотелось бы увидеть ее, – улыбнулся партизан, – да вот война...»

Майор поинтересовался родственниками, знакомыми. Парень рассказал, что у отца было много друзей, знакомых, и не только в рабочей среде, но и среди юристов, офицеров бывшей чехословацкой армии. Ответ бойца обрадовал Скрипку. Начштаба осторожно намекнул, что есть задание командования с выездом в Прагу, добавил: Корчиша рекомендует Лаушман.

Оказалось, Лаушман был другом его отца и Корчиш высоко ценит рекомендацию руководителя социал-демократической партии. Разумеется, Корчиш согласился пробраться в Прагу и выполнить задание. Дело оставалось за малым, как шутят разведчики, подготовить молодого партизана к выполнению ответственного и опасного задания. Следовало придумать и



■ Словацкие пулеметчики в бою



Повстанцы-минометчики на тренировке

отработать легенду, под прикрытием которой он мог ехать в столицу. Но этого было мало. Возникал вопрос: где, например, находился молодой человек в течение последних лет, после того как его вуз в Праге закрыли? Нужна еще одна легенда. Предстояло Корчишу подобрать паспорт, фамилию и имя, которое, пусть и на время, стало бы для него родным.

Всем этим стали заниматься незамедлительно. Через несколько часов упорной работы Корчиш уже многое усвоил. Парень он был смышленый, наблюдательный и любознательный. Студенческие годы не пропали даром. Вузовские знания помогали в освоении разведматериала.

Был один недостаток – молодость. В другой раз Скрипка наверняка бы усомнился: ну какой из этого студента резидент? Теперь все наоборот – начштаба очень надеялся на Корчиша. А молодость?.. В конце концов это недостаток, который быстро проходит.

На следующее утро начальник контрразведки штаба партизанского движения Йозеф Летко вручил Корчишу паспорт и деньги. Теперь партизан стал слесарем Подберезовских металлургических заводов.

Майор Иван Скрипка провел еще одну беседу с Корчишем, проводил до села Ясене. Там партизанский извозчик посадил будущего резидента в телегу, стеганул кнутом жеребца. Дорога предстояла до Банска-Бистрицы. Оттуда Корчиш должен был выехать в Братиславу, а дальше через Вену – в Прагу.

Важно, что выехал он как раз накануне Нового года. Пограничники тоже люди, им надоела служба, и они спешили домой. Словом, партизан благополучно добрался до дома. Материнской радости не было конца – приехал сын, живой, здоровый. Корчиш рассказал матери о своем задании. Она взялась ему помогать. Да ей и не привыкать. Когда-то помогала мужу в профсоюзных, партийных делах, теперь – сыну.

Мать стала основным связником сына. Она «подняла» старые адреса, возобновила знакомства с надежными друзьями – почтовым работником Глухим, его сыном Йозефом – слесарем на пражском авиазаводе, бывшим армейским офицером Филиппом. Так подбиралась небольшая, но надежная группа людей, ставшая вскоре основой для развертывания резидентуры. С Йозефом была оговорена возможность приема советских десантников.

Через две недели, после того как Скрипка усадил молодого партизана в телегу и отправил в Банска-Бистрицу, Корчиш возвратился на базу.

Дело было сделано. Он рассказал о том, что успел наработать. А наработки, откровенно говоря, оказались неплохие. Теперь в Праге группа местных патриотов готовилась вступить в борьбу с фашистами. Они ждали сигнала из Центра. Перед Скрипкой лежал доклад, написанный рукой Корчиша. В нем фамилии агентов, адреса, пароли, их краткие характеристики, информационные и боевые возможности.

В штаб фронта в тот же день ушла радиограмма.

Разведуправление фронта не замедлило воспользоваться возможностями резидентуры в Праге. Двое советских парашютистов приземлились в Пругоницком парке, спрятали багаж и двинулись в направлении села Неханице. Вскоре они были уже в доме Глухих. Хозяин, его жена, дочери тепло приняли посланцев Страны Советов. Гости назвались Сулигой и Штефаном. Разумеется, это были псевдонимы.

Под именем Сулига действовал командир группы Иван Курилович, более известный как Лукашевич. Он родился в Брестской области, потом немало помотался по миру, жил в Аргентине, в Буэнос-Айресе, воевал в интербригадах в Испании, был тяжело ранен. В 1939 году интернирован во Францию. Нелегально перебрался в Польшу, потом в западные районы Советского Союза. Участвовал в партизанском движении в районе Львова.

Радист Штефан Колар – родом из Прикарпатья. Накануне венгерской оккупации бежал в Советский Союз. На границе был задержан. Вступил в Чехословацкий батальон, который формировался в СССР. Позже прошел переподготовку, стал радистом и вместе с Куриловичем заброшен в Прагу.

Никаких подробностей из биографии гостей хозяева, разумеется, не знали. Да им было и не нужно. Главное – прислали двух советских разведчиков, которым пражские патриоты готовы были помогать.

Началась напряженная разведработа. Группа действовала очень эффективно. И это, к сожалению, не ускользнуло от внимания гестапо.

После четырех месяцев интенсивной работы радиостанция Штефана Колара попала в гестаповскую разработку. Начались слежка, аресты. Были схвачены Курилович и Глухой. Их бросили в камеры пражской тюрьмы Панкрац. Однако фашисты не успели их казнить – вспыхнуло пражское народное восстание, и узники вышли на свободу.

Так завершилась одна из спецопераций по созданию резидентуры в Праге, организованная майором Скрипкой – Студенским по заданию разведуправления 1-го Украинского фронта.

«ВЫ И ШТАБ ПОДВЕРГАЕТЕСЬ ОПАСНОСТИ»

...Январь 1945 года выдался для партизан особенно тяжелым. Казалось, победа близка. Мощно наступает Красная Армия. Свое оружие против бывшего союзника – Германии повернула румынская армия. Ее наступающие части овладели городом Брезно. Однако немцы не простили румынам предательства. На банска-бистрицком направлении все свои силы они обрушили на румынские подразделения и партизанские отряды.

Контрразведывательный отдел главного штаба партизанского движения Словакии зафиксировал участившиеся случаи засылки в горы фашистской агентуры. В Брезно разоблачили работу шпионской школы. Стало известно, что она уже сделала выпуск – 28 агентов ушли к партизанам. Еще 150 курсантов готовились к диверсионной деятельности. Но им не суждено было свершить свои грязные дела. По школе нанесла бомбовый удар советская авиация.

Активизировались и каратели. Теперь они чаще выходили в горы.

Главный штаб партизанского движения получил указание готовиться к выходу на соединение с частями Красной Армии. Предстояло пересечь линию фронта. Началась непосредственная подготовка к сложному переходу.

Партизаны в боях с фашистами старались полагаться только на свои силы. Стояла зима, в горах – туманы, неистовствовали вьюги, и чаще всего из штаба 4-го Украинского фронта приходили радиограммы следующего содержания: «Погода нелетная. Обеспечить боеприпасами и взрывчатыми веществами не можем. Пользуйтесь боеприпасами и взрывчаткой, брошенными отступающим противником».

Совет был хороший. Но противник почему-то весьма неохотно бросал свои боеприпасы и взрывчатку.

По приказу штаба фронта то одна, то другая партизанская бригада уходила на запад.

Активно в эти дни действовала и партизанская разведка. Майор Иван Скрипка понимал, как необходимы их разведданные наступающим частям. Так, в феврале 1945 года они передали радиограммы, вскрывающие группировки противника в районе Ружомберок, где были расквартированы 10 тысяч немецких солдат, подробно доложили об оборонительных укреплениях фашистов по западному берегу реки Нитра до реки Дунай, вдоль шоссейной и железной дорог Врутки – Жилина – Чадца, на участке Влахи – Любела, рассказали о минировании шоссейных дорог Микулаш – Ондрашова, моста через реку Ваг, железнодорожного моста в населенном пункте Медзиброд, водосточной трубы вдоль шоссе Немецка – Брусно.

Разведданные партизаны использовали и в своих целях – для разгрома врага.

6 февраля при обстреле обоза по дороге Замостье – Предайна были убиты 22 и ранены 30 немцев. 7 февраля в районе Осада уничтожено 800 метров телефонной связи. 8 февраля при налете на гарнизон села Св. Ондреи захвачен венгерский штаб с документами. Взяты в плен 5 офицеров и 32 солдата. 9 февраля группами подрывников из бригады Цыприха на участке дороги Ратково – Тураны подорван воинский эшелон противника. Разбиты паровоз и две платформы с танками.

Немцы, в свою очередь, тоже огрызались, отвечали контрударами. О сложности положения партизан говорит телеграмма, отправленная из штаба фронта 17 февраля 1945 года:

«Асмолову. Обстановка вокруг вашего лагеря чрезвычайно напряженная. Вы лично и ваш штаб подвергаетесь опасности... Мы не можем вам помочь. Учтите, ваша безопасность не является вашим личным делом. Примите меры по обеспечению безопасности штаба и себя».

В свою очередь, Готвальд лично приказывает Сланскому и Лаушману идти на соединение с частями Красной Армии.

Наряду с этими тревожными, предупреждающими сообщениями были и радостные. Главный штаб узнал, что партизанские бригады Квитинского, Садиленко, Биелка, Шукаева успешно вышли из вражеского тыла и встретились с нашими наступающими частями.

Главный штаб партизанского движения также подготовил группы бойцов для встречи с советскими войсками. Одну возглавил Кукушкин, другую – Быков.

Вскоре пришло сообщение, что группа Кукушкина находится в частях генерала Свободы. Эту весть получили уже на марше. Штаб двинулся навстречу наступающим советским войскам.

Новый переход проходил в сложных условиях. Пошел густой снег, головная застава потеряла маяки, пришлось начальнику штаба майору Скрипке лично возглавить колонну. Другого выхода не было. Ведь его штаб прокладывал трассу. Рядом с ним, как всегда, шел надежный майор Кухта.

Колонна штаба достигла горы. Предстояло перевалить через нее. Начался многочасовой подъем. Снег на отрогах гор был скользкий, удержаться помогали только длинные палки, заготовленные накануне.

Перевалив через гору, внизу партизаны увидели долину. Это была Вайсковская долина. Здесь к партизанам присоединилась колонна десантников полковника Пршикрыла.

Далее, после привала, путь лежал в направлении Горна Легота. Видимо, партизаны подошли к переднему краю фашистов километра на два-три. Попали под обстрел немцев, потом румын. Однако теперь румыны были союзниками, и вскоре все прояснилось. По всему выходило, что они уже в тылу своих войск. И пусть никого, кроме румын, партизаны пока не видели, настроение было приподнятое.

К вечеру главный штаб вышел к Брезно, а утром уже переехал на румынских машинах в Поломку. Отсюда майор Скрипка радировал в штаб фронта: «19 февраля перешли линию фронта и соединились с частями Красной Армии. С нами вышли: главный штаб, 2-й партизанский полк имени Швермы и полковник Пршикрыл с одним батальоном. Всего 410 человек. Находимся в Поломке».

Дальше оставалось одно – ждать указаний. Начали приводить в порядок штабные документы, подготовили отчеты.

В начале марта из штаба фронта прибыла машина. Попрощавшись с боевыми товарищами, майор Иван Скрипка, капитаны Геннадий Стальной, Сергей Терехов, старший лейтенант Степан Шанаев, Тамара Сущева, Степан Рындин, старшина Владимир Каплин выехали в Польшу, в город Ченстохов. Там теперь располагался штаб фронта.

Прошло полгода, как стартовали они с аэродрома Перемышль в сторону Словакии, а кажется, прошла целая жизнь. Тяжелая, напряженная, полная опасностей партизанская жизнь.

По прибытии в штаб фронта их принял командующий Маршал Советского Союза Конев. Он поблагодарил за успешное выполнение боевого задания и вручил майору Скрипке и капитану Стальному орден Красного Знамени, остальным – орден Отечественной войны I и II степени.



Повстанческое подразделение перебрасывают на другой боевой участок

Удивила Ивана Ивановича цепкая память командующего, который еще и пошутил: мол, провожали его в Словакию с забинтованной головой, а вернулся он молодцом. Скрипка был не против поддержать шутку командующего. Тогда он не знал, что судьба еще не раз сведет его с маршалом.

НА ПОМОЩЬ ПРАЖСКОМУ ВОССТАНИЮ

Прошел месяц. Война заканчивалась. Пал Берлин. 6 мая начальник разведки генерал Иван Ленчик передал приказ маршала Конева – майору Скрипке прибыть в Дрезден, где располагался штаб фронта.

Как шутили армейские разведчики: старый воин – мудрый воин. А Иван Скрипка, несмотря на свои неполные двадцать восемь лет, по всем фронтовым меркам был старым воином. Что и говорить, с первого дня на войне. Так вот, Иван Иванович прекрасно понимал – командующий по пустякам не вызывает. Стало быть, случилось что-то важное, неординарное. Но что? Оставалось только гадать.

В штабе Скрипку проводили к генералу Соколовскому. Тот рассказал, что в Праге вспыхнуло народное восстание. «Надо помогать восставшим. Что делать конкретно, скажет маршал», - подытожил начальник штаба фронта.



Могилы партизан на вершине горы Прашивая в Низких Татрах

Вскоре они уже были у кабинета маршала Конева. Соколовский с присущим ему юмором доложил:

– Майор Скрипка отозвался на ваш зов, Иван Степанович. Недавно вы направляли его в словацкое восстание, теперь он готов лететь на помощь братскому чешскому народу.

Маршал Конев протянул руку Скрипке.

– Здравствуй, Иван Иванович. В Праге завязалась смертельная схватка, потому приходится беспокоить даже уставших бойцов. Готов ли ты лететь на помощь чешскому восстанию?

– Так точно, товарищ маршал, готов!

– Что же, хорошо. Тогда задача следующая. С группой разведчиков надо срочно вылететь с аэродрома Герлитц, десантироваться с парашютами в восставший город. Предварительно мы пошлем туда самолеты, они проведут воздушную разведку. По результатам разведки я решу, когда стартовать твоей группе. Надеемся на твой опыт. А сейчас выезжай на аэродром и готовь группу. Жди моего сигнала.

В Герлитце майор Скрипка принял разведгруппу. В нее входил старый знакомый – радист Геннадий Стальной. Он подобрал еще троих радистов. Капитан Михаил Терехин занялся подбором разведчиков.

Иван Иванович проверил радиостанции, питание к ним, оружие, боеприпасы, осмотрел парашюты, накоротке побеседовал с каждым разведчиком. Серьезных замечаний не было. Все подготовлено толково, со знанием дела. Сказывался опыт.

Экипаж самолета тоже был готов к вылету. Все ждали команды. Скрипка еще раз обсудил с подчиненными возможные варианты десантирования на незнакомую местность, опасность встречи с врагом.

В это время с КП аэродрома прибежал посыльный – Скрипку вызывают к телефону из штаба фронта. На проводе был штабной полковник. Он представился. Но его фамилия ровным счетом ничего не говорила Ивану Ивановичу.

– Я звоню вам от имени нового начальника штаба фронта генерала армии Ивана Ефимовича Петрова. Сейчас он будет говорить с вами.

Услышав такое, Скрипка немало удивился. Еще два дня назад генерал Петров командовал фронтом, а сегодня он сменил Соколовского.

– Здравствуйте, товарищ майор, – Скрипка услышал в трубке голос нового начальника штаба. – Это генерал армии Петров. Маршал Конев отменил вылет вашей группы. Вы должны прибыть в штаб фронта для получения нового приказа.

Неожиданно, но все понятно. Вскоре две машины группы – грузовая и легковая покинули аэродром Герлитц и выехали в Дрезден.

Вечером 8 мая 1945 года майор Скрипка докладывал генералу армии Петрову о своем прибытии. Маршал Конев уехал в войска, и задачу ставил начштаба фронта.

Петров был краток:

– Командующий приказал выделить вам самолет. Вместе с радистом ночью предстоит догнать штаб 3-й танковой армии генерала Рыбалко, с войсками армии вступить в Прагу и сразу же доложить об этом нам. Вылет в 23.00.

Как и было приказано, Скрипка с радистом вылетели на У-2. Шли над Эльбой. Штаб танковой армии догнали в районе города Мельник.

Генерал Рыбалко встретил их недовольным ворчанием. Его разбудили среди ночи.

– Ты не знаешь, майор, откуда у маршала Конева ко мне такая любовь? Он не дает мне покоя даже перед атакой Праги.

Пришлось Скрипке отдуваться и за себя, и за маршала Конева. Но когда Рыбалко узнал, что Скрипка разведчик, он подобрел:

– А... Так ты свой. Сразу бы и сказал. Вот перед тобой начальник разведки армии. От него не отставай, он в курсе всех дел. Располагайся в соседней машине, поспим немного перед наступлением.

В ту ночь, устроив на ночлег радиста, Скрипка так и не уснул. Впереди была Злата Прага. От знакомых чехов он много слышал об этом городе. И теперь ему предстоит на танке вступить в столицу Чехии.

На рассвете началось наступление. В городе то тут, то там вспыхивала стрельба, но остановить советских танкистов фашистам и власовцам уже было не под силу.

Жители Праги заполнили улицы и дороги, они приветствовали освободителей улыбками, радостными криками, цветами.

Танковая колонна, в составе которой ехали майор Скрипка с радистом, остановилась у Пороховой башни. Следовало срочно связаться со штабом фронта и доложить обстановку. Но связи не было. Пришлось через людскую толпу пробиваться на другую

сторону площади и оттуда провести сеанс связи.

На следующий день Скрипка поехал в тюрьму гестапо Панкрац искать арестованных фашистами членов пражской резидентуры. Но в тюрьме разведчиков не нашли, их развезли по госпиталям, пражане приютили подпольщиков в собственных квартирах.

Стали искать в госпиталях. К радости, нашли живыми – избитыми, больными – Йозефа Глухого, Ивана Лукашевича, Штефана Колара, Зенона Чеха. Помогли им лекарствами, деньгами, подготовили документы для награждения орденами и медалями.

Так закончилась война для майора Ивана Ивановича Скрипки, которую он прошел, как говорят, от звонка до звонка, встретив 22 июня 1941 года на разведпункте у Равы-Русской и завершив в мае 1945 года в Праге.

ДУАЙЕН ВОЕННОГО ДИПКОРПУСА

...1969 год. События в Чехословакии. Иван Иванович Скрипка с тревогой следит за стремительно развивающимися событиями в стране, которая с фронтовых времен очень близка ему. Он не подозревает, что вскоре вновь окажется на этой, дорогой его сердцу земле. Более того, Скрипка даже и представить себе подобное не может. Он уже генерал, начальник важного, ответственного управления военной разведки. Жизнь его связана с постоянными и продолжительными зарубежными командировками.

Однако в связи с изменившейся, крайне сложной обстановкой в Чехословакии возникает острая необходимость замены военного атташе Советского Союза в этой стране. Там работал опытный военный атташе – генерал-лейтенант Николай Трусов, в прошлом начальник разведки фронта, которым командовал маршал Георгий Жуков.

Николай Михайлович был человеком принципиальным, последовательно отстаивал позицию руководства Советского Союза. Это не всегда нравилось тогдашним чехословацким лидерам. Так Трусов оказался нежелательной фигурой в Праге.

В Москве было принято решение назначить в Чехословакию нового военного атташе. Но кого? Атташе, с одной стороны, должен был полностью устраивать Прагу, с другой – умело проводить политику Москвы. Где найти такого военного дипломата?

Оказалось, такой дипломат есть. В самые трудные месяцы словацкого восстания он находился рядом с генералами Виестом и Голианом, в ледовом переходе шел плечом к плечу с будущими видными политическими и военными деятелями чехословацкого государства, в мае 1945 года вместе с танкистами армии Рыбалко рвался на помощь восставшей Праге. В Чехии и Словакии у него было множество боевых друзей.

Первый заместитель начальника военной разведки Герой Советского Союза Хаджи Мамсуров знал об этом. Несколько лет назад он сам рекомендовал Скрипку начальником спецуправления. Теперь Иван Иванович был нужнее там, в Чехословакии.

Со Скрипкой побеседовали начальник ГРУ генерал-полковник Петр Ивашутин, министр обороны СССР маршал Андрей Гречко. Потом были беседы в Центральном комитете партии. Вскоре генерал-майора Скрипку утвердили военным атташе Советского Союза в Чехословакии. В декабре 1969 года он прибыл в Прагу.

Посол СССР Степан Червоненко принял нового военного атташе по-деловому, с пониманием. Вскоре посол был приятно удивлен – президент Чехословакии Людвиг Свобода и генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак очень тепло приняли у себя генерала Ивана Скрипку. Их примеру последовали и другие государственные деятели, знавшие Ивана Ивановича еще по военным годам.

Конечно, обстановка в Чехословакии тогда была непростой. Каждую ночь в квартире Скрипки раздавались телефонные звонки: пражане, разумеется, не представляясь, требовали вывода советских войск из Чехословакии. Увы, это было не во власти Скрипки, но выслушивать подобные требования приходилось.

Несмотря на все сложности, военный атташе Иван Скрипка никогда не уклонялся, не отказывался выехать на завод, фабрику, в школу, университет, в воинские части и соединения, чтобы выступить перед народом, высказать свою точку зрения.

Было много забот и по линии атташата. Через два месяца после приезда генерал Скрипка оказался в ассоциации военных атташе старшим по званию. Генералы других стран по окончании срока службы убыли на родину, и Иван Иванович стал дуайеном военного дипломатического корпуса. А в корпусе, что называется, свои особенности.

Как-то на охоте военный атташе Китайской Народной Республики Ванг Шао Ву случайно выстрелил по чешскому егерю. Тот был в шапке, и китаец принял голову егеря, появившуюся за пригорком, за зайца. Раненый егерь попал в госпиталь. Все участники охоты сочувствовали ему, а вот китайский атташе, отличавшийся заносчивым характером, даже не навестил пострадавшего. Узнав об этом, генерал Скрипка встретился с китайцем, но тот только и сказал, что, мол, обычаи его страны не позволяют навестить больного.

Иван Иванович, не откладывая дела в долгий ящик, приехал в китайское диппредставительство и побывал у посла, сообщив о поведении военного атташе КНР.

Судя по всему, у посла с атташе состоялся разговор. На следующий день военный атташе Китая с букетом цветов посетил палату, где лежал раненый егерь. Отношения были налажены.

Сам же генерал Скрипка и его жена Полина Романовна всегда очень внимательно относились к своим коллегам. Помнится, супруга югославского военного атташе, дама высокомерная, со сложным характером, оказалась на больничной койке. Кроме мужа, ее никто не навещал. А супруга Скрипки с цветами и подарками приехала к больной, пожелала ей выздоровления. Жена югославского атташе была растрогана до слез. После выхода из больницы она стала инициатором более близких, дружеских отношений между ними и супругами Скрипка. Они стали дружить семьями.

Разумеется, отношения в среде военных дипломатов очень важны. Однако были и сугубо служебные обязанности, например организация посещения атташе военных объектов страны, участие в учениях войск Варшавского договора.

Дуайен от имени военных атташе обязан приветствовать военного министра и его представителей, сопровождать прибывших в страну военных руководителей СССР, знакомить их с обстановкой.

В Чехословакию приезжало много обычных, рядовых советских граждан, чтобы посетить могилы погибших родственников.

Военный атташат помогал им устанавливать адреса захоронений, организовывал посещение могил.

...После нескольких лет работы в Чехословакии у Ивана Ивановича стало пошаливать здоровье. В конце 1975 года он возвратился на родину, а на следующий год уволился в запас. За работу в Чехословакии президент ЧССР наградил генерала Скрипку орденом Белого льва II степени.

ГАЛЕРЕЯ



Осенью 1944 года немецким руководством третьего рейха были приняты меры по мобилизации последних резервов. Нехватку людских ресурсов планировалось восполнить шестимиллионным народным ополчением (фольксштурм), куда должны были входить дети и старики. Чтобы вооружить фольксштурмистов, надлежало изготовить в кратчайшие сроки 4 млн. стандартных винтовок и ежемесячно выпускать 100 тыс. копий английских пистолетов-пулеметов «СТЭН». Для немецкой промышленности это было весьма проблематичным.

Поэтому, кроме производства простейших по конструкции пистолетов-пулеметов «СТЭН», проводилась широкомасштабная акция по разработке и изготовлению различных образцов стрелкового эрзацоружия.

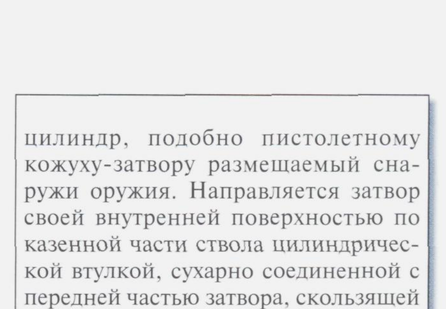
Работы были поручены ряду фирм, занимавшихся производством пехотного оружия, среди которых и такие известные, как Carl Walther из Целла-Мелис, Gustlof-Werke и C.G.Haenel Waffen und Fahrradfabrik из Зуля.

Первые образцы поступили для испытаний на военный полигон в Куммерсдорфе в ноябре 1944 года.

Volkssturmgewehr 1-5, разработанный главным конструктором фирмы Gustlof-Werke Барницке под немецкий «промежуточный» патрон 7,92х33 Kurz, предположительно начал выпускаться с января 1945 года. Сам патрон был разработан на фирме Gustav Genschow&Co.AG (Geco) еще до войны. Первоначально его гильза имела длину 35 мм. С 1938 года заказ на выпуск укороченных патронов получила боеприпасная фирма Polte в Магдебурге, которая укоротила гильзу до 33 мм. Особенностью конструкции патрона Kurz было то, что его гильза представляла собой укороченную гильзу винтовочного патрона «Маузер». Для оружия это был не оптимальный вариант, но он позволил быстро освоить массовый выпуск патронов.

Винтовка VG 1-5 конструктивно выполнена весьма просто и остроумно. Изготавливаться она может на простейшем штамповочном оборудовании в кустарных условиях.

По принципу действия автоматики винтовка является оружием, у которого запирание канала ствола осуществляется свободным (инерционным) затвором. Затвор представляет собой цилиндр, подобно пистолетному кожуху-затвору размещаемый снаружи оружия. Направляется затвор своей внутренней поверхностью по казенной части ствола цилиндрической втулкой, сухарно соединенной с передней частью затвора, скользящей по поверхности ствола.



С правой стороны затвора выфрезеровано гильзовыводное окно, через которое гильзы отражаются вправо-вверх. Слева – на уровне передней части гильзовыводного окна – приклепана рукоятка взведения затвора, выполненная из стальной, фигурно согнутой пластины. Затвор содержит ударник и извлекатель гильзы (патрона).

В верхней части на заклепках установлены нерегулируемый целик и нерегулируемая мушка, совмещенная со стальной пластиной, боковые выступы которой выгнуты в виде щитков, прикрывающих мушку от боковых ударов. Эта же пластина имеет выходящий вперед выступ, представляющий собой пластинчатую пружину, стопорящую от поворота переднюю втулку затвора.

Корпус оружия штампованно-сварной из листовой стали. Центральная его часть представляет собой горловину для установки и фиксации секторного 30-патронного магазина, заимствованного от штурмовой винтовки StG 44. К выступающей вперед от горловины части корпуса двумя заклепками приклепаны левая и правая половинки деревянного цевья. Часть корпуса, расположенная сзади горловины, предназначена для размещения отделяемого узла ударно-спускового механизма. К нижней части корпуса приварена спусковая скоба и сделан вырез для прохода спускового крючка. К этой же части корпуса двумя заклепками приклепан деревянный приклад с полупистолетной шейкой.

Ударно-спусковой механизм куркового типа с «перехватом» курка является практически точной копией аналогичного механизма чехословацкой самозарядной винтовки ZH-29. Выполнен он в виде легко отделяемого при неполной разборке оружия узла. Курок и шептало изготовлены вырубкой из 4-мм стального листа. Спусковой крючок выполнен

7,92-мм самозарядная винтовка народного ополчения

VG 1-5 (Volkssturmgewehr 1-5)



Основные характеристики

Калибр, мм	7,92
Вес винтовки с магазином без патронов, кг	4,6
Длина винтовки, мм	890
Длина ствола, мм	375
Емкость магазина, патр.	30
Начальная скорость пули, м/с	670
Тип патрона	7,92x33 Kurz
Вес пули, г	8,1
Длина патрона, мм	48
Вес патрона, г	16,8

вырубкой и гибкой из 0,5-мм стального листа. Пружины механизма, включая боевую, булавочного типа. Детали этого узла не разбираются, но их открытое положение позволяет механизм чистить.

С левой части корпуса оружия расположен флажковый предохранитель, стопорящий в положении предохранения спусковой крючок.

Рассматриваемый образец в середине 1950-х годов находился в НИИ-61 (ЦНИИТочМаш), где он неофициально проверялся на работоспособность в нормальных условиях. При этом была отмечена его неплохая меткость, но в результате отдачи массивного затвора оружие после выстрела существенно отклонялось от первоначального положения.



СМЕРТНИКИ

Рассказ о летчиках, оказавшихся на чужой войне по собственному желанию…



Дмитрий ПИСАРЕНКО

Этот материал прислал в редакцию тележурналист Дмитрий Писаренко. Он постоянно читает наш журнал, так как занимается «мужской» темой. Мы ему близки по духу. Чтобы читатель понял, о какой войне идет речь, сразу скажем – о войне в Нагорном Карабахе. Это начало 1990-х годов. В то время Дмитрий работал непосредственно на месте событий спецкором НТВ. Этот эпизод из своих воспоминаний и встреч он предоставил эксклюзивно для «Солдата удачи».

ПЛЕН

...Самолет сбили тепловой ракетой. Он потерял управление и через миг должен был врезаться в гору. Юра машинально нажал на гашетку катапульты и вылетел из кабины. Как же проклинал потом за это свой палец, сработавший «автоматом»... Земля приближалась, и он понял: пощады не будет. Жизнь «до» закончилась. Началась «после». И, судя по тому, что творилось внизу, жить ему оставалось недолго. В него целились несколько десятков стволов. Пули противно резали слух, дырявили парашют, но не задевали. Толпа цвета хаки орала. Юра подумал, что можно застрелиться и избежать жестокой смерти. Хлопнул себя по бокам, но пистолета не было... Он представил, как сейчас коснется земли и унизительно поднимет руки...

Но как только приземлился, его тут же сбили с ног. Боевики сбежались в диком количестве. Еще бы, это был первый живой вражеский летчик! Его били ногами. Врезали прикладом по голове. Бородатый верзила, в «лифчике» на голом волосатом торсе, сорвал гермошлем и зловеще глянул Юрке в лицо. Боевики замерли. Прокатился гул изумления: из-под шлема смотрели голубые глаза и торчал нос «картошкой».

– Ара, руса! – крикнул верзила истерическим голосом.

Орава набросилась в исступлении. Безжалостное избиение продолжилось с новой силой. Как ни странно, но сознание Юра не потерял...

– А ты везунчик! – с улыбкой заметил офицер, вытащивший его из-под ног обезумевших бородачей. – У тебя только одно ребро сломано и легкое пулевое ранение. Плечо зацепило... Ты не бойся, ты уже в безопасности, в руках национальной безопасности, – шутя, продолжил он, когда летчика посадили в машину и тщательно прощупали.

Офицер явно хотел войти в доверие. Понятно – «особист».

– Оружие отобрали?

– Пистолет?

Офицер сделал кивок, всматриваясь Юрке в глаза.

– Если бы нашел, то застрелился. Еще в воздухе понял, что потерял...

– Ну, может, это и к лучшему...

Юра ухмыльнулся. Что может быть лучше смерти для наемника, попавшего в плен? Но ему снова повезло...

ФАРТОВЫЙ

...Поступать в летное Юра приехал налегке. Даже без ручки. Было только безумное желанием стать военным пилотом. И он поступил. Невероятно удачно сдал все экзамены.

– А ты фартовый, – одобрительно произнес начальник, поздравляя с зачислением. – В воздухе это не последнее качество...

Теория ему давалась с грехом пополам, а вот на практике не было равных. Схватывал все на лету. В смысле – в небе, в кабине самолета. Инструкторы им гордились.

– Удачный выпускник, – соглашались они, обсуждая курсантов в курилке.

Удачливым он оказался и на личном фронте. Все старшекурсники и холостые преподаватели сохли по библиотекарше – молодой разведенной красавице, воспитывавшей мало-

летнюю дочь. Юрка тоже был в числе неравнодушных. Но его неравнодушие быстро переросло в сильное чувство. Он страстно влюбился. Даже поспорил с друзьями, что она станет его женой. И она ею стала. Выбрала настойчивого молодого курсанта, хотя за ней ухаживали женихи посолиднее.

После окончания училища попал служить в Азербайджан. Молодые жили в счастливом браке, но... в бывшем бараке. Была надежда, что дадут жилье получше. Все мечты рассыпались через год. Начался карабахский конфликт. А еще через три года рухнул Союз. Юра, ожидая в Азербайджане своей дальнейшей участи, продолжал служить в войсках СНГ. Некогда элита общества – военный летчик теперь вынужденно продавал свое обмундирование, чтобы прокормить жену и приемную дочь...

ИСПОВЕДЬ

...Бывшему советскому капитану Юрию Биличенко сначала показали город, который он бомбил, а потом уже его самого представили по телевизору. Он смотрел с экрана потухшими глазами. Говорил медленно, но четко. Искренне раскаивался, проклинал судьбу. Кассету с исповедью наемника растиражировали и отправили в СМИ. Я тогда работал собкором в Армении. Так пленка оказалась и у меня. На ней Юра признавался в том, что совершил величайшую глупость, попав на чужую войну по собственному желанию:

– Сначала предложили перегнать самолет с одного аэродрома на другой. Потом сделал еще пару перегонов. Заплатили... Вскоре поднялся в небо, нагруженный бомбами... Когда решался вопрос, оставаться в ВВС Азербайджана или нет, то разговор шел не о стариках, женщинах и детях. Мне говорили, что в Степанакерте мирного населения не осталось. Рассказывали, что там находятся только наемники: негры, французы и даже француженки, которые не сдаются в плен. Вышло же все наоборот. Как и пять лет назад, в Карабахе рождаются дети, идет нормальная жизнь. И все это там называется «неграми и француженками». Когда я увидел жизнь нормального гражданского города – обалдел. Если бы я знал, что предстоит бомбить жилые кварталы, никогда бы не сел за штурвал самолета... Сейчас у меня одно желание, чтобы во время очередного авианалета одна бомба попала в тот подвал, где сижу я... Потому что мне уже невыносимо больно видеть искалеченных людей, сирот, изуродованных младен-



цев, вообще не видевших жизнь. Это очень скверное чувство... Те, кто продолжает летать, этого не видели. Я бы очень хотел, чтобы они посмотрели на сегодняшний Степанакерт и вспомнили бы о своих семьях... Бомбежке подвергаются обычные мирные жители, не имеющие отношения к этой войне. Это самое страшное... Честно говоря, не собирался служить в вооруженных силах Азербайджана. Я уволился и хотел вообще больше не связываться с армией. Получилось так, что я вляпался в эту дурацкую историю. Теперь точно – в последний раз.

Если говорить об оплате, то перед тем, как я собирался ехать домой, мне выплатили две тысячи долларов и еще рублями. Если все перевести в рубли, то выходило 350 тысяч...

Кому-то нужно, чтобы здесь продолжалась война. Телевидение Азербайджана обвиняет во всем армян. Говорится, что Сумгаит и Баку затеяли армяне, что азербайджанский народ – миролюбивый народ и ему не дают жить... Хочу просто обратиться к тем ребятам, которые летают, не задумываясь над своей судьбой, над тем, что они делают. А делают они очень грязную работу, лишают жизни других людей. Я хотел бы обратиться к Косте, Балахану, Сереге, Сане. Чисто по-человечески сказать: одумайтесь, загляните себе в душу и осознайте, зачем вас родила мать. Наверное, не для того, чтобы вы лишали жизни таких же, как и вы... Ясно одно: пройдет время, может, собьют вас, а судя по тому, что я здесь видел, летать вам осталось недолго, милости просить тогда у вас не будет времени...

ТОВАРИЩ

Биличенко сбили 20 августа, а ровно через три недели в Азербайджан приехал отставной майор Анатолий Чистяков. Он сел за штурвал спустя несколько лет после того, как уволился из армии. «Гражданский хрен» оказался не слаще «армейской редьки», и летчик в конце концов подался на вольные хлеба в «горячую точку». Успел отлетать четыре месяца...

– Слушай, тут еще одного летчика привезли, – сообщил Юре охранник во время утренней проверки.

– А откуда, как зовут?

– Вечером все узнаешь...

За пять месяцев отсидки Биличенко для охранников перестал быть чужим. Их лютая ненависть сменилась милосердием. Чистякову же, ставшему его соседом, все это еще предстояло пройти: и ночные издевательства, и имитации казни, и неожиданно щедрые дары с их обеденного стола...

Вечером, как и было обещано, «собачка» на двери откинулась. Юра просунул голову и в таком же отверстии напротив увидел славянскую физиономию. Кивнул и представился:

– Капитан Биличенко. Зовут Юрой.

– Майор Чистяков. Толя, – уныло улыбнулся новый сосед.

– Откуда будешь?

– Из Уфы. А ты?

– Из Полтавской области.

– Где сбили-то?

– В северной части...

– А меня под Степанакертом...

Тут охранник вмешался и запретил беседовать на эту тему. «Собачки» захлопнулись. Через пару часов за Толей приехал уазик. Его отвезли на очередной допрос в управление безопасности и провели видеосъемку. На видеопленке он совсем не походил на военного летчика: борода, длинные волосы, белый свитер...

– В 1992 году узнал, что в Азербайджане нужны техники, инженеры, в общем, авиаспециалисты, – рассказывал летчик. – Говорили, что им хорошо платят. Летчику за вылет платили 100 тысяч рублей.

Из Уфы прибыл 10 сентября. Предложили выехать на авиабазу Кюрдамир, куда был отправлен на вертолете в тот же день. Пробыл там десять дней, после чего переехал в Доляр, где выполнял учебно-тренировочные полеты. К боевым вылетам приступил 3–4 октября. За период до 10 октября выполнил несколько заданий. Работал на юге Карабаха. По высотам возле села Ехцахох и на севере, в районе реки Хачачай, где в горах также находились опорные пункты противника. 11 октября убыл домой по личным делам. Вернулся через двенадцать дней. До конца месяца находился в Кюрдамире, выполняя вылеты по северной части Карабаха и по югу, где находились позиции и подтягивались войска. Бомбометание производилось по приборам, то есть о точности говорить не приходится... С начала ноября был в Доляре, продолжая выполнять вылеты. Потом восемь дней болел. После этого



выполнил два вылета на населенный пункт Умудлу. После кратковременного отпуска вернулся в расположение части. Бомбил автодороги и позиции в Мартунийском районе. Тогда до меня дошла информация, что Костя и Алексей бомбили аэродромы Варлениса и Капана. Очень удивился, узнав, что это территория Армении. С 13 декабря полеты не выполнялись. Готовилось наступление. В начале января мне ребята сказали, что Костя предложил использовать в работе бомбы с химической начинкой. Все отказались от этой бредовой идеи. Но я не отрицаю мысли, что это рано или поздно может случиться. Правда, этот летчик должен быть фанатиком либо сумасшедшим...

Подготовка к наступлению продолжалась. Мы участвовали в учениях. Как-то раз предложили перегнать два самолета МиГ-21 с аэродрома Насосная, где производили их сборку на ремонтном заводе. Выяснилось, что самолеты были из числа восьми штурмовиков, закупленных Азербайджаном у Украины. Первые два оттуда прибыли в полном порядке, третий же был без хвостового оперения и крыльев. Сборку производила бригада украинских ремонтников – человек десять. Мы перегнали эти самолеты.

В Доляре, когда готовились к наступлению, я заметил два Су-25. Ребята рассказали, что они тоже были закуплены, но уже в Грузии, и прибыли в середине октября. Когда же состоялась сделка – не знаю. Хорошие были самолеты. 15 января началось наступление. Вылетели пять самолетов. Четыре были сбиты, и я оказался здесь...

Хочется ногти кусать – все было неправильно. Если же кто задумал воевать против Карабаха, то не снискать ему здесь лавров. Народ здесь живет и борется... В Баку нам говорили, что в Карабахе нет мирных жителей, что здесь остались только боевики. Но меня возили в машине по городу, и я убедился, что Степанакерт живет нормальной жизнью. Правда, не хватает питания, топлива... И несмотря на то, что я являюсь врагом карабахского народа, грубого отношения с их стороны не почувствовал. Меня здесь кормят, невзирая на трудности...

Что касается оплаты, то никаких контрактов я не подписывал. Обещали 5 тысяч долларов в месяц, однако выплата производилась несвоевременно. Наверное, чтобы как-то попридержать летчиков. В начале января я получил 10 тысяч долларов. Не джентльменский договор...

ПОМИНКИ

...Журналистам летчиков показывали охотно. Юра, хоть был младше и неопытнее (ему было 26, а Толе – 45), держался молодцом. Говорил рассудительно. Понимал, что над ними будет устроен показательный процесс.

Вживую впервые я встретился с ними в январе 1994-го. Их дела вела военная прокуратура. Вскоре каждый в отдельности должен был предстать перед трибуналом.

– Чем все закончится – догадаться нетрудно. Приговорят к смерти и расстреляют, чтоб другим неповадно было, – сказал Юра мне в интервью через решетку.

...Их выводили в тюремный коридор, но от журналистов отгораживали «клетчатой» металлической дверью. Я передал им небольшую передачу. Толя выглядел расстроенным. Шансов на то, что их простят и отпустят, практически не было. С ростом ажиотажа вокруг их персон становилось ясно: поблажек не будет. Хлопотать за них было некому. Наемники – вне закона. Их жен приглашали в различные ток-шоу российских и украинских телеканалов. Фамилии Биличенко и Чистяков постоянно фигурировали в публикациях о военном наемничестве. И везде они выставлялись плохими парнями – «солдатами удачи», нажившимися на чужих смертях...

Журналисты старались залезть им в душу поглубже. И я в том числе. Искал болевую мозоль. Юрка не поддавался. У Толи же ею была тема семьи. Он очень тосковал по своим близким. На вопрос: «Соскучился?» – Толя причмокнул и устремил взгляд в верхний угол тюремного коридора. Немного помолчал, а потом повернулся к микрофону и произнес:

– Закурить не найдется?

...Толя не выдержал испытание ожиданием. В отличие от невозмутимого Юры он писал Ельцину, Патриарху Алексию II, руководителям Армении и Карабаха. Просил пощады, умолял сжалиться... Но вера в чудо подрывалась с каждым безответным днем. Не дождавшись суда, он сам себе вынес приговор.

Было это так. Конвойные нередко делились с арестантами своим обедом. Угощали самогонкой или домашним вином. Как-то вечером Чистяков попросил немного выпить.

– Что, праздник какой-то? – подмигнув, поинтересовался охранник.

– Какой еще в тюрьме праздник! Скорей, поминки по своему прошлому впору справлять...

Охранник не стал вдумываться в смысл сказанного и щедро угостил Толю бутылкой вина. Вскоре из его камеры послышались стоны. Смена выскочила из караулки. Толя лежал на нарах, громко хрипел и харкал кровью. На столе валялись осколки разбитой бутылки.

– Он, гад, стекла наглотался. «Скорую» срочно вызывайте! – завопил начальник смены.

Врачи долго пытались спасти ему жизнь, но в итоге выписали заключение о смерти...

ПРИГОВОР

...У Юры нервы оказались железными. Как решетки на тюремных окнах. Он мужественно пережил гибель коллеги по несчастью, но себе такой участи не желал. Терпеливо ждал начала трибунала. Суд был открытым и показательным. Летчик подтвердил, что совершил 16 боевых вылетов. И это чистосердечное признание было единственным фактическим основанием для обвинения. Пострадавшие от бомбежек не понимали, как они могут дать показания о том, что в день налета в небе был именно Биличенко.

– Мы же не видели лицо летчика! – искренне удивлялась пожилая свидетельница бомбежки.

Его обвиняли в нанесении ущерба на сумму 238 миллионов рублей (в ценах августа 1992-го), в умышленном убийстве десяти и более человек при отягчающих обстоятельствах, а также в причинении ранений четырем десяткам людей.

Юру приговорили к смерти.

– Биличенко под статус военнопленного, согласно Женевской конвенции, не подпадал, – комментировал потом мне вердикт председатель карабахского трибунала Карен Гараян. – Потому что не являлся гражданином Азербайджанской Республики. Он после увольнения из вооруженных сил СНГ переехал к себе на родину, в город Знаменку, и был завербован представителями ВВС Азербайджана. Биличенко не подпадал под статус военнопленного еще и потому, что не стоял на довольствии в вооруженных силах Азербайджана. И денежное вознаграждение у него существенно отличалось от обычных военнослужащих азербайджанской армии. Ему платили пять тысяч долларов в месяц.

Мы встретились после приговора, летом 1994-го. Беседовали в комнате для допросов. Юра был в красной майке, в которой я видел его еще зимой, и в синих спортивных брюках. На ногах – клетчатые «домашники». Когда его вели по коридору, он улыбнулся.

– Узнал? – спросил я.

– Да. Дима из НТВ?!

За два года Юра общался с несколькими десятками журналистов, и мне было приятно, что я запомнился не только внешне. Честно говоря, после вынесения ему смертного приговора никто не верил, что он будет приведен в исполнение. Это было бы и негуманно, и неразумно. После принципиального судебного вердикта политическое руководство Карабаха должно было продемонстрировать свою добрую волю и проявить милосердие. Но для этого эффектного действа нужен был громкий повод. Повода пока не было, и я решил воспользоваться периодом неопределенности в Юркиной судьбе и сделать спецрепортаж под условным названием «Исповедь смертника». Это было бы продолжением видеоистории его жизни. (Первое телеоткровение журналисты называли «Исповедь наемника».)

– Я в жизни сделал единственную ошибку, она оказалась роковой. Ну а за ошибки надо отвечать, – начал он свой рассказ. – Если «вышка», так «вышка».

– Убийцей себя считаешь?

– Если по моей вине действительно погибли мирные жители, тогда – да, я себя считаю убийцей. В этом случае.

Юру не покидало самообладание. Но при этом он сказал, что впервые за два года спал крепким, спокойным сном в ночь после вынесения приговора.

– Спал, как младенец. Ты не поверишь, но я обрадовался. Не приговору, конечно, а тому, что наконец все закончилось...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

...Мы беседовали долго. Это был тот редкий случай, когда человек не комплексовал перед камерой. Летчик говорил от души и не пытался артистически вызвать у будущих зрителей слезу сострадания.

– Практически, можно сказать, жизни я не видел еще. Потому что если оглянуться, то в 17 лет окончил школу, плюс четыре года училища – 21 год, а в 26 лет (стал ухмыляться и озираться) я попал сюда. Практически жил пять лет. Ну, я беру сознательную жизнь, когда офицером служил (он пожал плечами и опустил глаза)...

Иногда мы выключали камеру и просто беседовали о жизни. Юрка рассказал о сокровенном:

– Вызвал как-то начальник тюрьмы в кабинет. Такое редко бывало. У меня даже сердце екнуло. Понял, что ждет меня какой-то сюрприз. Приятного ожидать в моем положении вряд ли стоило, но я все же это почувствовал. Интуиция, Дим, в критических условиях ох как обостряется! Дверь кабинета была открыта. Я сидел перед столом начальника, спиной к двери. Услышал шаги по лестнице. Понял, что идет женщина. Представил свою жену. Начальник посмотрел через меня на вошедшего в кабинет. Я обернулся и обалдел. На пороге стояла она...

Юрина жена пережила унижения и страшное безразличие. Она искренне надеялась, что мужа не оставят в беде одного. Но ни в России, ни в уже независимой Украине, откуда он был родом, никого судьба пока еще живого человека не интересовала. Только ток-шоу с публикой в студии. Жаждущие острых дискуссий ведущие настойчиво зазывали ее в прямой эфир. До начала программы вся творческая бригада обычно крутилась вокруг нее с наигранными улыбками сочувствия. Но как только она по-женски начинала делиться своим горем, ее, как правило, прерывали тупым и неуместным вопросом:

– А хотите чаю или кофе?

Она долго не понимала, что судьба Юры волнует только ее. Как только начинался эфир, закулисное сочувствие улетучивалось. Публике ее представляли как «боевую подругу наемного аса». Начиналось циничное давление на психику. Когда программа заканчивалась, ее уже никто не замечал. Она превращалась в отработанный материал. И так – до нового приглашения в аналогичную программу другого канала. Она не отказывалась – думала, что хотя бы так Юркина фамилия будет на слуху и, возможно, в его жизни произойдет какой-то неожиданный поворот. Но в итоге, потеряв всякую надежду, жена азербайджанского наемника решила приехать в Карабах. Одна. Этот мужественный поступок здесь оценили. Ей бесплатно предоставили жилье, снабжали продуктами и разрешили ежедневно видеться с мужем, приговоренным к расстрелу...

Юрка, сам не подозревая, так расположил меня к себе, что я на волне откровения по-свойски задал ему вопрос в лоб:

– Расстрел представляешь?

– Сколько раз думал... Ну, может быть, все будет зависеть от человека или от людей, которые будут это дело воплощать в жизнь. Если так можно выразиться. – Юра смотрел в пол. – Чисто так, психологически, до нажатия на курок. Вот сколько он будет тянуть, испытывать твои нервы... Если попадется такой понимающий парень, резко передернет затвор (голос Юрки задрожал), влепит пулю, да и все...

Мы стали прощаться, и тут Юра неожиданно сообщил:

– Оставьте что-нибудь почитать. У меня день рождения сегодня...

Я поздравил и отдал ему то, что было, – свежий номер газеты «Голос Армении». В тот день Юре исполнилось 28 лет. Возможно, это был его последний день рождения...

Но ему снова повезло.





ВСТРЕЧА

Подавать прошение о помиловании Биличенко не захотел. За него это сделала адвокат, жительница Степанакерта. Верховный совет НКР заменил расстрел на пожизненное заключение. Потом, совершенно буднично, проскочило сообщение о том, что летчику «скосили» срок до 25 лет...

Со времени нашего последнего общения прошло два года. В мае 1996-го Евгений Примаков, который тогда был главой МИД России, выступил с инициативой обменять всех пленных – без предварительных условий и вне зависимости от их деяний. Обмен производился во время визита Примакова в Баку, Ереван и Степанакерт.

Первой на маршруте была столица Азербайджана. После переговоров к самолету Примакова подвезли автобусы с армянскими пленными. Но несколько человек отказались лететь в Армению. Это были русские, в основном казаки, требовавшие переправить их сразу в Россию. Кое-как Примаков их уговорил. Пообещал, что в Ереване они из самолета не выйдут и полетят с ним дальше, в Москву.

В Армении и Карабахе ситуация повторилась, но Примаков уладил и ее. Я искренне порадовался за Юру, ведь он столько пережил... Но вдруг мне стало известно, что пилот Биличенко до сих пор находится в Степанакерте. Его помиловали, но оставили у себя. Живет в городе, к нему приехала семья... Я понял, что надо ехать и снимать еще одну историю о новом повороте в его жизни. Но репортажа, скажем заранее, не получилось...

Долго искать Юру не пришлось. Знакомые сотрудники карабахского МИД сообщили, что он работает в аэропорту. Но оказалось, что не просто работает, а служит в карабахской армии, в войсках ПВО!

...Он играл в нарды в тенистой беседке. Был одет в камуфляж, с капитанскими звездочками на погонах, на голове шапка с кокардой ВС НКР. Увидев меня, заулыбался.

– Рад тебя видеть! Как ты? – начал я с дежурных фраз, когда жал ему руку.

– Как видишь...

– Ну что, надо бы про тебя еще раз репортаж снять. Это ж надо, как тебя жизнь крутанула? Хоть книгу пиши!

– Нет, не надо... Не стоит.

Юра поник. Я выдержал паузу. Он кинул кости и машинально сделал ход, хотя по лицу было видно, думал не о нардах. Вскинул голову и посмотрел на «взлетку».

– Ты что делаешь?! Я тебя, б...ь, как учил?! – закричал он рабочему, укладывавшему асфальт.

То есть отвлекся на служебные обязанности. Извинился.

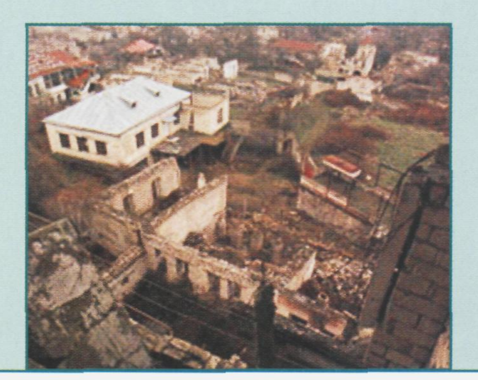
– Что-то не так, что-то мешает? – осторожно поинтересовался я.

Он ответил не сразу. Покрутил головой по сторонам и вполголоса произнес:

– Тут ваш «китаец» приезжал... Я, может, поначалу и не против был, хотя что я, все ведь за меня решают... Ну, и начал он командовать. Сюда встань, то скажи... Я не выдержал, сказал, что не буду сниматься.

– А он?

– Сказал, что раньше я посмелее был.



Я понял, что Юрка говорил о собкоре РТР в Армении – Эдике Сахинове, монголе по национальности.

– Ну мне-то ты не откажешь?!

– Нет, Димка, давай не будем... Не хочу я этого, пойми меня по-человечески.

На эту просьбу мне нечего было возразить. Вообще, и неважно уже было, будет репортаж или нет. Меня переполняло огромное желание пообщаться с ним, просто выпить водки. Это было живое кино: смертник после помилования служил врагу. Возможно, такая участь была хуже смерти. Но обо всем надо было поговорить по душам. И я предложил:

– Юр, поехали в город. Я тебе кассету с репортажем привез. Ну, помнишь «интервью смертника» в день твоего рождения? Разве не интересно взглянуть?

Юра пожал плечами:

– Поехали...

ВРАГИ – ДРУЗЬЯ

Теперь предстояло найти знакомых, у которых был бы видеомагнитофон. Овик предложил заехать к его приятелю, бывшему боевику Арегу. Нас там приняли очень тепло. Юрку узнали, но и к нему отношение было таким же. Усадили за стол.

Арег получил ранение летом 1992-го и после этого воевать уже не мог. Тогда же сбили и Юрку. За столом сидели недавние непримиримые противники. Причем на плечи Арега была накинута потертая «афганка», на спине которой проступали следы белого креста. Так, краской или чем-то другим, армяне на своем обмундировании и бронетехнике обозначали христианский символ, чтобы на поле боя было понятно, где свои, а где чужие. Юрка же на самолете с полумесяцем бомбивший, возможно, Арега, теперь был одет в новенькую камуфляжную куртку с капитанскими погонами и шевроном – вооруженные силы НКР...

Без конфликта не обошлось. После того как официальная часть застолья миновала и все мы перешли на дружеское «ты», Арег захотел услышать Юркино раскаяние. Но тот не стал ныть и жаловаться на судьбу.

– Была война, и я был убежден, что бомблю позиции. Я кто – военный летчик. Это моя работа.

– Врешь! – закричал Арег и хлопнул ладонью по столу. – Тебе было все равно, кого бомбить. Это ты сейчас так говоришь!

– Если бы я...

– Нет, это если бы я тебя тогда там встретил, – яростно перебил его Арег и вытянул руку с указательным пальцем в сторону, – то ты бы тут со мной не сидел!

Юра отвел глаза в сторону:

– Я так и знал...

Взял в руки шапку – дал понять, что хочет уйти.

– Посиди, не торопись, – попросил его уже обычным тоном Арег и потянулся с бутылкой к Юркиной рюмке. – Не бери близко к сердцу... Я разве не понимаю, что тебе пришлось испытать, пережить? Считай, с того света вернулся. Повезло. Ну, за то, чтобы больше не было войны!

– За это, конечно, стоит, – тихо ответил Юрка.

Посмотреть кассету не получилось – телевизор не работал. Но Арег с азартом взялся решить проблему сам. Созвонился с каким-то родственником и договорился, что сейчас приедет к нему с друзьями. В разговоре прозвучало: «Накрывай стол!»

От Арега мы выходили уже хорошо поддатыми. В разговорах с Юркой он был деликатен. Прежде, чем начался просмотр, нам пришлось еще пару часов посидеть за столом у Арегова родственника и услышать о своих достоинствах много нового, хотя этот человек нас видел впервые. Я тоже не стал отставать и продемонстрировал умение держать ответную застольную речь. Наконец, магнитофон проглотил кассету. Юрка стал смотреть репортаж, а я смотрел на него. Он был спокоен.

– Это я тебе на память привез, – сказал ему, когда репортаж закончился.

Юрка наклонился к моему уху и с иронией в голосе ответил:

– Мне такие подарки не нужны.

Овик, Арег и родственник увлеклись обсуждением какой-то бытовой темы. Я же, улучив момент, решил реанимировать идею с репортажем о невероятном повороте в жизни сбитого летчика.

– Юр, может, все-таки снимем сюжет? Это же потрясающая история! Человек не сломался и выжил.

– Нет, Димка, ты меня пойми правильно. У меня шанс появился домой вернуться живым. Зачем кому-то напоминать о себе? Мало ли, еще искать будут...

Этого я, конечно, не учел. По неопытности. Ведь Юрка – не герой. У него просто характер оказался стоический и нервы стальные. А за «подвиги» свои если не в Карабахе, то, возможно, за его пределами еще и пострадать можно. От своих же. Или бывших своих...

ДОЖДЬ

...А Юрка все говорил и говорил:

– Мне в жизни всегда везло... И когда в Краснодар учиться приехал – с ходу поступил, и когда жена на зависть всем ухажерам меня выбрала, и даже когда подбили – повезло, жив остался. Как сейчас помню: машина снижается, передо мной гора вырастает. Еще секунда, другая – и врежусь. Эх, если бы так! Но все произошло инстинктивно, как учили. Чертов палец сам нажал на гашетку. Лечу на парашюте – кругом пули свистят. Оказалось, что лишь одна легонько зацепила. Приземлился, даже смешно стало, что живой. Тут толпа подбежала, человек сорок, и каждый ударить норовил. Опять цел остался, только ребро сломали... Потом тюрьма, трибунал... Честно сказать, я не верил, что от расстрела спасусь. Толя-то Чистяков, видишь, как поступил... А мне опять повезло – амнистия. Когда Примаков прилетел за нами, я первый к вертолету побежал. А Бабаян, командующий армией, мне говорит: «Ты не улетишь!» Я ему не поверил, а зря. В Карабахе Бабаяну Примаков не указ. Так он мне не дал улететь, но потом объяснил. Сказал, что я ему нужен как специалист. Надо аэродром обустроить, «взлетку» и все такое. Если справлюсь, то обещал, что Новый год дома встречу... Я ему верю. А знаешь почему?

– ?

– Он семью привез. Я его не просил, он сам догадался. Дом в пользование дал. Там стенка, мягкая мебель, музыкальный центр. Не это, конечно, главное. Главное, что мы снова вместе.

– Так, может, останетесь?

– Не-ет, с меня хватит. Ни горным воздухом, ни чем другим не заманишь...

Застолье продолжилось. Пили до поздней ночи. А когда мы подвезли Юрку к дому, то у меня еще оставались силы на бутылочку пива. Мы вдвоем вышли из машины и встали лицом к лицу. Была темная горная ночь. Друг друга мы видели в свете фар. Юрка едва стоял на ногах. Его сильно штормило. Я говорил что-то напутственное. Вдруг хлынул дождь, но расходиться нам не хотелось. Я жаждал трогательного прощания. Юрке стало совсем плохо. Он не выдержал и... вырвал, держась за переднее крыло машины.

– Ты прости меня, Димка, я впервые так сильно пьян.

– Неужели, ты же офицер?!

Юрка виновато развел руками:

– Не, ну выпивал, было дело... Но так, как сегодня, еще никогда...

Мне захотелось оставить ему что-то на память. Лучше, чем майка с символикой НТВ, я ничего придумать не мог. Но она была на мне. Несмотря на сильный дождь, я снял с себя сначала операторский жилет со множеством карманов, затем – майку, снова надел жилет. Майку протянул Юрке:

– Это тебе, подарок. Наша, фирменная.

Юрка сделал ответный ход. Снял с себя камуфляж, под которым была обычная белая безрукавка. Он неторопливо положил камуфляж на капот и стал стягивать с себя безрукавку. Состояние не позволило сделать это ему проворно. Юрка запутался в майке, но в итоге, шатаясь, протянул ее мне.

– Что ты, не надо! Это не обязательно, – подскочил я и стал надевать на него вещи. – Одевайся быстрее, а то простудишься!

Меня распирал смех. Качающийся Юрка с безрукавкой под ночным дождем...



ПРОЩАНИЕ

Утром следующего дня мы покидали Степанакерт. Проезжали перекресток и увидели... Юру, шагавшего, видимо, на службу. Глаза у него были красные, узкие, но веселые. При виде нас у него на лице появилась тревога: опять пить?! Но мы его успокоили, объяснили, что просто проезжали мимо и завтракать его насилу никуда не повезем. От души посмеялись, вспомнив, как все закончилось накануне. Обнялись на прощание.

...Юре снова повезло. Командующий сдержал слово. Летчик покинул Карабах еще до новогодних праздников. Правда, после всего того, что с ним произошло, в его нынешнем паспорте теперь наверняка другие имя и фамилия...



Кирилл БАРКАЕВ

И ОДИН В МОРЕ ВОИН...

Сюжет этого материала несколько необычен. Два боевых эпизода из разных столетий, но связь между ними очевидна...

Подвиг отечественных моряков советского периода, о котором будет рассказано в данном материале, вполне достоин того, чтобы встать в один ряд с героическим эпизодом, вписанным в историю Российского флота командой брига «Меркурий», вступившего в неравный бой с двумя турецкими боевыми кораблями, многократно превосходившими его по вооружению и скорости. И в том, и в другом случае наши моряки поступили согласно основному завету Российского флота со времени его основания – флаг не спускать, без боя не сдаваться!

Эти два боевых эпизода отделяют более полутора сотни лет. О первом из них давно забыли . О втором – не знают, и дальше вы поймете почему.

Но оба они едины по своей сути. По духу и даже по тактике. Но обо всем по порядку.

«ЖИВОТ ПОЛОЖИТЬ, НО ГЕРОЙСТВОМ ПРОРВАТЬСЯ В ВЕКА!»

Конечно, это был лишь один эпизод из многих, себе подобных. И говорим мы именно о нем потому, что он нашел почти зеркальное отражение в наши времена, о чем будет сказано дальше.

Тогда, во время русско-турецкой войны, наши моряки не просто оказали сопротивление преобладавшему по силам противнику, а вышли победителями из боя. Видимо, невзирая на все свои преимущества, не было тогда у турков преобладания только в одном – в силе духа...

В 1829 году небольшой отряд российских кораблей в составе фрегата «Штандарт», бригов «Орфей» и «Меркурий» находился в разведке в районе Босфора. Утром 14 мая наши моряки встретили отряд турецких военных судов, состоящий из шести линейных кораблей и двух фрегатов.

Подавляющее преимущество в огневой мощи было на стороне противника. В такой невыгодной ситуации русские корабли решили отступить, не принимая боя. Используя превосходство в скорости, «Штандарт» и «Орфей» ушли от погони турок. «Меркурий», который по существу являлся торговым судном, не мог развить достаточной скорости, и он был настигнут преследователями.

На двух линейных турецких кораблях, которые противостояли российскому бригу, было в общей сложности 174 орудия различного калибра, в то время как сам «Меркурий» имел только 18 легких пушек. На собрании офицеров было принято единодушное решение принять неравный бой. Чтобы корабль не достался врагу в качестве боевого трофея, решено было в случае угрозы его захвата взорвать бриг. Для этой цели у дверей крюйт-камеры был оставлен заряженный пистолет, которым для подрыва боезапаса должен был воспользоваться последний из оставшихся в живых членов экипажа.

Турки, зайдя с левого и правого бортов, предприняли попытку принудить русский корабль к сдаче в плен. Однако «Меркурий», постоянно маневрируя, вел огонь по противнику из кормовых орудий, не подставляя ему бортов. Линейные корабли турок не только не могли использовать свое преимущество в артиллерии, но и постоянно попадали под огонь русского

брига. Более того, артиллерийские залпы крупных боевых парусников, находящихся друг напротив друга, время от времени поражали своих же.

Неравный бой длился более четырех часов. Бриг «Меркурий» получил 23 попадания в корпус и более трехсот в паруса и рангоут, четыре моряка были убиты и восемь ранены. Турецкие корабли в результате боя потеряли ход и вынуждены были прекратить преследование. Русский корабль остался победителем в этом неравном поединке.

Командиру брига «Меркурий» капитан-лейтенанту А.И. Казарскому в Севастополе был поставлен памятник, на котором высечена надпись – «Потомству в пример»...



«ТАНКЕРНАЯ ВОЙНА»

Теперь перенесемся в XX век, в 1980-е годы. Для начала расскажем обстановку на тот момент, потому что многие не имеют об этом ни малейшего представления. Советские корабли, входившие в состав 8-й оперативной эскадры, базировались на базах в районе Индийского океана. Да, дорогой читатель, в свое время наши корабли имели пункты базирования на архипелаге Дахлак в Красном море, в Йемене, Эфиопии. Они не только демонстрировали морскую мощь СССР, но и выполняли реальные боевые задачи, имевшие большое значение для обеспечения безопасности нашего судоходства в этом неспокойном регионе.

Дело в том, что с 1980 по 1987 год воды Персидского залива стали ареной боевых действий между Ираном и Ираком. В ходе этой войны обе стороны старались уничтожать нефтеналивные танкеры, следующие в порты противника и обратно. В самом начале «танкерной войны» Ирак объявил запретной зоной северную часть Персидского залива, приступив к нанесению ударов по танкерам, следовавшим в порты Ирана. В ответ на это Иран стал топить суда, вывозившие нефть из арабских стран, чтобы тем самым создать экономические трудности своему противнику. И если до 1984 года нападения на гражданские суда были эпизодическими, то с весны того года они приобрели систематический характер. Более того, на морских коммуникациях было выставлено огромное количество мин. Главным образом атакам подвергались суда, следующие в одиночку. Мирные сухогрузы и нефтяные танкеры были беззащитны перед боевыми катерами, самолетами и морскими минами.

С апреля 1984 по декабрь 1987 года сообщения о жертвах «танкерной войны» поступали практически ежедневно. Всего за этот период времени были повреждены сотни судов, более десятка погибли. Сотни гражданских моряков были убиты.

ГОТОВНОСТЬ – ПОЛНАЯ!

Красное море, так же как и Персидский залив, было ареной боевых действий. Во время войны воюющими сторонами было выставлено большое количество мин, которые стали настоящим бичом для гражданских судов.

На советские танкеры и сухогрузы также неоднократно совершали нападения эритрейские сепаратисты, воевавшие с Эфиопией, которой СССР оказывал широкомасштабную военную помощь. Мирные корабли представляли собой легкую добычу для различного рода террористических группировок и обычных пиратов. Для того чтобы обезопасить себя от нападения и обеспечить проход через минные поля, советские боевые корабли осуществляли проводку конвоев гражданских советских и иностранных судов в Красном море и Персидском заливе.

Необходимо отметить особенности несения боевой службы в зоне Индийского океана. Средняя температура воздуха здесь редко опускается ниже 35–40 градусов, морская вода имеет высокую соленость. Системы кондиционирования на многих кораблях отсутствовали, запасы пресной воды были строго ограничены. Во время движения конвоя экипажи боевых кораблей длительное время находились на боевом посту в состоянии повышенной боевой готовности. Палящее солнце и постоянная качка, которой так подвержены корабли малого водоизмещения, буквально отнимали последние силы у военных моряков, опресненная вода плохо утоляла жажду, из-за высокой температуры и влажности воздуха любая царапина на теле превращалась в кровоточащую язву. При всем этом боевая служба длилась порой по 7–8 месяцев.

Для того, чтобы читатель мог представить себе корабли, которые выполняли боевые задачи по проводке конвоев в миноопасных районах, можно привести в качестве примера технические характеристики тральщика «Разведчик» проекта 266 М, который нес боевую службу в составе 8-й оперативной эскадры в январе–августе 1990 года. Водоизмещение – 715/770 тонн, длина – 61 метр, ширина – 6 метров, осадка – 3,5 метра, две двуствольные артиллерийские установки АК-230, две реактивные бомбометные установки по пять направляющих, максимальная скорость – 17 узлов, дальность плавания – 1.500 миль, автономность – 10 суток. Данный боевой корабль осуществил проводку 52 судов в составе 29 конвоев в Красном море и Персидском заливе. 14 мая 1990 года тральщик защитил от нападения боевых катеров эритрейских сепаратистов транспорт «Интернационал» Минморфлота СССР. Необходимо отметить, что в период пребывания наших военных кораблей в Индийском океане СССР не потерял на минах ни одного корабля. Советские тральщики, катера, сторожевые корабли не понесли боевых потерь в ходе боестолкновений с кораблями противника, которые случались неоднократно. Советская система организации несения боевого дежурства на боевых постах и наблюдения за воздушной и надводной обстановкой неоднократно показывала себя с самой лучшей стороны. В отличие от боевых кораблей США и их союзников, командование которых всецело полагалось на новейшую радиоэлектронику, наши моряки



большое внимание уделяли зрительному наблюдению. Дело в том, что катера, которые террористы и морские пираты, а также бойцы из состава Корпуса стражей исламской революции использовали для нападений, имели деревянные или пластиковые корпуса, и радиолокационные станции могли обнаружить их на сравнительно небольшой дистанции, да и спутать их с простыми рыбаками было очень легко.

Для атак обычно использовались переносные ракетные комплексы, крупнокалиберные пулеметы и гранатометы, которые, конечно, не способны уничтожить современный корабль, однако могут вывести из строя антенные комплексы или системы вооружения. На советских катерах и тральщиках моряки несли постоянное дежурство у визирных колонок, с которых можно управлять артиллерийскими орудиями. Любая быстродвижущаяся цель бралась на сопровождение и могла быть уничтожена в кратчайшее время.

Плавающие мины, которые представляли серьезную опасность для мирных кораблей, также весьма сложно было обнаружить какой-либо электронной аппаратурой, здесь вся надежда возлагалась на зоркость и внимательность моряков, несущих вахту у визирных колонок и сигнальщиков.

ТРИ ИЗ ЧЕТЫРЕХ – НА ДНО!

С ноября 1989 по май 1990 года в районе Красного моря нес боевую службу артиллерийский катер «АК-213» Черноморского флота.

27 мая командиру корабля капитан-лейтенанту Н. Белому была поставлена задача доставить из военно-морской базы на архипелаге Дахлак группу уволенных в запас советских матросов в количестве 70 человек. Катер должен был высадить их на борт гражданского судна, следующего через Красное море в СССР. Общая протяженность маршрута составляла 100 морских миль. Для быстроходного корабля задача, прямо скажем, пустяковая – чисто пассажирская. Но мы говорим о боевой обстановке.

Здесь необходимо привести тактико-технические характеристики «АК-213». Полное водоизмещение – 210 тонн, длина – 39 метров, ширина – 7,8 метра, осадка – 1,8 метра. Вооружение – две двуствольные 30-миллиметровые артиллерийские установки, 12,7-мм пулемет, 12 глубинных бомб. Скорость хода – 36 узлов.

К советскому кораблю с двух сторон стали быстро приближаться четыре быстроходные цели. Экипаж катера был приведен в повышенную степень боевой готовности. Быстроходными целями оказались катера эритрейских сепаратистов типа «Ягуар», которые чувствовали себя полновластными хозяевами в этих водах.

Катера этого типа строились в ФРГ, имели водоизмещение 183 тонны, скорость хода 42 узла, длину 42 метра, ширину 7 метров, четыре торпедных аппарата, две 40-мм автоматические пушки.

Преимущество в огневой мощи, скорости и в количестве боевых единиц было на стороне противника.

Наш корабль был окружен, после чего последовало требование сдаться. В то время, как упоминалось выше, СССР оказывал военную помощь Эфиопии, от которой хотела отде-



литься мятежная провинция Эритрея. Захват в плен советского боевого корабля с большим количеством пассажиров на борту дал бы возможность сепаратистам диктовать условия нашей стране и требовать прекращения военной помощи.

Капитан-лейтенант Н. Белый принял неравный бой. Позиция эритрейских катеров по отношению к советскому кораблю напоминала расположение турецких линейных кораблей и русского брига «Меркурий». Так же как и турки, эритрейцы заняли позиции слева и справа от корабля, который хотели взять в плен.

На первый взгляд, положение наших моряков было безвыходным. Однако, искусно маневрируя, капитан-лейтенант Н. Белый, как и его предшественник А. Казарский, поставил в невыгодное положение своих противников. Он повторил тактику командира «Меркурия»! Преследователи, как в том случае более чем полуторавековой давности, не смогли реализовать преимущество в огневой мощи. Находясь по обе стороны от наших кораблей, артиллеристы противника не имели возможности вести огонь без риска поразить своих. Н. Белый, так же как его знаменитый коллега, использовал недостатки расположения кораблей противника.

Маневрируя, командир корабля стал уводить свой катер от преследователей. Темное время суток, волнение моря и полная неожиданность подобного маневра для сепаратистов сделали свое дело. Ведя беспорядочный огонь, преследователи начали менять позиции, чтобы использовать преимущество в огневой мощи и начать преследование советского корабля.

Не следует забывать, что катер был буквально перегружен находящимися на нем уволенными в запас моряками, и основной задачей командира было сохранить им жизнь и доставить на борт гражданского судна живыми и здоровыми.

Видя, что ценный трофей ускользает из рук, сепаратисты продолжали погоню. На борту советского катера имелись глубинные бомбы, которые наши моряки стали сбрасывать в воду прямо по курсу преследователей, устанавливая различную глубину взрыва. Головной катер преследователей попал прямо под взрыв одной из бомб и был потоплен. Остальные катера, не предпринимая попыток спасти оказавшихся в воде товарищей по оружию, повернули на обратный курс и отказались от погони. «АК-213» благополучно доставил моряков на борт судна, которое должно было отвезти их домой, и взял курс обратно на базу.



На обратном пути уцелевшие катера противника снова совершили нападение на советский катер. Корабли сепаратистов в строю фронта шли навстречу нашему кораблю. Не имея на борту пассажиров, командир уже не был стеснен в своих действиях. Два эритрейских пирата снова попытались зайти с левого и правого бортов «АК-213», однако на этот раз они были встречены ураганным огнем. В ходе артиллерийского боя ближайший к нашему кораблю катер сепаратистов был потоплен, после чего весь огонь был сосредоточен на второй цели, которая также была отправлена на дно. Третий пират не успел даже открыть огонь, когда попал под обстрел артиллерийских установок нашего корабля. Получив серьезные повреждения, эритрейский катер вышел из боя и убрался восвояси.

Потерь на борту «АК-213», за исключением нескольких раненых, не было. За этот бой члены экипажа советского корабля были награждены орденами и медалями. Кроме того, капитан-лейтенанту Н. Белому было досрочно присвоено очередное воинское звание капитан 3 ранга.

Жаль, что этот эпизод остался практически неизвестным, он не вошел ни в один учебник по морской тактике, хотя достоин того...

«АНГОЛЬСКИЕ РЭМБО»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ



Сергей КОЛОМНИН

Несколько лет назад в одном из номеров «Солдата удачи» (июнь 2004 г.) была напечатана моя статья «Кому не дает покоя слава «ангольского Рэмбо»?», в которой рассматривался «феномен Анголы». Речь шла о том, что тема ангольской войны с участием наших военных была долгое время закрытой, и только специалисты да сами там находившиеся знают, что в действительности происходило. Поэтому некоторые из журналистов, пишущих о «неизвестных войнах», часто фантазируют или попросту врут. Они выискивают среди всевозможных «спецназовцев и морпехов» неких «солдат секретной войны». И, не потрудившись проверить, насколько реален их рассказ, публикуют эти байки. Их стараниями появился уже целый ряд «героев Анголы», которые чуть ли не в одиночку «уничтожили целые легионы наемников».

Прошло несколько лет. Но «ангольских Рэмбо» не убавилось. Как и журналистов, падких на дешевые сенсации.

«НАС ДОСТАВИЛИ В АНГОЛУ НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ»

Как-то в Союз ветеранов Анголы пришел посетитель, который представился «бывшим майором спецназа морской пехоты». Назвался Анатолием Алексеевичем. Просил принять его в организацию на том основании, что в 1977–1978 годах выполнял ряд специальных заданий на территории Анголы. Но предупредил сразу: никаких подтверждающих документов у него нет. «Все было сверхсекретно», – добавил он тихо и внушительно. Для убедительности кратко поведал об основных вехах своей биографии: «299-й учебный центр морской пехоты «Сатурн», учеба в «разведывательной школе ГРУ Черноморского флота», выполнение «спецзаданий в Анголе и Мозамбике». Был при этом весьма красноречив. Козырял фамилиями известных адмиралов и генералов.

На мою просьбу рассказать о том, что он конкретно делал в Анголе, сначала ответил категорическим отказом, ссылаясь на «подписку о неразглашении». Но потом как прорвало: стал рассказывать с подробностями, не обращая внимания на работающий диктофон. По его словам, в какой-то момент «агентами нашей разведки была получена информация, что на территории государств, граничащих с республиками Ангола и Мозамбик, есть что-то, представляющее интерес для СССР в целях мировой безопасности (!!!)». «Для подтверждения этих сведений и выполнения специальных заданий ГРУ в Африке и были созданы диверсионные разведывательные подразделения» (здесь и далее сохранен оригинальный авторский стиль рассказа и приведенные в нем термины. – **Прим. авт.**).

И, что интересно, по словам гостя, формировали эти подразделения преимущественно из «плавсостава и частей морской пехоты, физически подготовленных офицеров со знанием иностранных языков». В одну из таких групп и попал Анатолий Алексеевич. Готовили его долго и упорно. Предметы: «тактика и стратегия малой партизанской войны; выживание в экстремальных ситуациях; ориентирование на местности и картография; месторасположение страны, местные диалекты, этнос, обычаи; работа с аквалангом; воздушно-десантная подготовка» И дальше: «шифрография; камуфляж; маскировка; радиодело; азбука Морзе». Ну и, как водится, «техника ведения рукопашного боя; стрельба; минно-саперное дело». Правда, иностранный язык в программе подготовки «африканских диверсантов» почему-то отсутствовал. Видимо, крепкую языковую подготовку получили ребята в средней советской школе, а затем в военном училище...

Далее гость (по строгому секрету)

поведал, что «в целях проверки агентурных сведений нашей разведки, полученных из Африки» в Анголу в 1977 году была-де направлена «разведывательно-диверсионная группа в составе нескольких мичманов и старшин срочной службы», в которую входил и Анатолий Алексеевич. Каждый член группы владел специальностью: подрывник, радист, снайпер и т. д. А доставили особую группу к ангольским берегам... «на борту подводной лодки» (!), которая «совершила секретный подводный переход из Черного моря к берегам Анголы».

На этом моменте повествования стремительно нараставшая волна моего скепсиса по поводу правдивости рассказа гостя вылилась во вполне конкретный вопрос: «Зачем же гонять субмарину к берегам Анголы в 1977 году, когда в это время в дружественной Луанде уже находились наши сотрудники из ГРУ и КГБ (сидели и в посольстве, и под «крышами» так называемых представительств)? Не проще ли было доставить группу специальным рейсом военного самолета и там с помощью местных товарищей подготовиться «к походу в джунгли»? Ведь так дешевле. И главное — надежней. Таким образом, например, доставили в 1986 году в Анголу группу спецназа ПДСС Черноморского флота капитана 2 ранга Юрия Пляченко, которая спасала заминированные южноафриканскими подводными пловцами советские суда с оружием и боеприпасами в порту Намиба.

«ЭТО БЫЛО СВЕРХСЕКРЕТНОЕ ЗАДАНИЕ»

Не улавливая вполне еще моей иронии, «майор спецназа морской пехоты» замахал руками: «Что вы, что вы! Это же было сверхсекретное задание, мы весь путь в трюме лодки занимались многочасовыми тренировками, надевали гидрокостюмы, проверяли акваланги!» Не слишком смутил автора рассказа и следующий мой вопрос: «А лодка-то была атомная, аль дизельная?» Не заподозрив подвоха, посетитель, не моргнув глазом, ответил: дизельная. Видимо, посчитал, что приплетать атомоход — это уж чересчур!

И мне стало окончательно ясно: не путешествовал товарищ на подводной лодке по Южной Атлантике. Я не раз бывал на наших дизельных субмаринах из состава 30-й оперативной бригады ВМФ. Иногда они доходили до Луанды своим ходом, но преимущественно в надводном положении. Чаще их из-за недостаточного ресурса по заправке топливом доставляли в порт на буксире наши надводные вспомогательные суда или БДК. И экипажи после таких переходов, например из Конакри в Луанду, представляли собой эдаких «зеленых человечков» — моряков в буксируемой лодке бросало на океанских волнах, как шарики в детской погремушке. Условия обитаемости в тесных отсеках торпедных «дизелек» такие, что не то что «тренироваться надевать акваланги», а существовать нелегко. Жара доходила до 40 градусов, пресной воды — в обрез, поэтому утренний туалет состоял часто из протирок смоченными в спирте ватными тампонами лица, рук, подмышек и промежности. Форма одежды моряков-подводников, ходивших на «дизельках» в южных широтах, — одноразовые майка и трусы...

Но Остапа, как говорили классики, несло. Гость решил даже показать на карте Анголы место, где и был высажен секретный десант. И ткнул пальцем в точку на побережье, откуда начинается и уходит в глубь континента африканская пустыня (в Анголе она носит название Намиб). Худшего места для десантирования даже придумать нельзя. А затем Анатолий Алексеевич начал сетовать на то, как их группа морского спецназа после высадки столкнулась с трудностями прохода через... влажные ангольские джунгли, которых в этом районе отродясь не было. В заключение своего рассказа «майор спецназа морской пехоты поведал», что конечной целью их спецгруппы было ни больше ни меньше... «уничтожение секретного химического завода где-то на границе Анголы с Замбией».

ЧТО РАССКАЗАТЬ ВАМ О ТАЙНОЙ ВОЙНЕ?

Уважаемый читатель, вы спросите, зачем я все это пересказываю? Ведь ясно, что все, о чем поведал гость, мягко говоря, «не бьет». Нет ни конкретных фактов, ни подтверждающих документов. И весь его рассказ явно не в ладах со здравым смыслом...

Но дело в том, что Анатолий Алексеевич — довольно известный человек в узких кругах. Часто выступает перед различными аудиториями, на встречах ветеранов с молодым поколением. Какую правду этот «ветеран Анголы» может донести до людей? О «поездке» русского спецназа в Африку на подводной лодке? Об уничтожении русскими морскими пехотинцами «химического завода в глубине африканской саванны»? Эти сюжеты, право, достойны Джеймса Бонда. Тут и Иэн Флеминг позавидовал бы.

А еще Анатолий Алексеевич пишет стихи, опубликовал свою книгу, где воспевает морскую пехоту, спецназ, осназ и еще какие-то никому не ведомые спецподразделения с громкими названиями: «Betta» и «Zetta», «Черный принц» и «Черный волк», а еще «Коготь», «Тишина» и «Бастион». В одном из его стихотворений рядовой морпех (лирический герой, с которым, возможно, отождествляет себя и сам Анатолий Алексеевич), сетуя на секретность своей африканской миссии, задает такой вопрос: «Ответь, командир, что я дома скажу, /с Анголы как орден я свой покажу?/ Что расскажу им о «тайной войне»?/ В Ондживе, в Луанде,/ В Менонге и в Джамбе?

Действительно, а что может рассказать о «тайной войне в Анголе» советский морской пехотинец, никогда не бывавший ни в Менонге, ни в Ондживе, ни в Джамбе (правильно — Жамба), — там, где когда-то гремели жаркие бои с южноафриканскими агрессорами и оппозиционерами из УНИТА? Да, советские морские пехотинцы несли тяжелую, ответственную и порой неблагодарную службу у берегов Африки. В территориальных водах Анголы в тот период постоянно находились наши боевые корабли, в том числе и БДК с десантом: «Красная Пресня», «Петр Ильичев», «Николай Фильченков», БДК-034 и другие. Довольно часто вооруженных морпехов привлекали для охраны нашего посольства в Луанде и территории пункта материально-технического обеспечения. Они находились в постоянной боевой готовности. Это само по себе уже о многом говорит. Но вот утверждения об их участии в боях против южноафриканцев — это домыслы. И прозвучавшее как-то в телепередаче «Забытый полк» сообщение о том, что в боях под Куито-Куанавале в Анголе в 1987 году участвовала дивизия советской морской пехоты, — выдумка.

«СПАСИТЕЛЬ» ПРЕЗИДЕНТА НЕТО

В современной российской приключенческой литературе тема войны в Анголе и участия в ней наших ребят стала уже, можно сказать, классической: редкий автор детектива на африканскую тему или военного остросюжетного повествования обходит ее стороной. Тут и Александр Бушков с его героем-одиночкой Мазуром, и авторы популярных серий «Спецназ ГРУ», «Морской спецназ» и другие. Привычно уже на телеэкране мелькают русские спецназовцы, набравшиеся опыта рукопашных схваток в ангольских джунглях с наемниками всех мастей и набившие руку там же в единоборствах с американскими «тюленями», английскими «сасовца-

ми» и южноафриканскими коммандос. Но это – беллетристика. И ее авторы имеют полное право на художественный вымысел. Тем более, что некоторые трезвомыслящие писатели и сценаристы обыгрывают вполне реальные факты: в последнее время усилиями Союза ветеранов Анголы достоянием становятся все новые, ранее неизвестные подробности участия наших военнослужащих и гражданских в ангольских событиях. Героики там и без выдумок хватало...

Но как быть с побывавшими в Анголе людьми, которые сегодня, возомнив себя невесть кем, направо и налево раздают интервью, где описывают откровенные небылицы? Видимо, многие из них чувствуют себя обойденными: сегодня им явно не хватает признания, внимания, понимания наконец. Наверное, это вина государства, которое так долго скрывало правду об участии наших военнослужащих в событиях в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Никарагуа и в других странах Африки, Азии, Латинской Америки. И здесь еще очень много предстоит сделать. Но выдумки и откровенную глупость, да еще тиражируемую в прессе, нельзя оправдать.

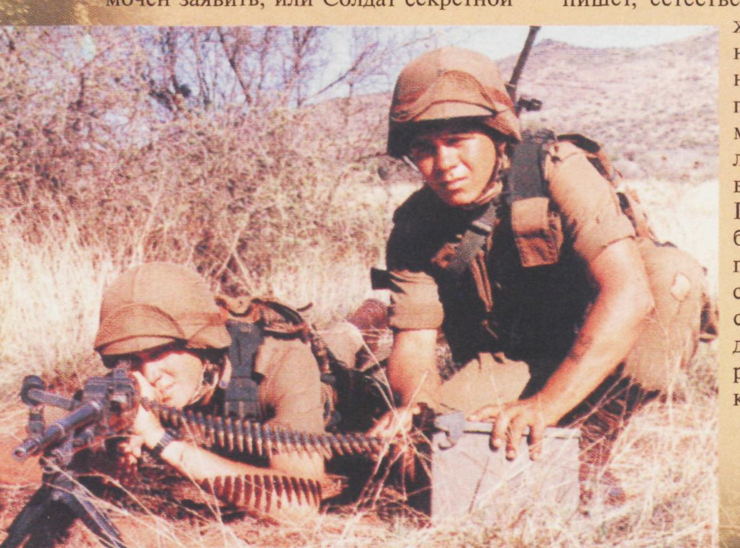
Вот просто поразительный пример «героя Анголы». Именно таким (без кавычек) предстает перед читателем некий полковник запаса Виктор Негру, утверждающий, что он является кавалером номер один первого и самого высшего ордена Анголы «За заслуги перед МПЛА». И награжден он этим орденом – ни много ни мало – за спасение первого президента Анголы и лидера МПЛА Агостиньо Нето.

Эти и многие другие экзотические подробности о деятельности «участника войн во Вьетнаме и Анголе» можно почерпнуть из статьи Татьяны Шевляковой «ТАСС не был уполномочен заявить, или Солдат секретной войны». А опубликована она в серьезной и уважаемой газете «Пограничник Северо-Востока», издаваемой Северо-Восточным пограничным управлением береговой охраны ФСБ России (номер от 9–15 августа за 2006 г.).

Читаем послужной список героя: «Полковник запаса Виктор Негру, служивший в морской пехоте, – участник войн во Вьетнаме и Анголе. Службу закончил на Камчатке в 1998 году в должности заместителя командира береговой бригады ракетно-артиллерийского вооружения (так сказано в статье. – **С. К.**). А началась она в 1973 году после окончания Высшего инженерного морского училища имени Макарова в Ленинграде. Виктор попал в учебный отряд морской пехоты «Сатурн», а затем в отдельный батальон морской пехоты «Альбатрос», который принимал участие в военных конфликтах в составе экспедиционного корпуса стран – участниц Варшавского договора. В 1974 году Виктор Негру в качестве стажировки проходил службу во Вьетнаме. После того, как стал командиром разведроты в 1975 году, попал в Анголу. Был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Впечатляет. Только что это за «отдельный батальон морской пехоты «Альбатрос»? И что за «экспедиционный корпус стран – участниц Варшавского договора»? Байки о «батальоне специального назначения «Альбатрос», который якобы «представлял собой ударный отряд Варшавского договора», давно гуляют по Интернету. Да и «со стажировкой» во Вьетнаме не совсем ясно. Что делал там только что окончивший училище молодой военно-морской инженер? Да еще в составе группы спецназа?

Но вернемся к Анголе. Вот что пишет, естественно, со слов Негру, журналист Татьяна Шевлякова: «От наших разведчиков поступила информация о том, что на лидера МПЛА готовится покушение. Покушение должно было состояться в городе Бие. Разумеется, у Агостиньо была своя охрана. Однако данные разведки говорили о том, что силы, которые готовились к захвату, были намного серьезнее тех, которые обеспечивали безопасность президента. В срочном порядке в Бие перекинули советские специальные подразделения.



■ Расчет ручного пулемета армии ЮАР

Схватка между охранниками Агостиньо и пытавшимися захватить его боевиками была тяжелой. С противником пришлось столкнуться нешуточным, основательно подготовленным. Одной перестрелкой борьба за Агостиньо Нето не ограничилась. Огневой контакт вскоре перерос в рукопашную схватку. Потери обеих сторон были значительными. Охрана главы МПЛА потеряла половину людей. Советский Союз заплатил тогда за жизнь ангольского президента жизнями семи офицеров.

Остальных наградили только что утвержденным в Анголе орденом «За заслуги перед МПЛА». Он появился после этой операции. Орден был изготовлен на платиновой основе. Производили его на Кубе. Там же, к слову сказать, наши военные лечились после ранений, полученных в Анголе. Первая партия ордена «За заслуги перед МПЛА» состояла из семи штук, по количеству людей, участвовавших в срыве покушения. Орден за номером один вручили Виктору Негру».

Не правда ли, захватывающее повествование? Только в Посольстве Республики Ангола в России, куда Союз ветеранов Анголы направил запрос, почему-то никто не слышал про ангольский орден «За заслуги перед МПЛА». И про покушение на президента Нето, связанное с гибелью «почти половины президентской охраны», никто не знает.

«ВОЛГА» ВМЕСТО ОРДЕНА

Каждый, кто прошел Анголу, знает, что ангольцы на награды были очень скупы. Раздавали памятные благодарственные дипломы (что-то типа нашей почетной грамоты). А вот ордена... Даже главный военный советник генерал-полковник К. Курочкин, много сделавший для укрепления армии и обороноспособности Анголы, по завершении своей командировки в 1985 году не получил никаких ангольских государственных наград. Кубинцы наградили его своим высшим орденом Че Гевары I степени. Правда, министр обороны Анголы Педру Тонья «Педале» подарил «генералу Константину», как уважительно называли ангольцы и кубинцы Курочкина, в знак его заслуг автомобиль «Волга» последней модели. Машина была закуплена в «Автоэкспорте» и готовилась к отправке в Москву. Но министр обороны СССР маршал С. Соколов не разрешил принять такой подарок. В

итоге «Волга» была передана «в пользу ангольской армии».

Большинство иностранных боевых медалей и орденов, которые получали советские военнослужащие, – кубинские. Кубинская медаль «За героическую оборону Куито-Куанавале» была в 1988 году вручена более чем шестидесяти советским советникам и специалистам. Награждались наши и кубинскими медалями «За боевое содружество». Большая группа советских военных была представлена к ангольской медали «За взятие Мавинги». Но это уже было в начале 1990-х годов.

Сомнение вызывает не только само существование ордена «За заслуги перед МПЛА», но и все повествование Виктора Негру. Потому что точно известно, что охрану лидеров МПЛА и президентов Анголы А. Нето и Ж. Э. душ Сантуша осуществляли только ангольцы и кубинцы. И не действовали в этой стране специальные подразделения, сформированные из советских военнослужащих. Поэтому не могли «советские разведывательно-диверсионные группы» воевать против УНИТА и СпН ЮАР. И не посылались в джунгли никакие «десанты морпехов», никакие «отдельные группы спецназа морской пехоты». Это не было предусмотрено договором о военном сотрудничестве между двумя странами. Мало кто из советских руководителей, а санкции на такие действия давались на самом высоком уровне, хотел получить «новый Афганистан» в Африке.

Однако Негру повествует: «На базе батальона (какого? Того самого «Альбатроса», которого не существовало? – **С. К.**) был создан отряд особого назначения, куда входили 60 военнослужащих, разделенных на 12 групп. В зависимости от сложности операции к их выполнению привлекали одну или несколько групп. Как-то в рейд направили пять человек. Они попали в засаду, устроенную юаровцами. Завязался непродолжительный бой. Двоих из группы убило сразу, остальным удалось уйти». Заметим, опять никаких конкретных фактов, имен, ссылок: кто, где, когда?

В Африке действительно работали сотрудники спецподразделений ГРУ, КГБ и ВДВ. Действовали в Анголе и бывшие бойцы знаменитого «Вымпела». Их можно назвать поименно: П. Суслов, А. Михайленко, В. Кикоть (бывший командир отряда спецназа «Омега»), К. Сивов, В. Уколов, Я. Семенов (руководитель боевой группы «Зенит», штурмовавшей в 1979 году вместе с «Альфой» дворец Амина в Кабуле) и многие другие. Но в их задачу, как и других советников, входило обучение ангольцев, намибийцев (свaповцев), членов южноафриканского АНК и зимбабвийского ЗАПУ. Помогали они друзьям и в планировании специальных операций, и в организации оперативно-агентурных мероприятий.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ

Но неужели, спросите вы, советские «каскадеры» так ни разу и не выходили на эти самые спецоперации в Африке? Не стреляли, не освобождали заложников, не сталкивались с супостатом в открытом бою, как в Афгане? Увы. Мне такие случаи неизвестны. Хотя возможности и, что называется, потребности в этом были. Могу привести такой пример. В августе 1983 года в Мозамбике вооруженные бандиты из оппозиционного правительству движения МНС напали на танталовый рудник и захватили группу из 24 советских геологов, работавших там по контракту. А двоих убили. Геологов в качестве заложников увели в джунгли. Ситуация экстраординарная. Советское руководство вплоть до самого верха предпринимает поистине титанические усилия, чтобы спасти советских граждан. Задействованы аппараты совпосольств в Африке, МИД, ГРУ, внешняя разведка КГБ, Красный Крест (и даже Полумесяц), ведутся поиски негласных контактов со спецслужбами ЮАР, которые «патронировали» МНС.

В Мозамбик срочно направляется спецгруппа опытных старших офицеров внешней разведки КГБ. Двое из них «афганцы», воевавшие в составе знаменитых «Каскада» и «Кобальта», с огромным опытом организации и проведения спецопераций. Все со знанием португальского языка. Руководителем группы назначается бывший «афганец» Н. Дениченко, советник департамента по борьбе с бандитизмом мозамбикской армии. Изучив обстановку на месте, наши приходят к выводу: для освобождения советских людей необходимо срочно перебросить в Мозамбик спецподразделение советского КГБ. Москва дает «добро». Группа начинает подготовку к вылету. Но решающее слово – за властями Мозамбика.

Однако президент Мозамбика Самора Машел, кстати, большой друг СССР, отказывается от предложенного ему руководством «Вымпела» варианта развития событий. Он мотивирует это тем, что «органы безопасности страны располагают средствами и возможностями для решения этой задачи самостоятельно». Тогда наши спецназовцы подключаются к организации агентурно-оперативных мероприятий и планированию войсковой операции мозамбикской армии по освобождению заложников, задействуют разведывательные возможности Центра. Идет напряженная агентурная работа по выявлению маршрута бандитов и их намерений.

К сожалению, в результате отказа мозамбикских властей привлечь советские спецподразделения к операции благоприятный момент был упущен. Бандиты вырываются из кольца, гибнут еще четыре заложника. Но шестерым удается спастись бегством. Остальных 14 советских граждан благодаря усилиям внешней разведки КГБ и МИДа удалось освободить только в январе 1984 года.

Это то, что реально было. А вот для сравнения фантазии Негру, «воевавшего в джунглях»: «Одну из наших групп юаровцы уничтожили полностью. Подробностей последнего боя русских спецназовцев не знает никто. Отряд из пятерых разведчиков просто исчез. Нашли их только потом. Повешенными на дереве. А перед этим с них содрали кожу. Скорее всего, ребята были ранены или застал их противник врасплох... Живыми в плен советские разведчики не сдавались». По отзывам тех, кто служил и работал в Африке, все это просто бред!



■ **Визит в Анголу генерала армии В. Варенникова (третий слева). Пятый слева – генерал-полковник К. Курочкин**



■ П. Суслов и начальник Управления спецопераций Сталин (справа от Суслова, на фоне баобаба) с сотрудниками управления после удачно проведенной операции в Анголе

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

А вот другой вызывающий удивление факт, опубликованный в статье Татьяны Шевляковой. Автор пишет: «Считается, что в период до 1991 года в Африке погибли и умерли от ран и болезней 2.454 советских гражданина, в том числе 250 офицеров, 565 прапорщиков, 1.300 солдат срочной службы, остальные – гражданские лица, а около семи тысяч получили ранения». Откуда такие данные у Т. Шевляковой?

Конечно, масштабы нашего военного присутствия в Африке в советский период подразумевают, что были и погибшие, и умершие. Но почти две с половиной тысячи?! Даже воюющие кубинские войска потеряли в Анголе с 1975 по 1989 год 2.077 солдат и офицеров погибшими.

Есть три страны в Африке, где наши военнослужащие понесли в советский период наибольшие потери: Эфиопия, Ангола и Мозамбик. По официальным данным, в Эфиопии при исполнении служебных обязанностей погибли и умерли 79 человек, а в Анголе – 54. Конечно, это официальные данные, и только по линии 10-го Главного управления Генерального штаба ВС СССР. У Союза ветеранов Анголы есть основания считать, что советские потери, например в Анголе, были бо́льшими. Уже сейчас в далеко не полной Книге памяти, которую ведет СВА, погибших в Анголе насчитывается более 60 человек. Если верить Негру, то в Анголе в течение короткого времени погибли сразу два десятка отборных советских спецназовцев! Но в Книге памяти Союза ветеранов Анголы нет ни одного бойца спецподразделения. Нет там и морских пехотинцев... Только военные летчики, советники и специалисты, а также члены их семей.

Если проанализировать цифры, опубликованные в статье Шевляковой, то можно найти интересную закономерность. Вот официальные данные о погибших военных в Анголе, приведенные в труде Института военной истории Минобороны РФ «СССР и Россия в локальных войнах и конфликтах»: «До 1991 года в Анголе погибли и умерли 54 советских гражданина, в том числе 45 офицеров, 5 прапорщиков, 2 солдата срочной службы, двое гражданских служащих, а 10 – получили ранения. Один военнослужащий попал в плен». А вот что дает «Пограничник Северо-Востока»: «В Африке погибли 2.454 советских гражданина... 250 офицеров, 565 прапорщиков, 1.300 рядовых». Создается впечатление, что Шевлякова (или кто-то другой) просто подставил к цифрам ангольских потерь из труда Института военной истории свои. Так, впереди 54 написали 24 и получилось 2.454! 45 офицеров превратились в 250! А 5 погибших прапорщиков трансформировались в 565... Вот такая занимательная арифметика! Только насквозь фальшивая.

Предвижу возражения здравомыслящего читателя: зачем критиковать это? Ведь ясно, что это вымысел и бред. Но не забывайте, уважаемый читатель, что статья была опубликована в официальной газете ФСБ России «Пограничник Северо-Востока»! И прочитана она (и сейчас доступна, поскольку этот текст «висит» в Интернете) тысячами читателей, среди которых военнослужащие Погранвойск ФСБ. А Виктор Негру – по информации главного редактора газеты – является «активным членом местной организации ветеранов локальных войн», его «рекомендовал военный комиссар города» и «члены камчатского объединения «Боевое братство»!

ХЛЕСТАКОВ БЫ ПОЗАВИДОВАЛ

Воспоминания следующих наших «героев» можно отнести к несколько иному разряду, чем повествование полковника запаса Виктора Негру. Назовем их «хлестаковщиной», что ли. В русском языке можно найти и другие слова: «хвастовство», «бахвальство», «бравада». Но вреда от них не меньше. Поскольку эти люди очевидцы и живые свидетели событий.

Вот, например, материал под заголовком «Полковнику никто не пишет», опубликованный в русскоязычной латвийской газете «Час». Он о вполне реальном человеке, который работал советником в Анголе и был награжден по итогам своей совокупной деятельности там орденом Красной Звезды, – Евгении Походуне. Однако самого факта награждения, видимо, ему показалось недостаточно. Если есть орден, то надо выдумать и соответствующие подвиги. Неизвестно точно, придумал ли он их сам или за него это сделала автор статьи журналист Лариса Персикова. Однако опровержения со стороны полковника, насколько мне известно, не поступало... Ветераны Анголы, сослуживцы Е. Походуна, прочитав эту статью, были изрядно удивлены похождениями очередного «ангольского Рэмбо».

Начинается повествование, как водится, с экзотики: «За четыре года войны в Анголе полковник Евгений Иванович Походун настрелялся вдосталь. И из горячей африканской саванны он привез не современные ружья и пистолеты, а исторические реликты – зулусские стрелы, пистоли времен героев Фенимора Купера и настоящий томагавк».

Однако стрелял советник не ради удовольствия. Через пару абзацев мы узнаем, что он еще и убивал. И не раз. Интересно, кого и при каких обстоятельствах? «Я полгода провел в осажденном Куито-Куанавале. И когда ты утром просыпаешься, а за окном видишь приближающуюся зеленую цепь солдат, то остается только один выход – ставить на подоконник пулемет и стрелять, пока не кончатся патроны. Ведь воевать приходилось не с неграми в набедренных повязках, а с батальонами французских наемников. По нормативу один солдат такого батальона должен уничтожить десять–пятнадцать человек. Эдакий вариант «Рэмбо». Только не в кино, а в жизни. И убивали они наших десятками».

Вот так-то. Только в данной ситуации не «французские наемники» (никаких «батальонов французских наемников» в составе регулярной южноафриканской армии и частях УНИТА никогда не числилось), а сам Походун рядится в одежды «Рэмбо». Еще бы: встал, позавтракал, поставил пулемет на подоконник и – строчи, строчи... По свидетельствам тех советских военных специалистов, которые

защищали город, этот эпизод – чистейшая выдумка. Южноафриканцы обстреливали город из дальнобойных гаубиц, бомбили его, но ближе 10–15 км подойти не смогли – их остановили кубинско-ангольские войска. Выдумал Походун и «десятки убитых наших». За весь период обороны Куито-Куанавале их было двое. 27 ноября 1987 года осколком от снаряда, выпущенного из дальнобойной южноафриканской гаубицы, был убит советник по оргмобработе при командующем военным округом полковник Андрей Горб. А вот второго погибшего якобы пытался спасти сам Походун. Вот как это было, по его словам. «Самое страшное – это когда на моих глазах убили переводчика. Ваней его звали. Хороший был парень, умница. Нас отправили в рейд по вражескому тылу. Болота там непроходимые, крокодилами кишат. И вдруг – воздушный налет. Переводчику руку по самое плечо оторвало. Ангольцы наши разбежались, осталось только четверо пленных. Я заставил их погрузить Ваню в бронетранспортер и сам сел за рычаги. А дорога была так пристреляна, что мышь не проскочит. Чувствовал только, как за нами от пуль вскипает земля. Ваня все молил: «Евгений Иванович, боль нечеловеческая, пристрелите меня». Но я все-таки довез его до аэродрома, и умер он на моих глазах, всего в пяти шагах от вертолета».

ПОЧЕМУ ВСЕ-ТАКИ ПОЛКОВНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ?

Странно, что Походун называет погибшего переводчика 21-й ангольской бригады Ваней. Он должен был бы запомнить имя того, кого спасал. А звали его на самом деле Олег. Младший лейтенант Олег Николаевич Снитко. Он был смертельно ранен 24 сентября 1987 года осколком южноафриканского снаряда. А вот полковника Походуна в составе группы советских военных советников 21-й бригады никогда не числилось. Участник боев за Куито-Куанавале Игорь Ждаркин уверен: «Походун Снитко не спасал!!! И никуда на бронетранспортере не вез, тем более по болотам, кишащим крокодилами!»

Как был ранен Снитко, вспоминает ветеран Анголы Валентин Мозолев: «24 сентября 1987 года на рассвете, примерно часов в шесть, советники, рядом со своим БТРом сидя на снарядных ящиках, завтракали. Бригада после ночевки должна была двигаться дальше, в наступление. Вдруг начался обстрел. Осколок первого же снаряда перебил Олегу руку выше локтя. Другие советники получили легкие ранения. Они втащили Олега в БТР, наложили жгут, вкололи обезболивающие препараты. У нас у всех были индивидуальные (оранжевые) аптечки. Советники бригад снабжались медикаментами в бригадах. Все медикаменты, находившиеся в бригаде, были доступны нашим советникам».

Игорь Ждаркин вспоминает, что «после ранения Олег смог прожить еще около полутора суток, все надеялись, что его смогут эвакуировать из района боевых действий. Сильный был парень, бывший десантник. Он все время просил дать ему нюхать нашатырный спирт, не хотел терять сознание...» Почему же раненого не удалось вовремя эвакуировать и спасти?

Снова слово В. Мозолеву: «О ранении советского офицера из радиоперехвата уже знал противник. Пара ангольских вертолетов пытались долететь до бригады, но огонь противника не дал им возможности приземлиться. Бригада, как раненый медведь, маневрировала, отбивалась, а противник наседал. Юаровские «Миражи» бомбили наши позиции по несколько раз в день».

На рассвете 26 сентября двум Ми-8, один из которых пилотировал советский экипаж вертолета главного военного советника, вызванный из Луанды, удалось прорваться и достичь расположения бригады. Рассказывает ветеран Анголы Игорь Бакуш: «В Луанде почти сутки решали вопрос, как эвакуировать Снитко. Из-за сильного огня противника приблизиться к 21-й бригаде не было возможности. Были попытки на бронетранспортере вывезти Олега за пределы огня, что в конце концов удалось. Олег, находясь в шоке от боли и большой потери крови, в жару, укрытый шерстяным одеялом, в БТРе терпел как мог, но все время находился в сознании».

А рядом с ним в армейском термосе в водно-спиртовом растворе лежала оторванная осколком рука: все еще надеялись, что врачи смогут сотворить чудо и пришить ее. Наши советники, среди которых были подполковники Храмов, Арагелян, и Дейнан, преодолев за сутки около 30 км, нашли удобную площадку для посадки вертолета. Советский экипаж смог на нее сесть только потому, что кубинские МиГи в это время отвлекали на себя юаровские «Миражи». В небе шел отчаянный воздушный бой.

Однако, несмотря на героизм советских летчиков экипажа вертолета ГВС и кубинцев, спасти Олега не удалось. За 15 минут до посадки «вертушки» он скончался. Как только вертолет взлетел, на месте его посадки взорвался южноафриканский снаряд... Снитко наградили посмертно орденом Красной Звезды и похоронили в родном Киеве. Вот правда о том, как погиб в Анголе советский военный переводчик Олег Снитко. Как мы видим, спасти его пытались многие, но только не Походун.

Журналист Лариса Персикова пишет: «За ангольскую войну полковник Походун получил от советского командования орден Красной Звезды. А кубинцы наградили его медалью «За героическую оборону Куито-Куанавале». Таких медалей было всего тридцать, и четыре из них Фидель Кастро вручил русским офицерам». Про орден – правда. А про медали – нет. На самом деле награжденных было много: практически все кубинцы, принимавшие участие в боях под Куито-Куанавале, и более 60 человек наших. Хотя некоторые советские специалисты, у которых к моменту награждения истек срок командировки, уехали, так и не получив ее. Кубинцы вручали награды «по факту» тем, кто был «в наличии». А по заявлению Походуна, получается, что он чуть ли не из рук кубинского лидера получил одну из четырех высоких наград, предназначенных для наших военных советников! А как же остальные советские кавалеры кубинской награды? Они что же – само-



■ Обучение ангольских разведчиков проводит И. Горбунов (справа)

званцы? Может, поэтому полковнику сегодня никто и не пишет из бывших сослуживцев по Анголе?

ВОТ ТАКОЙ ВОИН...

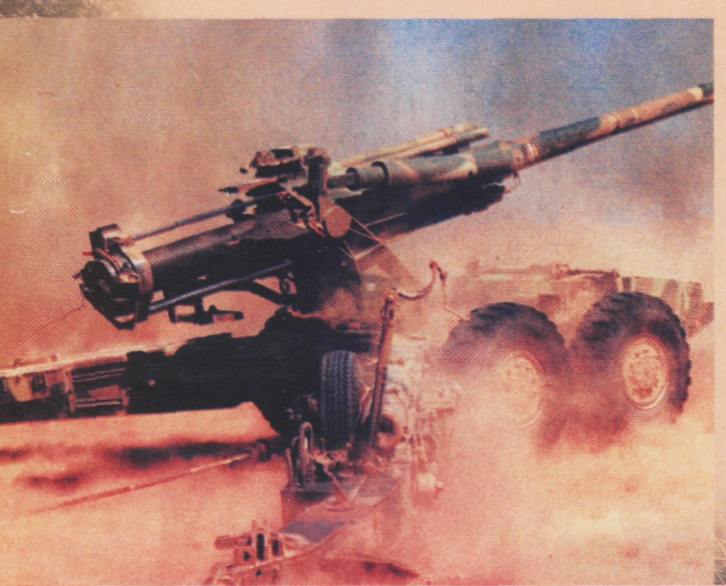
«Путешествуя» по Интернету, как-то наткнулся на статью «А в Африке воины вот такой вышины!». Автор – Александра Утепова. Напечатана она в «Газете для настоящих мужчин «Сарбаз» – «Воин Казахстана». Издание известное и авторитетное в армии Казахстана. Речь в материале идет о генерал-майоре казахстанской армии Александре Мартынове, который, будучи еще советским подполковником, в 1988–1990 годах выполнял интернациональный долг в Анголе.

Усилиями журналиста подполковник Мартынов предстает перед читателем не только в ореоле экзотики («закусывал мясом крокодилов и змей, питался экзотическими фруктами и пил вино из сока «пьяной пальмы»), но и истинным героем. И чудом выжил, когда «в его блиндаж попала бомба»: «отделался переломом нескольких ребер и контузией». И смог спастись, «когда, прыгнув со сбитого вертолета, поломал обе ноги». И даже, как утверждает журналист, «может похвастать тем, что новенькие полковничьи погоны ему вручал президент страны Жозе Эдуарду душ Сантуш». Он вроде как случайно оказался «на территории фронта с визитом» и «пожелал лично вручить погоны советскому офицеру».

Мог ли президент НРА, председатель МПЛА – Партии труда, верховный главнокомандующий ангольской армией (ФАПЛА) Ж. Эдуарду душ Сантуш вручать лично погоны полковника Советской Армии рядовому советнику «начштаба фронта»? С ангольскими реалиями это соотносится плохо. Ведь между ними «дистанция огромного размера». Президента страны, в которой велась многолетняя гражданская война, очень плотно охраняли, и он из-за соображений безопасности редко выезжал даже в провинциальные центры, а не то что на фронт. И даже советский главный военный советник в стране в звании генерал-лейтенант, а то и генерал-полковник, не всегда был лично «вхож» к нему. Да и погон, тем более советских, наши военнослужащие в Анголе не носили. Их обмундирование состояло из формы ангольской армии, но без знаков различия и отличия – это было предусмотрено соглашением о нахождении там нашего аппарата советников. Так что вся эта история, скорее всего, из разряда «суп в кастрюльке, прямо из Парижу». И слова журналиста «может похвастать» более чем уместны. В словаре В.И. Даля прямо сказано: «хвастать» – значит «врать, лгать, вообще говорить неправду».

Но вот еще один эпизод из той же серии. Журналист пишет: «Однажды, находясь близ границы с ЮАР в местечке Куито-Куанавале, полковник Мартынов получил приказ срочно прибыть в столицу Луанду к главному военному советнику. Добираться не на чем, все дороги заминированы. И тут вспомнили про американские самолеты, которые летают туда два раза в неделю. Полковник Мартынов и переводчик добрались до аэродрома, где провели ночь. Наутро прилетел самолет, но пилот категорически отказался брать на борт пассажиров. Пришлось выдернуть чеку из гранаты и всю дорогу держать около американского летчика, который, кстати, мастерски владел русским матом. Так и долетели до места назначения. А в аэропорту Мартынова уже ждал шикарный посольский лимузин...»

Если бы журналист, берущий интервью у Мартынова, хотя бы взглянул на географическую карту, то увидел бы, что общих границ у Анголы с ЮАР нет! А поселок Куито-Куанавале находится на расстоянии 1.200 км от рубежей этой страны! Возможно, Мартынов имел в виду оккупированную ЮАР Намибию? Но и до границы с ней от Куито-Куанавале путь не близкий – порядка 250 км. Кто был в Анголе, знает, что напрямую из Куито-Куанавале в Луанду добраться можно только самолетом и заминированные дороги здесь ни при чем. Воздушные перевозки советских военных советников между столицей страны и провинциями осуществлялись силами авиаотряда главного военного советника, в состав которого входили самолеты Ан-12 и Ил-76, летавшие под флагом «Аэрофлота». Естественно, с нашими экипажами.



■ 155-мм гаубица GV5

Летали и другие борты: ангольские, кубинские. А вот американских в тот период там быть не могло. Потому что у правительства Анголы с администрацией США, которая поддерживала вооруженную оппозицию УНИТА, были очень напряженные отношения. Позволю себе предположить, что «американский самолет» появился не просто так. В ином случае выдуманный номер с гранатой выглядел бы более чем странно. Советский военный советник угрожает союзникам: ангольцам или кубинцам, чтобы те доставили его в Луанду? А вот супостата с помощью гранаты пугнуть можно! Мол, знай наших! Но весь этот эпизод придуман хвастовства ради. Ну не самоубийца же профессиональный военный Мартынов, чтобы лететь два часа в кабине пилота, держа в руках гранату с выдернутой чекой...

«КАРТИНА МАСЛОМ» НА ФОНЕ АФРИКАНСКОГО ЗАКАТА

А теперь представьте себе человека, не слишком разбирающегося в африканских реалиях, который разом «проглотил» все эти опусы. В качестве аперитива – стихи «участника ангольских событий», «майора разведки морской пехоты» Анатолия Алексеевича. Как «Черный запомнит навек континент, что нет нерешенных спецназом проблем»! Про то, как спецназ морской пехоты «в Уганду, Намибию и Мозамбик, и в Верхнюю Вольту проник». Затем отведает «главное блюдо» с откровениями полковника морской пехоты, кавалера советских и ангольских орденов Негру. А в качестве десерта употребит статьи Ларисы Персиковой и Александры Утеповой...

Думаю, что после такого «обеда» неискушенный читатель просто должен проникнуться мыслью, которую настойчиво внушает читателям в своем повествовании Лариса Персикова: «Функции советских солдат и офицеров за рубежом ролью консультантов далеко не ограничивались». И в конце приобретет уверенность, что на самом деле сражались наши в африканских джунглях против «супостатского» спецназа, «косили» из



■ Ветеран Анголы О. Коргут среди ангольских военнослужащих

пулемета «не вынимая сигаретки изо рта» французских наемников, спасали президентов и получали за это из их рук высокие награды и погоны. И вдобавок ко всему ездили на шикарных посольских лимузинах и вывозили из Анголы огромные, прямо-таки музейные коллекции местных раритетов. Словом, «картина маслом», как сказал бы герой Машкова из фильма «Ликвидация». На фоне кровавого африканского заката. Такая же далекая от реальности, как и сам фильм.

Но почему бы современным журналистам, которые хотят поведать на страницах своих изданий о ранее неизвестных фактах, о войне в Анголе и других странах с участием наших военнослужащих, не рассказать о том, что там действительно происходило? И не бросаться на поиски дешевой сенсации и новых «ангольских Рэмбо», а обратиться к реальным героям и фактам. А их можно, кстати, легко найти на сайте Союза ветеранов Анголы.

Почему бы не напомнить читателям про то, как несли за тысячи миль от Родины у берегов Анголы, Мозамбика, Гвинеи, Эфиопии свою трудную службу советские морские пехотинцы. Как выживали в раскаленных от африканского солнца трюмах БДК наши парни, готовые в любой момент за тысячи километров от Родины вести в бой свой ПТ-76 и БТР. Как наши военнослужащие еженощно, с риском для жизни, боролись с морскими диверсантами, охраняя в ходе «противодиверсионных вахт» советские боевые и гражданские корабли. Хочу подчеркнуть: все задачи, выполняемые этими людьми, были БОЕВЫМИ. И тот факт, что они не ходили «в героические рейды по унитовским и юаровским тылам», отнюдь не умаляет их заслуг перед ангольским народом и своим Отечеством.

Почему бы не «поднять на щит» и не рассказать о советских морских летчиках 392-го отдельного дальнего разведывательного полка из гарнизона Кипелово, освоивших труднейшие трансатлантические полеты в Анголу на стратегических разведчиках Ту-95РЦ? Они летали на грани возможностей техники и человека, без боевого сопровождения, без соответствующей службы поиска и спасения. Это был настоящий подвиг.

Почему никто из журналистов, пишущих на тему «неизвестных войн», до сих пор подробно не написал о подвиге в Анголе в 1985 году экипажа Ан-12 из Джанкоя во главе с капитаном Сергеем Лукьяновым? Когда в двигатель попала унитовская ракета, экипаж героически боролся до конца, но самолет спасти не удалось. Погибли семь человек экипажа и несколько пассажиров-советников, имен которых до сих пор никто не знает. Мало кто знает и про подвиг экипажа вертолета Ми-17 во главе с Дмитрием Кутоновым, который вылетел на спасение джанкойцев и тоже был сбит... Кстати, один из членов погибшего экипажа Ан-12, переводчик Сергей Шолмов, похоронен в г. Ульяновске. Но много ли горожан сегодня знают, что их земляк погиб в Анголе при выполнении интернационального долга?

ПРО ГЕРОЕВ БЫЛЫХ БОЕВ...

Если эти темы кому-то покажутся скучными, «несенсационными», предложу такой сюжет. Про героев былых боев. Но забытых. Из него хорошо видно, что и без фантазий Походуна и Негру героики в Анголе хватало. Хочу отметить, что это – рядовой случай.

В августе 1981 года механизированные части южноафриканцев вторглись в Анголу и окружили три маленьких городка: Ондживу, Шангонго и Кааму. Эти городки защищали три ангольские бригады, в которых работали 23 советских офицера и прапорщика. Многие из них имели при себе семьи: всего в зоне боев оказались восемь жен и трое малолетних детей. Позиции бригад подверглись массированным бомбардировкам и обстрелам, большинство ангольских солдат, не выдержав ада, просто разбежались. Но не наши советники. Они остались и продолжали руководить боем. Или, как это называлось в официальных документах, «оказывали подсоветным практическую помощь в отражении южноафриканской агрессии».

После взятия очагов обороны в кольцо наши советники с женами и детьми оказались в окружении. Многих из них с риском для жизни прятали в своих домах от южноафриканских солдат, рыщущих в поисках «советских наемников», ангольские активисты МПЛА. А когда разведчики отыскали выход из кольца, советские военнослужащие и их семьи под руководством советника командира батальона 11-й бригады майора Юрия Егорова долго и трудно выходили из окружения. Не было воды, пищи, проводников. Нещадно палило солнце, и в небе то и дело появлялись южноафриканские самолеты-охотники.

Четырехлетний сын советника Тымбаршева, Алеша, уже так привык к налетам южноафриканской авиации, что при появлении очередного «Миража» тыкал пальцем в небо и кричал: «Масолет, масолет!» Его так и прозвали потом – «масолет». Советнику командира артдивизиона капитану Анатолию Череднику пришлось нести на себе и автомат, и трехлетнюю дочурку, которая постоянно просила пить. Но они вышли. Остались живы. Благодаря высокому профессионализму военных, сплоченности и навыкам, полученным в Союзе. Разве это не достойный сюжет для рассказа журналиста, интересующегося «тайными войнами»?

Кстати, Юрий Егоров сегодня живет в Брянске. Но кто знает о нем, кроме тех, кто обязан ему жизнью? Кто знает о том, что пришлось пережить этим людям, которых посылали вовсе не воевать, а «советовать»? И о том, что в тех событиях была ранена южноафриканским осколком жена майора Сытенко, Наталья, нигде и никто не писал. Майор Егоров за свой подвиг не получил никаких наград. Но может, наградой ему станет рассказ одного из брянских журналистов о своем земляке? Правдивый и объективный, без поисков дешевой сенсации и искажения фактов.

Использованы фото из архива С. Коломнина, И. Горбунова, К. Курочкина, О. Коргута

Илья ШАЙДУРОВ

ЯкБ и ГШГ – наследники ШКАСа

В месте слияния двух немецких рек Рейна и Мозеля, в так называемом Deutsche Eck – «немецком угле», расположился небольшой старинный город Кобленц. Этот город имеет более чем двухтысячелетнюю историю и своей древней архитектурой, многочисленными памятниками и музеями ежегодно притягивает множество туристов. Однако Кобленц не только является туристическим центром, но и служит одновременно военным центром современной Германии – до недавнего времени его гарнизон даже был крупнейшим в Европе. Именно поэтому здесь размещается WTS (Wehrtechnische Studiensammlung), гигантская коллекция вооружения и военной техники, служащая одновременно музеем, учебным и научно-исследовательским центром. Здесь собраны тысячи различных моделей современного вооружения, начиная от пистолетов и заканчивая боевыми самолетами и баллистическими ракетами.

Одной из наиболее внушительных экспозиций является коллекция стрелково-пушечного авиационного вооружения, которую открывают, потеснив на второй план знаменитые «Вулканы», «Эрликоны» и «Маузеры»... отечественные многоствольные авиационные пулеметы ЯкБ-12,7 и ГШГ-7,62. Рядом с каждым образцом – стенд с подробным описанием принципа действия и устройства оружия, фотографиями и тактико-техническими данными. «Русские «Гатлинги» – предмет особой гордости нашей коллекции, – говорит господин Циммер, технический директор WTS, – ими вооружались знаменитые ударные вертолеты Ми-24 Hind стран Варшавского договора». Далее он подробно рассказывает об уникальности принципа действия этих пулеметов и особенностях их устройства.

Глядя на стоящие за стеклянной витриной пулеметы, невольно вспоминается одна из легенд периода Великой Отечественной войны, согласно которой во время штурма Берлина советские бойцы нашли в разрушенном здании рейхсканцелярии скорострельный пулемет ШКАС, который был якобы по личному приказу Гитлера выставлен там в качестве примера для немецких конструкторов. Согласно этому приказу советский пулемет должен был храниться под стеклянным колпаком в рейхсканцелярии до тех пор, пока немецкие инженеры не смогут создать аналогичную конструкцию. Правда это или вымысел – судить сегодня очень сложно, но вот в том факте, что послевоенные русские «Гатлинги» стали предметом для тщательного изучения специалистов НАТО, можно легко убедиться.

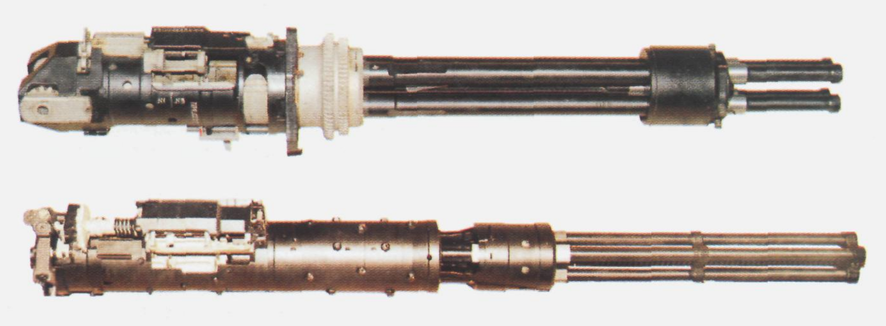
Разработка скорострельного авиационного пулемета началась в нашей стране еще в конце 1920-х годов. Его создание было обусловлено значительным прогрессом авиации того времени: существенно возросла скорость самолетов и их защищенность. Состоявшие на вооружении самолетов первые отечественные авиационные пулеметы – ПВ-1 конструкции А.В. Надашкевича и ДА конструкции В.А. Дегтярева – представляли собой обычные пехотные пулеметы «Максим» и ДП, доработанные с целью установки на самолете, и по мощности своего огня не отвечали предъявляемым требованиям. Попытка применения так называемых механических спарок, таких как пулемет Дегтярева ДА-2, была малопродуктивной, так как в этом случае значительно увеличивался вес и возрастала сложность установки. Требовалось принципиально новое оружие.

Первоначально к решению этой задачи приступил известный советский оружейник Ф.В. Токарев. Однако знаменитого конструктора здесь поджидала неудача – его пулемет оказался недостаточно скорострельным, ненадежным и нетехнологичным.

Успех выпал на долю других тульских оружейников, Б.Г. Шпитального и И.А. Комарицкого. В 1932 году они представили авиационный пулемет ШКАС, показавший на испытаниях невиданный темп стрельбы – 2.000 выстрелов в минуту. Он был достигнут за счет короткого хода подвижных частей и совмещения по времени ряда операций перезаряжания. Вскоре он стал основным типом стрелкового вооружения истребителей и бомбардировщиков, положив в СССР начало разработке высокотемпного авиационного стрелково-пушечного вооружения.

Вслед за ШКАСом появились и более скорострельные образцы – МСШ (механическая спарка ШКАС), пулеметы УльтраШКАС и СН конструкции Савина–Норова. Последний для повышения темпа стрельбы использовал оригинальную схему с движением ствола вперед, благодаря чему скорострельность оружия выросла в 1,5 раза и достигла 3.000 выстрелов в минуту. Такой темп стрельбы явился практическим пределом для оружия, устроенного по классической одноствольной схеме, поэтому начался поиск принципиально новых технических решений, обеспечивающих создание оружия с еще большей плотностью огня.

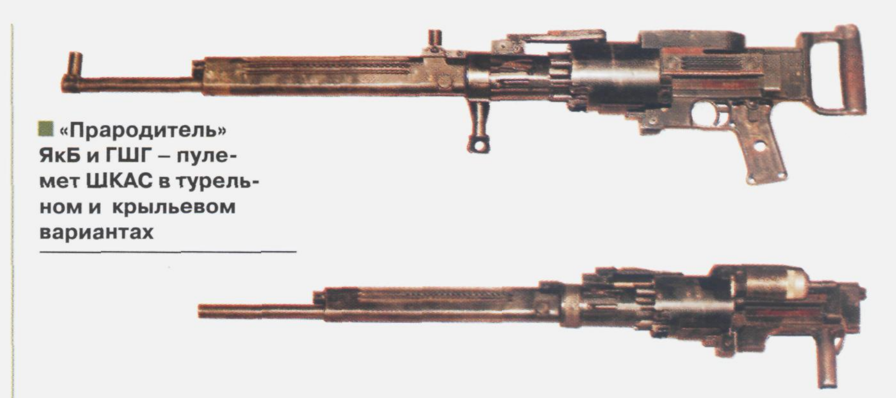
В опытном 7,62-мм пулемете СИБЕМАС (Силин, Березин, Морозенко, авиационный, скорострель-



Отечественные пулеметы схемы Гатлинга: ГШГ-7,62 (вверху) и ЯкБ-12,7

ный) его создатели применили револьверную схему автоматики, в которой операции по перезаряжанию оружия выполняются в течение не одного, а нескольких циклов ее работы. В таком оружии обычный затвор заменяется барабаном с несколькими патронниками, как у револьвера. Наличие сразу нескольких патронников дает возможность одновеменно досылать патрон в патронник и извлекать стреляную гильзу. Благодаря этому значительно сокращается время одного цикла автоматики, что позволило увеличить темп стрельбы пулемета СИБЕМАС до фантастических для середины 1930-х годов 6.000 выстрелов в минуту. Позже револьверная схема получила широкое распространение в авиационных пушках, особенно за рубежом. В нашей стране был создан только один серийный образец револьверного автоматического оружия – 23-мм авиационная пушка Р-23 конструкции А.А. Рихтера для вооружения сверхзвуковых бомбардировщиков Ту-22. Она была примечательна еще и тем, что явилась первым и единственным образцом, предназначенным для применения в космосе. Ее усовершенствованным вариантом планировась оснащать боевые космические станции типа «Алмаз», которая из соображений секретности обозначалась как «Салют-3».

Однако дальнейшее увеличение темпа стрельбы в оружии револьверной схемы было невозможно из-за сильного разогрева ствола. За очень короткий промежуток времени между выстрелами ствол не успевал остыть, и оружие очень быстро выходило из строя. Эту проблему можно было решить лишь путем применения оружия с несколькими стволами. Из многоствольного оружия наибольшей скорострельностью обладали так называемые системы Гатлинга, названные так



■ «Прародитель» ЯкБ и ГШГ – пулемет ШКАС в турельном и крыльевом вариантах

в честь американского изобретателя XIX века. В оружии системы Гатлинга стволы объединены в единый вращающийся блок, приводимый в действие либо энергией выстрела, либо внешним (первоначально ручным, позже электрическим, пневматическим или гидравлическим) приводом. Пока из одного ствола производится выстрел, осуществляется перезаряжание остальных стволов. Это не только экономило время на производство выстрела, но и давало стволам несколько большую паузу для охлаждения.

Создание многоствольных пулеметов, или, как их тогда называли, «пулеметов шквального огня», в нашей стране началось в середине 1930-х годов. Первоначально к работе над ними приступило проектно-конструкторское бюро ПКБ (позднее ОКБ-2) ковровского пулеметного завода, созданное в 1921 году специально для разработки автоматического оружия. В период с 1936 по 1954 год конструктором И.И. Слостиным было создано несколько опытных образцов многоствольных пулеметов и пушек калибром от 7,62 до 23 мм. Например, 7,62-мм пулемет выпуска 1939 года имел блок из восьми вращающихся стволов, приводимый в движение с помощью газоотводного двигателя. К сожалению, темп стрельбы, полученный на испытаниях, оказался очень «скромным» – всего 2.000 выстрелов в минуту, и, несмотря на перспективность предложенной схемы, пулеметы Слостина остались только опытными образцами.



■ Отечественные многоствольные пулеметы в коллекции военно-технического собрания WTS-91 в г. Кобленц

Над конструкцией многоствольного пулемета работал в Коврове и другой советский оружейник М.Н. Блюм, известный своими моделями спортивного оружия. Его пулемет имел уже 12 стволов, которые приводились в движение не энергией отводимых пороховых газов, а посторонним источником энергии – электромотором. Внешний привод упростил конструкцию оружия и сделал его более надежным. Темп стрельбы пулемета Блюма составлял при этом 6.000 выстрелов в минуту. Оружие прошло государственные испытания, и председатель госкомиссии, маршал М.Н. Тухачевский, даже премировал его изобретателя мотоциклом. Однако последовавший в 1937 году арест маршала решил судьбу изобретения: Михаилу Блюму было запрещено заниматься разработкой боевого оружия, он вынужден был уволиться из конструкторского бюро и уехать в Москву. Следует заметить, что использованный Блюмом принцип (вращение блока стволов при помощи электромотора) в послевоенные годы был применен в известных американских многоствольных системах фирмы «Дженерал электрик» – 20-мм пушке «Вулкан» и 7,62-мм пулемете «Миниган». Кстати, статью о последнем можно найти в февральском номере журнала «Солдат удачи» за 2000 год.

Почему же разработки советских оружейников, опередившие свое время на несколько десятилетий, так и не нашли достойного применения? Здесь можно выделить две причины. Во-первых, большинство скорострельных пулеметов разрабатывалось под винтовочный патрон 7,62x54 мм, который к началу Второй мировой войны был уже недостаточно эффективен для поражения самолетов и бронетехники. Во-вторых, тогдашний уровень техники был все же низок для организации массового производства такого довольно сложного оружия и обеспечения приемлемого уровня его живучести и надежности. Поэтому основным типом стрелкового авиационного вооружения в годы Великой Отечественной войны стали крупнокалиберный 12,7-мм пулемет Березина УБ и малокалиберные автоматические

пушки калибра от 20 до 45 мм. Пулемет УБ обладал простотой устройства, высокой надежностью, технологичностью и устанавливался практически на все типы самолетов периода войны. Его электрифицированный вариант УБК-Э оставался долго в послевоенное время на вооружении учебно-тренировочных истребителей УТИ МиГ-15.

Успешное применение американцами в 60-х годах прошлого века во Вьетнаме вооруженных вертолетов послужило толчком для создания в СССР собственной конструкции боевого ударного вертолета. К работе над ним приступило ОКБ М.Л. Миля, который предложил проектировать новую машину не на основе существовавших транспортных вертолетов, а создать специализированный боевой вертолет. По замыслу главного конструктора, винтокрылая машина, получившая первоначально индекс В-24, должна была играть роль «летающей боевой машины пехоты» и нести мощное вооружение: ПТУРСы, неуправляемые ракеты и скорострельную 23-мм пушку. Кроме того, вертолет должен был брать на борт еще и 7–8 десантников. Идея «летающей БМП» была одобрена военными, однако на стадии эскизного проектирования они потребовали заменить легкую двуствольную пушку ГШ-23 на скорострельный пулемет. Заказчиков вертолета не устраивал малый боекомплект пушки, и они полагали, что введение пулемета позволит решить эту проблему: вертолет мог взять на борт гораздо больший боезапас 12,7-мм патронов, чем 23-мм снарядов. К тому же, как считали военные, наличие противотанковых ракет на борту делало присутствие пушки якобы излишним. Позже, правда, это решение было признано ошибочным.

В то время единственной моделью пулемета, стоявшего на вооружении вертолетов, был легкий пулемет А-12,7 конструкции Н.М. Афанасьева. Несмотря на многие его положительные свойства (малый вес, высокую надежность), его огневая мощь была недостаточна для ударной винтокрылой машины. В этой связи было принято решение о создании нового скорострельного крупнокалиберного пулемета. 28 декабря 1968 Совет Министров СССР принял соответствующее Постановление № 1044-381. Разработку пулемета поручили коллективу ЦКИБ СОО – Центрального конструкторско-исследовательского бюро спортивного и охотничьего оружия. В то время в ЦКИБ работало много опытных конструкторов, имевших опыт проектирования скорострельного авиационного вооружения и зенитных автоматов: Н.М. Афанасьев, В.И. Волков, Г.И. Никитин, В.И. Силин, С.А. Ярцев. Например, под руководством Ярцева, создателя 23-мм пушки ВЯ-23 легендарного штурмовика Ил-2, был сконструирован экспериментальный пулемет «шквального огня» ТКБ-041 с темпом стрельбы 7.000 выстрелов в минуту.



■ **Крупнокалиберный пулемет Якушева–Борзова ЯкБ-12,7**

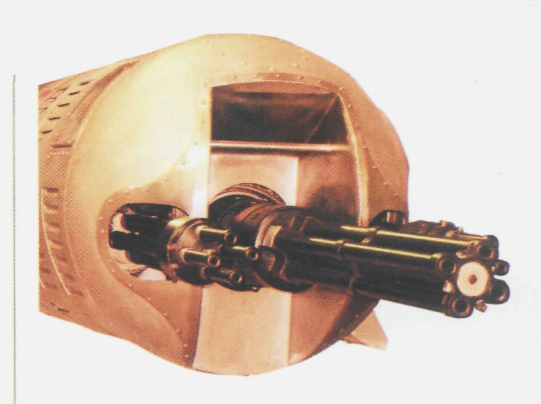
Главным конструктором проекта нового авиационного пулемета с фирменным обозначением ТКБ-063 был Петр Герасимович Якушев, известный конструктор автоматического оружия, автор 23-мм зенитных автоматов для самоходной установки ЗСУ-23-4 «Шилка» и буксируемой установки ЗУ-23. П.Г. Якушев привлек к работе над пулеметом другого талантливого тульского конструктора, Бориса Афанасьевича Борзова. Последний позже стал известен как один из создателей револьверного гранатомета РГ-6 и оригинального гладкоствольного револьверного ружья МЦ-255. В 1993 году создание четырехствольного пулемета стало основой для диссертационной работы Б.А. Борзова, и ему была присвоена ученая степень кандидата технических наук. Петр Герасимович защитил кандидатскую диссертацию раньше, в 1969 году. По имени двух главных создателей пулемет официально назвали ЯкБ-12,7 (Якушев–Борзов, калибра 12,7 мм). По традиции оружие получило от военных еще и авиационный индекс ГРАУ – 9-А-624, предназначенный для использования в несекретной переписке.

Первой проблемой, вставшей перед создателями пулемета, был выбор принципиальной схемы автоматики для многоствольного оружия. С одной стороны, уже существовал успешный пример американской фирмы «Дженерал электрик», создавшей пушку М61 «Вулкан» и на ее основе целую гамму многоствольного оружия калибром от 5,56 до 30 мм с внешним приводом вращающегося блока стволов. Оружие с независимым от оружия источником питания получалось относительно простым по устройству, надежным (не страшны осечки) и долговечным. К тому же легко решалась задача разгона блока стволов в начале стрельбы. Однако за все эти преимущества нужно было платить очень высокой ценой – внешний привод (электромотор, батареи) увеличивал вес системы почти в два раза. Не следует, наверное, повторять, какое значение в авиации имеет экономия веса, поэтому тульские оружейники, руководствуясь принципом своего земляка Левши «англицких мастеров превзойти», избрали принципиально другое техническое решение – многоствольное оружие, приводимое в действие отводимыми из канала ствола в газовую камеру пороховыми газами. Хотя автоматическое газоотводное оружие являлось далеко не новинкой, при создании высокотемпного оружия его разработчиков поджидала масса технических сложностей и проблем.

Конструктивно пулемет ЯкБ-12,7 представлял собой автоматическое оружие с вращающимся блоком из четырех стволов (схема Гатлинга), приводимым во вращательное движение боковым газоотводным двигателем кулачкового типа. Этот двигатель имеет четыре поршня, совершающих под действием пороховых газов возвратно-поступательное движение. Каждый поршень соединен со специальным движком, ролики которого имеют возможность скользить по криволинейному пазу неподвижной ствольной коробки. Благодаря такому механизму поступательное движение поршня превращается во вращательное движение блока стволов – ведущего звена автоматики. Особенностью автоматики ЯкБ-12,7 является наличие особого пиропружинного стартерного устройства, с помощью которого обеспечивалось производство первого выстрела в очереди. Дело в том, что в оружии, построенном по схеме Гатлинга, перед началом стрельбы необходима предварительная раскрутка блока стволов. Газовый же двигатель начинает работать только после первого выстрела. Поэтому в пулемете ЯкБ-12,7 предусмотрен торсионный стартер, вал которого расположен между стволами. Перед стартом вертолета необходимо было сжать пружину, надетую на торсионный вал, для того чтобы запасти необходимую для разгона блока стволов энергию. При производстве первого выстрела пружина разжималась и приводила в движение подвижные части. После этого авто-

матика переходила в свой нормальный режим, и движение блока стволов обеспечивал газовый двигатель. При прекращении стрельбы, при дострелe двух последних патронов, производилось взведение пружины торсионного устройства, и оно снова накапливало энергию для последующей стрельбы. В случае отказа оружия, например осечки патрона, раскрутка остановившегося блока стволов производилась при помощи пиропатрона. Пиропатронов предусмотрено только три штуки, так что в полете имелась лишь трехкратная возможность активировать отказавшее оружие. Удар затворов в крайнем заднем положении смягчает буферное утройство. У пулемета имелся также механизм изменения темпа стрельбы. Питание оружия осуществлялось из непрерывной металлической ленты, уложенной в подающее устройство барабанного типа. Поскольку боекомплект пулемета первоначально предусматривался очень внушительным (1.470 патронов в боевом и 750 в транспортном варианте), то для транспортировки столь тяжелой ленты по тракту питания была предусмотрена система электрического подтяга ленты. Для управления стрельбой пулемет оснащался электроспуском. На вертолете Ми-24 пулемет ЯкБ-12,7 применялся в качестве встроенного в составе универсальной стрелковой пулеметной установки УСПУ-24. Приводы установки дистанционные электрические. Она устанавливалась в носовой части фюзеляжа и обеспечивала углы обстрела по горизонтали вправо и влево до 60 градусов, по вертикали 20 градусов вверх и 40 градусов вниз. Стрельбу из установки мог вести как пилот вертолета, так и штурман-оператор. Первый из них мог стрелять только из пулемета, находящегося в походном положении, закрепленного параллельно оси вертолета, прицеливаясь всем корпусом машины. Для этой цели использовался автоматический стрелковый прицел АСП-17В, с помощью которого велась также стрельба из других видов неуправляемого вооружения – блоков НУР и подвесных стрелково-пушечных контейнеров. АСП-17 являлся штатным стрелковым прицелом истребительно-бомбардировочной авиации и кроме Ми-24 устанавливался также на вертолетах Ка-29, штурмовиках Су-25 и истребителях МиГ-21, МиГ-23 и Су-17. Он позволял стрелять как по неподвижным, так и по движущимся целям. Для стрельбы из пулемета пилот должен был сначала включить питание подвижной пулеметной установки и прицел, затем установить угол прицеливания и ввести, если необходимо, поправки на ветер и скорость движения цели. Остальные поправки вводились автоматически при помощи аналогового вычислителя, получающего данные от бортовых датчиков вертолета. Штурман-оператор должен был установить требуемый режим стрельбы из пулемета. После этого летчику оставалось только совместить подвижную прицельную марку с целью и нажать на кнопку открытия огня. Штурман-оператор в отличие от пилота мог осуществлять стрельбу из пулеметной установки в независимом от курса вертолета направлении. Для этой цели он использовал коллиматорный прицел КС-53, входящий в состав прицельной станции КПС-53АВ. Стрельба в этом случае ведется следующим образом: летчик за 5–6 минут до начала стрельбы включает питание пулеметной установки, штурман-оператор устанавливает требуемые режимы стрельбы и поправки, после чего он поворотом головки прицельной станции совмещает визир с целью и нажимает на одну из двух гашеток. Дальность стрельбы при этом вводить не требуется – она определяется дальномером. Стрельба из пулемета могла вестись короткими, длинными очередями и непрерывно, при этом длина непрерывной очереди или общее число выстрелов нескольких очередей в одном заходе не должны превышать 400 выстрелов. После этого пулемет требовал длительного охлаждения: при температуре свыше +10 градусов – 25 минут, от –10 до +10 – 15 минут, при более низких температурах – 5 минут.

Еще одной «изюминкой» ЯкБ было применение, впервые в отечественной практике, двухпульного боеприпаса. Специально для пулемета ЯкБ специалистами ЦНИИТочМаш г. Климовска под руководством В.М. Сабельникова были созданы патроны, в которых внутри гильзы за основной пулей размещалась вторая пуля. Патроны имели латунную гильзу и пули с биметаллической оболочкой, в которую были впрессованы стальной и свинцовый сердечники. Масса патрона составляла 145 г, длина – 147 мм. Первая пуля весила 31 г, вторая была несколько легче – 27 г. Внешне патрон



■ **Пулеметный контейнер ГУВ-8700 с двумя пулеметами ГШГ-7,62 и одним ЯкБ-12,7**

практически не отличался от обычного патрона 12,7х108 мм к крупнокалиберным пулеметам, однако его «двухпульность» выдавало кернение в центральной части гильзы, служащее для крепления второй пули в патроне. Патрон 1СЛ (индекс 9-А-4012) с обыкновенной пулей обеспечивает поражение живой силы и легкобронированной техники на дальности 1.000–1.500 м. Вершинка его пули не имеет окраски. Патрон 1СЛТ (индекс 9-А-4427) служит для целеуказания и корректировки огня при стрельбе по живой силе и технике на дальности до 1.000 м. Время трассирования пули – не менее 2,9 с, ее вершинка окрашена в зеленый цвет. Производство этих патронов было освоено на Новосибирском патронном заводе. Хотя наличие двух пуль в патроне заметно увеличило рассеивание пуль (радиус лучшей половины пробоин на дальности 300 м составлял 50 см, что примерно в 2,5 раза хуже, чем у обычного патрона), эффективность стрельбы нового боеприпаса была все же значительно выше – в 1,5 раза.

Тактико-технические данные пулеметов ЯкБ-12,7 и ГШГ-7,62

Характеристика	ЯкБ-12,7 (ЯкБЮ-12,7)	ГШГ-7,62
Калибр, мм	12,7х108	7,62х54
Число стволов	4	4
Масса оружия, кг	45 (60)	18,5
Длина, мм	1.345	800
Темп стрельбы, выстр./мин.	4.000–4.500 (4.500–5.500)	3.000–5.500
Начальная скорость пули, м/с	810	820
Дальность стрельбы, м	500–1.500	500–1.000
Живучесть ствола, выстрелов	8.000 (12.000)	40.000
Носители	Ми-24Д, Ми-24В, Ми-25, Ми-35	Ка-29

Испытания под грифом «секретно»



Дмитрий ШИРЯЕВ

В свое время автору этих строк довелось принимать участие в разработках по учебному и боевому применению отечественных противотанковых управляемых ракетных снарядов (ПТУРС) первых поколений в войсках и (параллельно) в работах по исследованию конструктивного устройства различных зарубежных ПТУРС. Разумеется, после этого есть что и с чем сравнивать. Данный материал посвящен оценке некоторых качеств данного вооружения. Конечно, глазами автора. Здесь только то, что, как говорится, довелось увидеть и «пощупать» самому...

О ВРАНЬЕ

Написать эту статью я решил после того, как прочитал нашумевшую в свое время книгу В. Суворова (настоящее имя, как известно, Богдан Резун) «Аквариум». До этого не читал – много слышал о том, что там вранье. Но... стало интересно, решил убедиться лично.

Убедился. Более беззастенчивой лжи мне действительно не приходилось слышать. Оставлю на суд компетентных специалистов все, что касается агентурной работы, скажу о том, что меня лично сразу «зацепило». Резун утверждает в своей книге, что именно благодаря его стараниям в СССР появились украденные с немецкого полигона обломки противотанкового управляемого ракетного снаряда (ПТУРС) TOW, разработанного американской вертолетной фирмой «Хьюз». Для непосвященных отмечу, что аббревиатура TOW, или, по-нашему, ТОУ (так и будем называть снаряд в тексте), расшифровывается как «выстреливаемый из контейнера, управляемый по оптическому каналу, проводной».

Чистой воды ВРАНЬЕ, что он добыл фрагменты этого снаряда! Уж я-то знаю, откуда «ноги растут», потому как был ведущим исполнителем исследований зарубежных противотанковых управляемых ракетных снарядов. Не Резун их доставал, и совсем не оттуда они добывались. По его вдохновенной брехне при описании технических деталей, которых и в помине в этом снаряде не существует, следует, что он просто-напросто в глаза ни ТОУ, ни его обломков не видел и не имеет о нем ни малейшего понятия. Как и вообще не имеет понятия о теме ПТУРС, будь то отечественные или зарубежные снаряды. Полный ноль. Уверенным тоном Резун излагает в своей книге: «...У нас, когда стреляют «Фалангами» и «Шмелями», огромные пространства застилают брезентом, а потом батальон бросают на поиск мельчайших осколков...» Этот сочинитель совершенно не представляет, как все на самом деле происходит. Человека три из так называемой «полевой команды» (а это вольнонаемные из близлежащей деревни) через полчаса приносят остатки снарядов. Найти их совсем нетрудно, поскольку стрельба ведется по бронещиту, установленному на одном и том же месте.

Или он пишет о «серебристой мордочке», говоря о снаряде ТОУ. Значит, Резун никогда его не видел. «Морда», то есть головная часть, у него не серебристая, а черная, более того, у подобранных после выстрела снарядов от «морды» вообще ничего не остается.

«Единожды совравший, кто тебе поверит?» Но Резун врет не единожды, а постоянно. Не будем вдаваться в детали, чтобы не отойти от нашей темы.

Мне бы хотелось, чтобы написанное здесь прочитал он сам – может быть, покраснеет! Хотя, наверное, вряд ли. Для этого нужно иметь хотя бы остатки человеческой совести...

О том, как на самом деле был добыт ТОУ, я скажу дальше. А пока все по порядку.

СНАРЯД «КРЕПОСТЬЮ» В 13 ЗВЕЗДОЧЕК

Вообще-то я не ракетчик – у меня диплом Тульского оружейного факультета, и начинал с участия в разработке скорострельных авиационных пушек – под руководством ныне академика Аркадия Шипунова и его ближайшего коллеги Василия Грязева. Затем разрабатывал снаряды и взрыватели к авиационным пушкам, личное оружие подводных боевых пловцов и стрелковые под-

калиберные боеприпасы. Пришлось даже для этих патронов разработать свой автомат, заводской индекс у него был АО-27. И еще много чем довелось заниматься в оружейной сфере – всего не перечислить. Но волею начальства я был оторван от этой, весьма любимой мною отрасли и приставлен к управляемому противотанковому вооружению.

Первым моим заданием на этом поприще была разработка учебного тренировочно-практического варианта ракетного снаряда «Шмель», управляемого по проводам, созданного в Коломенском КБМ. То есть, попросту говоря, мне нужно было создать учебный «многоразовый» вариант снаряда для тренировок личного состава, с тем чтобы не тратить бешеные деньги на выстрелы реального боевого снаряда, стоящего очень дорого.

Скажем сразу, «Шмель» (индекс ГРАУ-3М6) – это снаряд так называемого первого поколения ПТУРС. Они наводятся на цель вручную, подобно курсору на компьютерном мониторе, наводимому в определенную точку экрана «мышкой». Освоить ручное управление непросто. Я проверил это на себе – месяц безвылазно просидел за тренажером, чтобы научиться управлять «Фалангой», а после этого еще пару недель привыкал к совершенно иной рукоятке управления «Шмелем» или «Малюткой».

«Шмель» – это самый первый отечественный образец ПТУРС. Официальное его название – «Легкий пехотный ПТУРС 3М6 «Шмель». Ящик с этим «легким пехотным» с трудом переносили два дюжих солдата. (Пустой ящик иногда утилизировался местными жителями для хранения картошки, которой туда входило ровно четыре мешка...)

Обучение солдат стрельбе такими снарядами – удовольствие, как выше упоминалось, дорогое, поэтому в «верхах» возникла идея разработки на базе боевого ПТУРС снаряда многократного использования (парашютируемого). У такого снаряда кумулятивная боевая часть (БЧ), именуемая обычно боеголовкой, заменялась на контейнер с парашютом, а в систему управления снаряда встраивалась электронная приставка, которая в заданное время выдавала снаряду команду «вверх». Снаряд, пройдя на заданной дистанции цель (ворота с натянутой полиэтиленовой пленкой), автоматически получал команду «вверх». На определенной высоте пиротехническое устройство срывало колпак с парашютного отсека, и парашют раскрывался. То есть снаряд был сохранен для очередного пуска. Для этого у него заменялись пороховой заряд двигателя и катушки проводной линии связи (катушки ПЛС)


Фото 1

Этому снаряду в ГРАУ был присвоен индекс 3М6ТП.

В период заводской отработки у меня был снаряд 3М6ТП, помеченный 13 белыми звездами. Каждая из них означала успешно выполненный парашютируемый пуск. Крылья снаряда и его корпус носили следы многих ремонтов – не всегда приземление происходило на мягкий грунт, иной раз опускающийся со скоростью пять метров в секунду снаряд попадал в камень или в пень. У этого, стабилизированного по крену снаряда на последних пусках крен доходил чуть ли не до сорока градусов, но на качество управления опытным наводчиком это не влияло.

«Карьера» его была завершена достойно. На параллельной с моей позиции однажды появился офицер части, в программу работ которого входил один пуск боевого 3М6. Я ему предложил снять со снаряда боеголовку, поставить ее на мой «тринадцатизвездный» и в случае успеха его новенький 3М6 без боеголовки отдать мне. Ответный взгляд офицера был весьма красноречив – мысленно он явно покрутил пальцем у виска. Но после здравого рассуждения мое предложение было принято.

Кончилось дело тем, что я получил новый снаряд... В отчете записал: «Снаряды ТП при необходимости возможно использовать и как боевые...»

ПТУРС НЕСЕТСЯ... ПРЯМО НА НАС?!

В дальнейшем в моем секторе были разработаны парашютируемые радиокомандный возимый ПТУРС 3М11 «Фаланга» и проводной носимый ПТУРС 9М14 «Малютка».

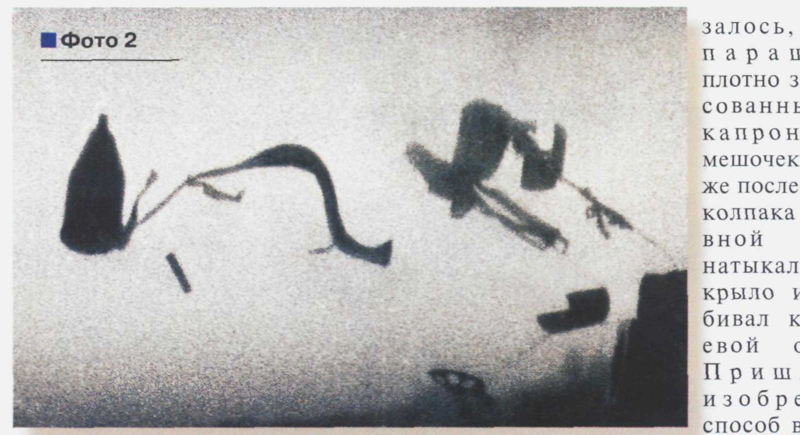
В период отработки этих комплексов стрельбы вел опытный оператор полигона Михаил Хромов, вольнонаемный, отставной старший лейтенант артиллерии, крупный и представительный мужчина. Пуски парашютируемых ПТУРС 3М6 «Шмель» и 3М11 «Фаланга» мы производили из боевых машин БРДМ, а 9М14 «Малютка» – из окопа. В машине я занимал место справа от него. В окопе – слева, поскольку пусковая установка по инструкции располагалась справа от наводчика и на метр впереди.

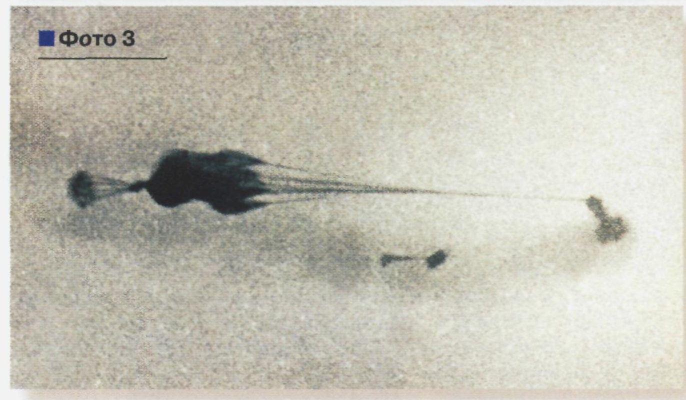
Во время этих пусков меня иногда посещала мысль, что ресурс двигателя не бесконечен и в конце концов его может разорвать, хотя перед каждой заменой заряда мы ставили новую термозащиту. Но тут же, рядом с пусковой, – заправленные горючим баки. Поэтому поначалу перед командой «Старт» я руку держал на замке люка. Потом привык...

Не обходилось и без курьезов. Спецификой «Шмеля» было то, что при обрыве проводной линии связи, чтобы избежать полета снаряда в произвольном направлении, система управления устанавливала рулевые органы в положение команды «влево-вниз». Вот и пришла в наши головы идея использовать это для создания простого устройства, поднимающего снаряд вверх для парашютирования на любой дистанции, – достаточно только эту команду переделать на «вправо-вверх» и в желаемое время имитировать обрыв провода.

Однако первый же выстрел с подобным устройством весьма нас озадачил – снаряд, едва сойдя с направляющей, круто пошел вверх. Взобравшись на большую высоту, он со все еще работающим маршевым двигателем стал нестись вниз, как мне казалось тогда, прямо на нашу машину! Спасайся, кто может!

Приборы, регистрировавшие траекторию, потом показали, что снаряд


Фото 2


Фото 3

выполнил вытянутую вверх мертвую петлю, верхняя точка которой находилась на высоте километра. Выйдя из петли на высоте порядка четырехсот метров, снаряд врезался в землю. Недалеко от нас...

Причина, до которой мы добрались, погубив еще пару снарядов, оказалась весьма простой: при старте ПТУРС машина вздрагивала, и срабатывал «концевик», блокировавший питание бортовой аппаратуры при открывании люка. Снаряд «понимал» это как обрыв проводной линии связи...

МЯГКАЯ ПОСАДКА ПОСЛЕ «ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА»

Разработка учебного парашютируемого варианта снаряда 9М14 оказалась более сложной из-за особенностей конструкции его планера. Этот планер состоял из пластмассового крыльевого отсека с выступающим из его передней части стальным корпусом стартового двигателя. Так как при раскрытии парашюта возникают большие перегрузки, то крепить парашют можно было только к прочному корпусу стартового двигателя.

Уже на самом первом пуске оказалось, что парашют, плотно запрессованный в капроновый мешочек, сразу же после срыва колпака головной части натыкался на крыло и разбивал крыльевой отсек. Пришлось изобретать способ выброса уложенного парашюта как можно дальше в сторону. Варианты таких устройств испытывались в стационаре с применением скоростной фотосъемки. На фото 1 показан начальный момент схода колпака с уложенного парашюта после срабатывания пироустройства. Фото 2 иллюстрирует отброс в сторону уложенного парашюта капроновым фартуком, прикрепленным к колпаку. Фото 3 – это уже реальный пуск, где видны планер с еще работающим маршевым двигателем, отделившийся колпак с фартуком, вытяжной парашют, раскрывающийся купол основного парашюта и крепление парашюта к корпусу стартового двигателя. Фото 4 – планер парашютируется крыльевым отсеком вниз. При приземлении в таком положении пластмассовый крыльевой отсек, казалось бы, неминуемо будет поврежден, но на фото 5 планер уже опускается прочной частью вниз – это сработал пиротехнический механизм переотцепки планера. Многократные пуски тренировочно-практических ПТУРС 9М14ТП с такой системой переотцепки всегда оказывались удачными.

Разработка парашютной системы проводилась совместно с унифицированной организацией – НИИПДС (НИИ парашютно-десантной службы), от которой к нам была прикомандирована ведущий инженер Анна Ивановна Дубова. Ознакомившись с нашей техникой, она тут же выдала задание на разработку различных приспособлений для укладки парашюта. Нам объяснили, что площадь купола парашюта зависит от желаемой скорости приземления – 5 метров в секунду, а объем купола – от скорости снаряда при раскрытии парашюта. Все это повлекло за собой тщательные траекторные расчеты для выбора выгодного времени выброса парашюта.

На наше удивление, оказалось, что парашют надо не просто укладывать, а запрессовывать в небольшой капроновый чехол с помощью пудового лома диаметром 30 миллиметров. Конец этого лома был обработан в виде сферы и отполирован до зеркального блеска. Чтобы при этом чехол не разорвался, он помещался в стальной стакан. Миниатюрная Анна Ивановна, естественно, не могла совладать с таким ломом, поэтому осваивали эту процедуру представители мужской части нашей команды. Под руководством Анны Ивановны проводилось обучение «искусству» заплетания концов стальных тросов, через которые парашют крепился к снаряду, а также создания узла привязки фала вытяжного парашюта к основному куполу. Обычные узлы не годились для скользкого капронового фала.

Вначале Анна Ивановна неважно себя чувствовала на артиллерийском полигоне, где проходила отработка наших парашютируемых ракетных снарядов. Нередко нам приходилось соседствовать с артиллерийскими орудиями и даже с «Градом». К этому надо было привыкнуть. Да и вся работа была довольно нервной из-за иногда случавшихся неполадок в элементах нашей разработки. Например, однажды все произошло в расчетном режиме – снаряд точно «прошил» мишень, тут же взвился вверх. На максимальной высоте, когда скорость его упала, отстрелился колпак и вывалился чехол с запрессованным в нем основным куполом и привязанным к нему длинным фалом с вытяжным парашютом. Все облегченно вздохнули, но оказалось, преждевременно. Наблюдая за процессом в ТЗК (трубку зенитного командира), я услышал тревожный вскрик наблюдавшей рядом в бинокль Анны Михайловны: «Перехлест!»

Действительно, купол был раскрыт не полностью из-за перехлестнувшей его стропы, и снаряд ускоренно несся к земле. «Господи! Да раствори ж ты его!» – надрывно

взмолилась Анна Ивановна, и на всеобщее удивление, перехлестнувшая купол стропа тут же лопнула, и снаряд приземлился нормально...

В конечном итоге снаряд 3М6ТП был принят на армейское снабжение и изготавливался серийно на ковровском оружейном заводе им. В.А. Дегтярева. Один из инженеров нашей команды защитил на этом кандидатскую диссертацию, мне же удалось получить пару авторских свидетельств на изобретения в области парашютной техники.

ЛУЧШИЕ НАВОДЧИКИ – ТОКАРЯ И ФРЕЗЕРОВЩИКИ...

Хотя в аббревиатуре ПТУРС две первые буквы и означают «противотанковый», на самом деле на поле боя для него кроме танков немало и других целей. Афганистан и Чечня это подтвердили. ПТУРС представляет собой точное и мощное оружие: например, на расстоянии в два километра его без особого труда можно направить в амбразуру укрепленной огневой позиции.

К сожалению, боевые части отечественных ПТУРС обладают лишь кумулятивным и фугасным действием, осколочное же их действие ничтожно. Известно, что во время карабахского конфликта «умельцы» одной из сторон, обладавшей немалым количеством ПТУРС 9М14 «Малютка», ухитрялись снабжать БЧ этого снаряда самодельными осколками.

И не зря много лет ряд КБ институтов и заводов нашей оборонной промышленности полным ходом разрабатывали и в массовом порядке изготавливали различные виды этого оружия: пехотного, носимого и возимого, танкового и вертолетного.

Со снарядами второго поколения управляться гораздо проще – надо лишь удерживать на цели марку прицела. Иногда такое управление называют полуавтоматическим.

Однажды ко мне обратились с просьбой провести на полигоне ЦНИИТочМаш несколько пусков ПТУРС 9М111 «Фагот» из опытной установки – не было штатного наводчика. Пуски я эти выполнил без какой-либо предварительной тренажерной подготовки и, как мне показалось, в основном благодаря очень удобной, специфической системе управления снарядом, разработанной в Тульском КБП. Марка прицела тульской пусковой установки наводится на цель двумя маховичками – точно так же управляет инструментом токарь и столом станка – фрезеровщик.

Мне пришлось ознакомиться с системами наведения на цель снарядов ТОУ и «МИЛАН», но тульский метод – двумя маховичками – мне показался гораздо удобнее и точнее. Маховичком под правой рукой марка прицела перемещается по курсу, под левой рукой – по тангажу (вертикали). А кто хоть немного работал на токарном или фрезеровочном станке, без труда может навести на цель снаряд «Фагот» либо 9М113 комплекса «Конкурс».

СЕКРЕТ ТОУ РАСКРЫТ

Оба вышеназванных ПТУРСа относятся к классу снарядов, управляемых по проводам. К этому же типу принадлежит и ТОУ.

На первых порах мы пытались понять устройство ТОУ по весьма скупым описаниям в американской открытой литературе. Там указывалось, что ТОУ наводится по модулированному излучению бортового источника. Это защищало снаряд от естественных и организованных помех. Получить такой источник и определить частоту его излучения означало, что мы будем иметь возможность создавать приборы, защищающие наши танки от снарядов ТОУ.

Такой излучатель оказался в наших руках после боев на Синае. Он находился в обломках хвостовой части ТОУ, который промазал по египетскому танку и взорвался в песке синайской пустыни. Получал эти «бренные останки» лично я. При этом мне было сообщено, что среди членов одного из экипажей находился «компетентный товарищ», обративший внимание, что их обстреливают ранее неведомым оружием, он и подобрал пару таких обломков.

Мой сосед по рабочему столу – один из ведущих разработчиков аппаратуры наведения ПТУРС «Фагот» и 9М113, кандидат наук и лауреат Государственной премии Виктор Курносов попросил у меня этот излучатель. По собственной инициативе расковыряв пенопластовую заливку его электронного блока, за полдня составил схему блока, запустил излучатель и определил частоту модуляции излучения – 5 килогерц.

И это на всех сотнях тысяч уже выпущенных снарядов ТОУ! Таким образом, секрет был раскрыт. Теперь можно было разрабатывать устройство противодействия американским снарядам.

Подробно обо всем этом было написано еще в 1999 году, в 12-м номере «Солдата удачи», так что не буду повторяться. Там же приведена фотография «останков» ТОУ, честь поставки которых Резун приписывает себе. Почему я и говорил, что он лжет беззастенчиво, даже не опасаясь, что откликнутся люди, добывшие и исследовавшие ТОУ.

Надо сказать, конструкция ТОУ нашими разработчиками была оценена отрицательно. Но американский технологический подход вызывал у нас большой интерес. Например, катушка проводной линии связи ТОУ с 3.000 метрами стального провода управления американская работница наматывает за 5 минут. В тот временной период намотчица катушек проводной линии связи нашего ПТУРС «Фагот» за рабочий день не наматывала и десятка катушек...


Фото 4


Фото 5

«...А У НАС – ХРЕН ДА НЕМНОЖКО!»

В качестве следующего примера совершенной технологии можно привести бортовой баллон со сжатым газом, необходимым для привода в действие рулевых машинок ТОУ. Наша «Фаланга» также имела для этой цели баллон со сжатым воздухом. Если мне память не изменяет, давление воздуха в этом баллоне не превышало 200 атмосфер. В комплекте средств обслуживания «Фаланги» находился компрессор для периодической подкачки воздухом этого баллона. Но баллон ТОУ был закачан не воздухом, а весьма текучим гелием, причем под очень большим давлением – 400 атмосфер, и подкачка этого баллона за многолетний период хранения снаряда не предусматривалась. Гелий выгоден тем, что по сравнению с воздухом он значительно увеличивает быстроту срабатывания рулевых машинок. Но каким образом американцам удавалось загерметизировать гелиевый баллон – нам на тот период было неизвестно.

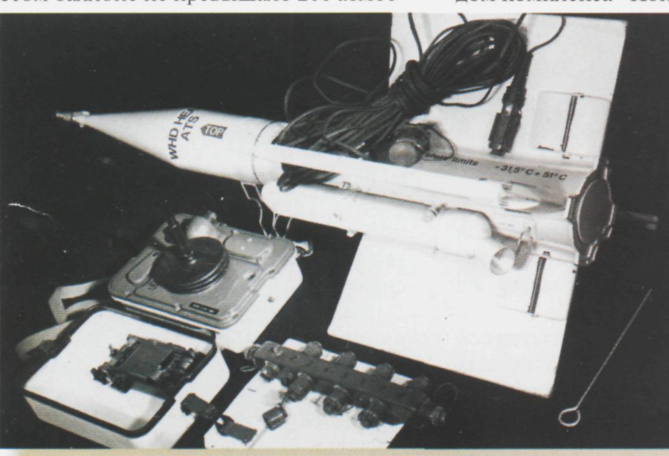


Фото 6

Мне пришлось докладывать об устройстве ТОУ на собрании руководящих работников отрасли и военных, где председательствовал начальник ГРАУ Павел Иванович Кулешов. В перерыве, когда многие стояли у демонстрационного образца ТОУ, ко мне обратился начальник и главный конструктор Тульского КБП академик Аркадий Георгиевич Шипунов, он же доктор, профессор и заведующий кафедрой тульского института: «А скажи, Дмитрий, какое главное преимущество ТОУ перед нашим противотанковым снарядом комплекса «Конкурс»?

Этого талантливейшего ученого оружейной отрасли я знал отлично – под его руководством начинал свою инженерную карьеру. Поэтому в вопросе чуял подвох. Ответ начал с того, что, дескать, никаких преимуществ не усматриваю...

Но Шипунов прервал меня: «Нет, главное преимущество ТОУ в том, что у американцев их не одна сотня тысяч, а у нас «Конкурсов» – хрен да немножко!»

ПОТРЯСАЮЩАЯ ПРОСТОТА

Из тех же краев была получена и доставлена на мое предприятие и батарея из четырех фээргэвских ПТУРС первого поколения «Кобра» с аппаратурой.

Снаряды и аппаратура наведения, выкрашенные в желтый цвет пустыни, кабели коммутации ракет, батареи с пультом оператора, еще пересыпанные песком синайской пустыни, навалом лежали в кузове грузовика. Начальник моего подразделения, узнав, что привезена батарея «Кобры» со снарядами в боевом состоянии, явно не пожелал связываться с опасным грузом и поначалу отказался принять его. Испугавшись, что буду лишен возможности разобраться с незнакомой техникой, я запрыгнул в кузов, мигом свинтил с ракет боеголовки и крикнул удалявшемуся начальнику, что опасения его напрасны, так как боеголовки лежат отдельно.

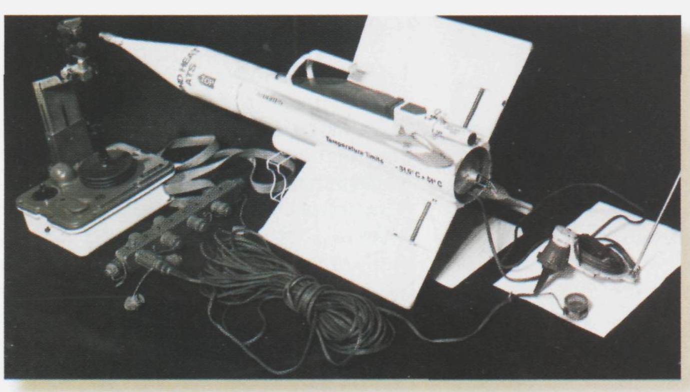


Фото 7

Назавтра я и мои помощники имели возможность подробно осмотреть привезенное. Батарея явно побывала в боевой обстановке, так как некоторые ее элементы имели осколочные отметины. След от осколка, в частности, остался на головной части взрывателя одной из «Кобр». Капсюль этой части взрывателя взорвался, но основной детонатор не сработал, так как взрыватель взведен не был. Из всего комплекса отсутствовал только полевой бинокль. Дело в том, что в отличие от известных ракет подобного типа прибор наведения «Кобры» не имел специальной оптики – ее роль выполнял обычный полевой бинокль. Было наивно рассчитывать, что он сохранится на длинном пути от Синая до Москвы.

На фото 6 «Кобра» показана со стороны внешнего стартового двигателя, рядом находятся пульт управления со сложенной в крышке стойкой бинокля, раздаточная коробка для подключения снарядов батареи и кабель соединения снаряда с пультом. Фото 7 – положение снаряда перед пуском. Донная крышка снята и закреплена на грунте шпилькой, от крышки к снаряду идут кабель к проводной линии связи и капроновый шнур, раскручивающий при старте ротор гироскопа. Под соплом стартового двигателя на грунт уложен металлический щиток, передняя часть стартового движка опирается на рамку из проволоки. Сверху на планере снаряда находятся термобатарея, трассер и транспортировочная рукоятка. Стойка бинокля установлена на пульте управления.

Все в «Кобре» удивляло потрясающей простотой и дешевизной исполнения. Например, корпус планера, материалом для которого у нас обычно является прочный алюминиевый сплав, в «Кобре» выполнен из экономичного материала, похожего на гетинакс. Корпуса двигателей наших ПТУРС изготовлены из наилучшей закаленной стали, у «Кобры» – из алюминиевого сплава. Применяемая пластмасса была не термореактивной, как у нас, а термопластичной, весьма удобной в производстве, причем не самого высшего качества – так называемый пластик АБС.

(Продолжение следует)





Фото Виталия Анькова